

A pigeon is shown in mid-flight, its wings spread wide, flying towards the right. The background is a soft-focus view of a forest path with trees and green foliage.

Протоиерей
Андрей Ткачев

ПОЧЕМУ Я ВЕРЮ

Простые ответы
на сложные вопросы

**Протоиерей
Андрей Ткачев**

ПОЧЕМУ Я ВЕРЮ

**Простые ответы
на сложные вопросы**

Москва • Издательский дом «Никея» • 2016

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р15-516-0768*

Беседы вела Юлия Посашко

© Издательский дом
«Никея», 2016

ISBN 978-5-91761-492-2 © Ткачев Андрей, прот., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Беседа первая

О ВЕРЕ И НЕВЕРИИ	9
Часть I. Вера и разум. Диалоги с Паскалем	13
Несредневековое мышление	13
Рассуждение и вера. Пари Паскаля	17
Когда Бог остается только в голове	21
Нырять в историю нужно с «аквалангом»..	24
Часть II. Нужен ли Бог, чтобы быть хорошим?.	32
Сладость плода восходит к корням	32
О телегах, подвозящих хлеб	
страдающему человечеству	37
Вера бретонской крестьянки	39
Что мешает? Гордыня и невежество.....	44
Авраамова вера	49

Беседа вторая

НАДЕЖДА НА БОГА:

безволие или благоразумие?	53
Часть I. Знание своих границ.....	56
Добрые дела учат смирению	63
Благословенный труд.....	66
Часть II. Созерцание и действие	68
Тонкая грань ложного упования	70
Время бежать и время стоять	73

О паиньках и о святых	77
Смирение и терпение: о смысле слов	83
Моисей и Акакий Акакиевич	86
Бездерзновенная инерция веков	89
О молитве на пределе сил.....	91

Беседа третья

ХРИСТИАНСТВО И РЕЛИГИИ МИРА	93
Часть I. Бог есть. Что дальше?	96
«У вас вера неправильная, но сильная»	98
Православный катехизис	
от мусульманина	102
Краеугольный камень	106
Когда «включать заднюю скорость»	111
О священных темах	
и застольных беседах	113
О христианстве,	
которое невозможно выдумать.....	116
Часть II. Восток — Запад	121
Русские: почему мы до сих пор веруем? ...	125
Почему христиане не крушат идолов.....	129
Игра в прятки с Богом.....	136

Беседа четвертая

ПРАВОСЛАВИЕ И ДРУГИЕ	
ХРИСТИАНСКИЕ КОНФЕССИИ.....	139
Часть I. Поздравлять ли с Пасхой католика? ...	142
Молитва в католическом храме.....	146
О Церкви.....	152

Часть II. Замок, фабрика и деревня (о западном христианстве и Православии)	157
О наших сильных и слабых сторонах.....	163
О вере «по-американски»	168
Повторить путь апостола Павла	172
Только Христос и Евангелие?	176
«Скажи мне, Господи, путь, которым мне идти».....	178

Беседа пятая

О ТАЙНАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ.....	183
---------------------------------	-----

Часть I. Бог и личность: разговор на глубине .	186
--	-----

О том, есть ли «мужское» и «женское» христианство	190
--	-----

О том, что духу человека несвойственен покой	195
---	-----

О том, что рабство — дело добровольное..	198
--	-----

О дарах и анафемах XXI века.....	200
----------------------------------	-----

О том, почему легок Великий пост.....	205
---------------------------------------	-----

О том, кому на пользу легкость бытия	208
--	-----

Часть II. Радость тихая — дышать и жить.....	212
--	-----

О том, какими могут быть святые	216
---------------------------------------	-----

Кто любит Бога, тому дано знание	224
--	-----

Беседа первая
О ВЕРЕ И НЕВЕРИИ

Кто думает, что он знает что-нибудь,
тот ничего еще не знает так, как должно
знать. Но кто любит Бога, тому дано
знание от Него.

1 Кор. 8: 2–3

Когда благодать касается души человека,
то вера становится реальностью,
приобретает силу достоверности,
не оставляющей места колебаниям
и сомнениям.

Архимандрит Рафаил (Карелин).

Дыхание жизни

Человек — существо мыслящее. С этим согласятся ученые всех направлений и убеждений. Человеку дан разум. Мы анализируем, рассуждаем, убеждаемся в одном и разубеждаемся в другом, сомневаемся, экспериментируем, строим догадки — на твердых основаниях эмпирического опыта или на шатких предположениях. Но вера... какой опыт стоит за ней?

Кажется, вера в Бога притянула к себе все мыслимые упреки просвещенного разума (мы говорим «просвещенного», как само собой разумеющееся, забывая, что, прежде упования на свет наук, человек уповал на свет Христов, а под сводами храмов от Александрии до Киева издавле доносилось пение: «Свет Христов просвещает всех!»). Справедливы или несправедливы эти упреки?

Напрасно ли человеку кажется, что, приходя в храм или даже для начала просто допустив веру в Бога, он окажется в области, где разум капитулирует перед нерассуждающей верой? Уверовав, должен ли буду я запретить себе сомневаться в чем бы то ни было, покорно приняв за истину множество вещей, с которыми мой разум спорит?

1. О ВЕРЕ И НЕВЕРИИ

Враждуют ли вера и разум (или это не более чем недобросовестный лозунг советской, и не только, атеистической пропаганды)? Стоит ли за верой какой-то реальный опыт или люди веруют просто потому, что недостаточно подумали? Можно ли вообще «додуматься» до существования Бога?

Об этом мы говорим в первой из цикла апологетических бесед с протоиереем Андреем Ткачевым.

ЧАСТЬ I

Вера и разум. Диалоги с Паскалем

Несредневековое мышление

— Конфликт между верой и разумом достался нам в наследство от позднего Средневековья. Один из характерных признаков средневекового общества — фундаментальная законченность мировоззрения: извлечение любого камушка из мировоззренческого здания грозит этому зданию обрушением. Например, в эпоху позднего Средневековья на Западе «канонизировано» было все, от способов лечения желудочных болей до астрономической картины мира, и поэтому любое научное открытие, подвергающее сомнению церковное слово в области той или иной науки (хотя собственно наука не является областью Церкви), грозило крушением самой веры Церкви.

Средневековое мышление предполагало обязательность признания над собою Творца и Его законов, грядущего Страшного Суда и воздаяния и требовало смиренного поклонения перед авторитетом Церкви как хранительницы истины. От человека требовалась безусловная вера Церкви, вне зависимости от того, насколько близко и понятно ему то, чему Церковь учит. На

сомневающегося или чего-то не понимающего человека, который думает не так, как думает Церковь, смотрели как на источник опасности и неблагонадежности.

Человек может мыслить архетипами и категориями, не принадлежащими его времени, доставшимися ему в наследие от долгих столетий или тысячелетий. Сегодняшний программист вдруг может назвать себя казаком и отправиться воевать за идеи, которые были рождены в XVI, а озвучены в XIX веке. Человек, едущий в «мерседесе», по спутниковой связи разговаривающий с другим континентом, мировоззренчески может быть «младшим братом» Леонардо да Винчи: в духе Ренессанса утверждать некую новую мораль без Бога и бунтовать против Церкви. Самым святым для него может быть буйство плоти, а самым невыносимым — церковная догма. А ведь этот пафос эпохи Возрождения сегодня характеризует взгляд на мир огромного множества людей: «Богу нет места, Он не имеет права мною командовать! Миру нужна новая мораль!» При этом о существовании «средневекового мировоззрения» или «мировоззрения Нового времени» люди, имеющие подобные убеждения, в большинстве своем слыхом не слыхивали. Не зная этого, они этим мыслят. Такова инерция мышления.

К счастью, мы живем в XXI веке. «К счастью» вот в каком смысле: за нашей спиной — огромное

количество людей, которые уже прожили эту жизнь и оставили нам свое наследие, хорошее или плохое. И у нас есть возможность, изучив это оставленное нам наследие, лучше узнать, кто мы сами. Тогда мы сможем, например, неожиданно распознать в себе черты средневекового человека, нетерпимого к любому проявлению несогласия или сомнения, или черты явного, натурального язычника, который воспринимает Бога как «Айболита» или «волшебника в голубом вертолете», но вовсе не Бога как Личность. Или же — черты человека новейшей эпохи, который от гордости сошел с ума и думает, что весь мир лежит у него под ногами, а он достоин им править.

Можно ли заставить человека верить? Если средневековый человек был уверен, что можно заставить склониться перед авторитетом, то сегодня мы прекрасно понимаем — веру нельзя вбить в человека, как гвоздь в дерево. Нельзя заставлять кого бы то ни было преклонять колени перед святыней, если для него она святыней не является, нельзя заставить человека исповедовать то, что не вошло в его душу, что не живет в его сердце. Бессмысленно тащить человека за руку в храм и заставлять поставить свечу до тех пор, пока он сам не скажет: «Приведите меня туда и расскажите, что вы там делаете, зачем это надо?» И говорить мы можем лишь с теми, кто

хочет и может слушать, у кого есть вопросы и кто готов услышать ответы от нас.

Это серьезный, тяжелый разговор — но только такой разговор и может принести добрые плоды.

— Все это так. Но почему же человек нецерковный подчас уверен, что не в Средние века, а именно в современной ему Церкви он вынужден будет делать то, чего не понимает до конца, принять неясные до конца «правила игры», которые закабалют его, лишат свободы задавать вопросы?

— На самом деле стоит только раскрыть глаза, и мы увидим, что уже лишены свободы и порабощены множеством вещей и явлений, абсолютно нам чуждых.

Мы каждый день сталкиваемся с тысячей «тонких насилий», делаем то, что нам очень не нравится: стоим в очередях, толчемся в транспорте, на нас обрушивается информация, которую мы не любим, но все равно вынуждены смотреть и слышать, и нам не дают той информации, которую мы получили бы с удовольствием, — будь то хорошая музыка или хорошая книга. Нас заставляют влезать в кредитную кабалу, лечиться лекарствами, которые не лечат, слушать бестолковые песни и разговоры по радио в маршрутке — и нас никто не спрашивает, хотим мы это делать или нет. На самом деле мы очень несвободные люди!

Но в таком случае стоит все-таки выслушать и противную сторону. *Audiat et altera pars*¹.

Противоположная сторона говорит, что в Боге у вас возникает шанс (шанс — потому, что, получив, можно полученное и не удержать) обрести настоящую свободу от тысячи мелочей, которыми мы ежедневно оказываемся опутаны. И на веру можно предложить посмотреть именно так — не как на аппарат подавления внутреннего мира, а как на благотворную среду возрождения мира внутреннего, как на добровольное освобождение от тысячи мелочей, которые — не нужны.

Это очень важная вещь. Здесь нам пригодится умение размышлять, которое вере никак не противоречит.

Рассуждение и вера. Пари Паскаля

— Есть такой образ: карлики, сидящие на плечах гигантов. Эти карлики — мы. Нам очень многое может быть видно. Мы имеем возможность посмотреть назад с высоты прожитого. Там, в прошлом, были люди, которые удивляют нас умением сочетать то, что не все из нас сегодня умеют сочетать. Например, рассуждать и верить.

¹ Следует выслушать и противную сторону (лат.) (здесь и далее примеч. ред.).

Один из лучших умов мира, Блез Паскаль², к счастью, написал очень мало книг. Почему к счастью — потому, что с ними легко ознакомиться. Его «Мысли» прочитываются за два вечера. И как раз у него можно подсмотреть сочетание двух, казалось бы, противоположных умений: рассуждать и верить.

Так, Паскаль выводит сногшибательную формулу, так называемое «пари Паскаля», которое сводится к тому, что верить выгодно — рассуждая строго логически.

Паскаль говорит: что теряет верующий, если он ошибся? Ничего. Он живет моральной жизнью, находит наслаждение в своей совести от исполнения хороших, правильных вещей, проживает свою жизнь, как любой другой человек, болея, страдая, но находя утешение в том, во что он верит. Потом его постигает конец, он уходит из этого мира. Допустим, он ошибся — и он попадает

² Блез Паскаль (1623–1662) — французский математик, физик, философ и писатель. Его имя носят единица измерения давления и один из языков программирования. Главной своей задачей, особенно в последние годы жизни, Паскаль считал защиту христианства перед лицом атеизма. Он работал над фундаментальной книгой: «Апология христианской религии», но так и не успел завершить начатый труд. Тем не менее фрагменты этой работы под названием «Мысли» являются литературной классикой и известны всему миру.

в некое ничто, исчезает. В чем он стратегически ошибся? Ни в чем. Он прожил свою жизнь, как все, от рождения до смерти.

В случае, если он не ошибся, что он выигрывает? Паскаль говорит: все. Он находит утешение и вечную жизнь, встречу с ранее почившими родственниками, он находит в Царствии Небесном всех тех, кого любил и знал: апостолов, пророков, Богородицу. Он находит там того Бога, в Которого он детской верой верил. Он находит все!

Теперь посмотрим на человека, отказавшегося верить. Что выигрывает неверующий, если он прав, и что он теряет, если неправ? Если неверующий прав, и *там* ничего нет — он ничего не выигрывает. Он проживает свою жизнь и уходит в ничто. А если он, неверующий, ошибся, то что же он потерял? Все. Он абсолютно все потерял.

Это банальное рассуждение по законам формальной логики. И его приводит не учитель математики среднеобразовательной школы, а один из блестящих умов в мировой истории.

— Но можно ли по-настоящему верить «по расчету» — только потому, что это выгодно?

— Конечно, верить только потому, что ты, проиграв «пари Паскаля», рассудил и понял выгоду веры, никто не может. И сам Паскаль не так верил. Вера — это дар Божий. Огонь веры возгревается

в душе благодатью Божией. Правильная вера непременно должна рождать из себя любовь, потому что без любви все обесценивается. За веру нужно бороться, вера имеет многие стадии: пассивная вера, вера деятельная, вера, движущая горами, — разная.

И Паскаль, конечно, все это понимал. Поэтому в своих записках³ он говорил, что к человеку приходит не Бог философов, а Бог Авраама, Исаака и Иакова.

Но это сказал философ — серьезный философ, одна из эпохальных личностей в истории человечества, и к нему невредно прислушаться.

Так что размышление вере отнюдь не противоречит. Открыть эту простейшую истину помогает знакомство с краткими биографиями верующих людей, которые в области ума — науки, прикладных, технических занятий — оставили заметнейший след. Ведь они могли рассуждать над какими-то головокружительными вещами, над такими математическими и философскими задачами, перед которыми простой человек просто отступает. И это умение не мешало им веровать. И веровать так, как верит простой человек.

³ Имеется в виду записка, найденная после смерти ученого в подкладке его камзола и известная как «Мемориал» Паскаля.

Когда Бог остается только в голове

— *Возвращаясь от неверия к вере. Мы пришли к тому, что рассуждение вере не мешает. Что дальше? Каким мог бы быть первый шаг к обретению веры?*

— Этот шаг, на самом деле, очень непростой. Первый шаг — ответить на вопрос: есть Бог или нет? Для начала просто это. Не разбираясь тут ни с кем — ни с иудеями и их «всемирным заговором», ни с мусульманами и международным терроризмом, ни с католиками и их крестовыми походами. Почему? Потому, что эти разбирательства ни к чему не приведут. В нашем засоренном сознании бродит множество мифов, которые уводят нас в сторону от простых вещей.

Если бы Паскаль с нами разговаривал, он бы с нас потребовал честного ответа на вопрос: «Ты понял, что логика не препятствует тому, чтобы склониться на сторону веры, и что, придя в храм или согласившись со мной, ты не потеряешь способность мыслить логически? Итак, скажи мне: спросил бы дальше великий философ, — есть ли Бог?»

Ответ на этот вопрос не так прост. Разум начинает виться, как змей. Вообще разум — это змей, который не ходит прямо, он вьется, змеится по земле, ползает на чреве вправо-влево.

Так, Феофан Затворник⁴ говорил, что разум без Бога — это сатана, а разум с Богом — это Архангел Михаил. Разум, который с Богом, говорит: «Вонмем, станем добре, станем со страхом!»⁵ Господь — Свят, и нет подобного Ему — это знает разум (тот, что с Богом), знает и смиренно склоняется перед Богом, и служит тем, чем может, во славу имени Его.

А разум без Бога — хитер, изворотлив, извилист. Конечно, у него всегда будут сомнения, и он постарается сделать так, чтоб умножить эти сомнения, оставляя за собой последнее слово. Дьявол, как осужденный преступник, всегда свое последнее слово скажет. «И все-таки я не верю

⁴ Святитель Феофан, Затворник Вышенский (1815–1894) — святой Русской Православной Церкви, выдающийся духовный писатель и учитель духовной жизни, исследователь и переводчик святоотеческих писаний. Наряду со свт. Игнатием (Брянчаниновым) остается одним из самых любимых и почитаемых духовных писателей не только в России, но и во всем мире.

Наиболее известны его произведения «Путь ко спасению», «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», «Начертание христианского нравоучения», а также письма о духовной жизни разным лицам, толкования на послания апостола Павла.

⁵ «Станем строго, станем со вниманием и благоговением!» (рус.). Священник произносит эти слова на литургии в начале евхаристического канона.

и кланяться никому не буду! — что-то такое он скажет. — И ты не кланяйся!»

И слишком опираться на свой разум в вопросах веры — небезопасно. Почему? Когда так происходит, Бог из Бога Живого может превратиться для человека в «идею о Боге». Это то, что происходило в западном рациональном сознании начиная с позднего Средневековья: сначала Бог превращается в идею Бога, потом, как следствие, подвижничество замирает, целомудрие заменяется сначала легким, потом более сильным развратом, пост уступает чревоугодию, любые виды аскезы отменяются как ненужные, литургическая жизнь угасает, молитва слабеет, милостыня прекращается... Все это происходит тогда, когда вера начинает «жить» только в голове.

Что остается? Остаются только разговоры об идее Бога — уже не о Нём Самом, а о том, есть ли Он? И наконец, появляется философ, который вдруг честно и громко кричит на площади: «Мы все убили Его! Бога больше нет, Он умер!» Речь идет о Ницше. Это был очень честный крик честного человека. Ницше (который страшно закончил, в жутких муках, потеряв рассудок) воплотил в себе потерю рассудка целыми народами, целой цивилизацией. Кстати, раз уж мы о нем вспомнили, то должны сказать, что он благоговел перед Паскалем и удивлялся тому, что христианство его

покорило. Сам Ницше так и не смог разрешить этого противоречия.

И у человека, всецело полагающегося только на свой разум, есть опасность пойти именно этим дьявольским путем и так никогда и не выйти к истине. Поэтому и первый шаг к вере — великое дело.

Нырять в историю нужно с «аквалангом»

— Но как же действительно быть со всеми этими крестовыми походами и кострами инквизиции, которые зачастую первыми всплывают при разговоре о вере? Оставить их до поры до времени в стороне? Или все-таки потратить время, но разобраться с трудными вопросами истории?

— Да, по сути, приходя к вере сегодня, мы вынуждены каким-то образом пропустить через себя всю 2000-летнюю историю христианства.

Немногие делают это в начале своего пути к вере, но так или иначе христианину это делать придется. Что было в эпоху Ивана Грозного? Зачем поплыли португальские каравеллы в Японию? Почему горели костры инквизиции, горели ли они, сколько их горело? Грешнее и слабее ли сегодняшнее духовенство того, что было раньше, или люди всегда и везде одинаковы? Так или иначе, вопросы истории будут возникать и потребуют ответов.

И в своем конечном пределе задача тут такова: почувствовать христианскую историю прошедших веков как историю, которая касается меня лично, и выработать свое личное отношение к этой истории. Только не стоит забывать вот о чем: чтобы, опускаясь на дно, потом вынырнуть обратно на поверхность, нужен акваланг — надо чем-то дышать. В истории часто дышать нечем.

— *Что Вы имеете в виду?*

— Человеческая история — это ведь кошмарная связка различных, подчас страшных событий. Стоит углубиться в историю ГУЛАГа, или Французской буржуазной революции, или Первой мировой войны, как ты погружаешься в какое-то месиво крови, интриг, дипломатических бумаг и документов, человеческих трагедий, маленьких сломанных жизней. Жестокость описываемых событий запредельна. И так — с каждой эпохой. Невольно спросишь себя: «Как мы не умерли до сих пор, благодаря чему мы живем?! Где же смысл во всем этом?»

И это очень тяжело для человеческой души. Под такой тяжелой исторической водой долго находиться нельзя: история способна раздавить человека, который не знает о том, что есть Свет.

А Свет есть — например, в истории мучеников, истории святых и праведных, которые также

есть в каждой эпохе. Хотелось бы, чтобы эта история тоже была открыта человеку.

Она есть, эта светлая сторона человеческой истории. Иоанн Златоуст⁶ говорил, например, что истинность исповедания Христа Богом для умеющего думать напрямую доказывается самим существованием христианской Церкви. Церковь была рождена жалким количеством бедных людей, жителей небольшой провинции Римской империи, у которых не было ни философских знаний, ни меча на поясе, ни политических связей, ни академического образования. Не было у них и опыта миссионерской работы. Кроме того, апостолы христианства принадлежали к иудеям — странному гонимому народу, который все узнают и которого все сторонятся⁷. И за краткое

⁶ Святитель Иоанн Златоуст (ок. 347–407) — архиепископ Константинопольской церкви, прославленный в лике святых. Златоуст отличался даром слова и талантом проповедника, а также бескомпромиссностью, с которой он боролся с пороками своей паствы, не боясь обличать и императорский дом, чем нажил себе могущественных врагов.

Один из учителей Церкви.

⁷ «В древнем мире любой человек знал по меньшей мере четыре вещи об иудеях: что они ни за что не согласятся прямо или косвенно принять участие в каком-либо языческом культе (что казалось антисоциальным), что они ничего не делали в субботу (что казалось неудобным), что они ни за что не будут есть

время своей земной жизни эта горстка учеников сумела покорить вере весь римский мир: Рах Romana, римский мир, стал Рах Christiana, миром христианским. Причем все апостолы умерли за свою веру, и умерли насильственной смертью (кроме Иоанна Богослова), не отрекшись от нее.

И Златоуст говорит: «Теперь посмотри, что произошло. Посмотри на финикийцев, на этих древних морских разбойников, — они поют псалмы! Посмотри на ливийцев, на этих жителей пустыни, — они знают, кто такой Лука, кто такой Марк, они читают пророков. Посмотри на гордых и спесивых римлян — они посыпают голову пеплом и соблюдают Великий пост. Посмотри на Дунай, на этих виноградарей, которые кривым ножом срезают виноградные кисти, — они читают молитву Иисусу Христу, когда работают в поле. Это сделало жалкое число проповедников. Все мы, собранные вместе, теперь не можем повторить даже малой доли того, что сделали они. Откуда это в них?»

не только идоложертвенное мясо, но и любую свинину (что казалось глупым) и что они обрезывали своих младенцев мужского пола (что казалось отвратительным)». См. А. Дворкин. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Курс лекций. — Нижний Новгород: Издательство Братства во имя св. князя Александра Невского, 2005. — 928 с. (Часть первая. Становление Церкви. I. Начало Церкви).

«Теперь ты понимаешь, — мог бы продолжить Златоуст, — что Церковь не могла возникнуть случайно, теперь ты понимаешь, что силы им дал Христос, что такую силу может дать только Господь?»

Но это апелляция к человеку, который согласен сесть и думать.

Не нужно закрывать глаза на темные стороны церковной истории. Надо иметь готовность об этом говорить. Но говорить, не теряя из вида светлую мысль о Едином Боге, Который существует вечно, и о Сыне Его Единородном, Иисусе Христе, Который пришел в мир, и Чье имя сладко для слуха верующих. Все, что связано с Христом, очень удивительно.

Когда в мире замолкает разговор о светлой радости и о смысле жизни, о том, что нужно призывать милость к падшим и верить в Бога и Богу, то человечество, пытаясь своими силами достигнуть счастья, учиняет какой-то очередной кошмар, чтобы потом долго и с большим трудом выбираться из него. Но вера никуда не исчезает. Она может сокращаться, как шагреновая кожа, или расширяться, как мехи баяна, переходить с территории на территорию, из рухнувшей Византии в Московскую Русь, но она никуда не исчезает. Вера сохраняется.

А человечество опять продолжает жить и давать повод новым историкам изучать очередные кошмары. Вот так движется история. И от ее

кошмаров нужно постоянно возвращаться к светлomu миру веры, спастись в нем.

— *А стоит ли человеку бросаться в эти кошмары истории, изучать их, пытаться разобраться, делать далеко идущие выводы, не имея веры?*

— Нет. Человеку, для которого вера не сладка, для которого храм — закрыт, а богослужение и Священное Писание молчит, не стоит обращать свой взор в то, что называется историей.

Не имея веры, он рискует сгореть от стыда или сойти с ума, впасть в отчаяние, разувериться во всем и стать циником. Господь может человека и из этого состояния призвать — так может произойти. Как, например, это произошло у Клайва Льюиса⁸, который сел в автобус

⁸ Клайв Стейплз Льюис (1898–1963) — английский писатель, один из лучших апологетов христианства в XX веке. Будучи крещен в детстве в англиканской Церкви, Льюис постепенно утратил интерес к религии, но в зрелом возрасте вновь обрел веру в Бога.

Его литературное творчество отличают глубина мысли и вместе с тем простота изложения. Знаменитые «Хроники Нарнии» являются своеобразным пересказом евангельской истории на языке сказки, в «Расторжении брака» Льюис показывает, каковы на самом деле Рай и Ад, «Письма Баламута» — это «аскетика наоборот»: в форме переписки опытного беса со своим неопытным племянником писатель раскрывает основы христианской аскетики и духовный путь верующего.

атеистом, а вышел — верующим человеком (он рассказывает об этом в своей книге «Настигнут радостью»). Такое часто бывает: озарение в толпе, когда ничего вроде бы не происходит, а у человека с души вдруг словно пелена снимается. Я сам слышал ряд историй, когда люди говорят: «Едучи в метро в очередной раз, я понял, что так жить нельзя: либо я умру, либо должно что-то произойти!» И атеист, спустившийся в метро, скажем, на станции «Смоленская», на станции «Бабушкинская» выходил верующим человеком.

Но, повторяюсь, искать ответы на сложные вопросы истории, не имея опоры в вере, — это тяжелый путь.

— Если в исторической гуще Бога встретить трудно, то где искать Его?

— Я думаю, что человек как личность должен искать личного Бога, Который нужен ему и Которому нужен он. Внутри конкретных исторических условий — дефолта в Греции, войны на Украине, падения самолетов и пропажи «Боингов» — внутри той исторической картины начала XXI века, в которой мы живем.

И надо знать, что, если Бог приблизится к человеку, Он прикоснется к сердцу. Сердце человеческое — это орган, реагирующий на Его присутствие. Как дозиметр реагирует на радиацию, которую никак иначе не почувствуешь — ни глазами, ни

слухом, ни кожей, — так и сердце реагирует на Бога, и потому к нему надо прислушиваться. Но только не думая, что Бог там «уже есть», — это тоже один из распространенных мифов. «Бог в душе» — это очень легкие слова, сказанные по очень серьезному поводу. Его там сейчас нет. Если бы Он там был как владыка и хозяин — мы бы совершенно по-другому действовали, думали, жили. Жизнь была бы совершенно другая.

Это личный путь богопознания.

И тут человек (вернемся к воображаемому диалогу с Паскалем, спросившему нас: «Есть ли Бог?»), не имеющий личного опыта встречи с Богом, позволяющего сказать «да», мог бы ответить: «Глядя на достойных людей, имеющих веру, я склоняюсь к тому, что Бог действительно есть. Но мой личный опыт об этом ничего не говорит».

Это уже будут честные слова.

ЧАСТЬ II

Нужен ли Бог, чтобы быть хорошим?

Сладость плода восходит к корням

— Давайте обратимся к вопросу, как будто более практическому. Как связаны вера в Бога и способности творить добрые дела? Обязательно ли нужно быть верующим, чтобы любить людей и творить добро в мире?

«Практические» праведники могут быть и неверующими. В жизни мы это видим. Можно вспомнить, например, Антона Павловича Чехова, который говорил о себе на протяжении всей жизни, что он растерял веру, что он в Бога не верит. Но тем не менее в самом себе являл жертвенное, деятельное, поистине христианское милосердие и сострадание к людям. Неверие в Бога в нем совмещалось с любовью к людям — выходит так?

— Это интересное явление. Я, как любой человек, с ним знаком и думал об этом.

И вот я думаю, что, если хотим понять, что к чему, мы должны поместить это явление в контекст. Нам должна быть известна «история болезни», «бэкграунд»: что там, в корнях? Не стоит рассматривать эту «атеистическую праведность» автономно, — дескать, это вспышки

доброй человеческой натуры. Неправильно извлекать этих праведников без веры из той среды, в которой они живут. Погрузив их в законную среду, мы обречем для себя очень много ответов.

Например, пытаюсь понять корни «советской праведности», т. е. праведности советской эпохи: жертвенности врачей или комсомольцев-метростроевцев, смелости летчиков-полярников — мы вынуждены будем сказать, что она появилась не на пустом месте. И если вспомнить ее исторический контекст, мы должны будем понять, что это по сути — квазихристианский проект.

Во-первых, предки, деды и прадеды советских людей (в массе своей — крещеные) в течение многих поколений принадлежали к византийской православной традиции, причем в ее русском варианте, который отличается именно аскетичностью и жертвенностью. Без аскетического идеала Древней Руси подвиги советского человека были бы просто невозможны! Граждане «первого в мире атеистического государства» часто были практически христианами, если можно так говорить, не зная имени Того, Кто дал им силу, Кто заложил в историю нашей страны и нашего народа этот импульс.

У этой «атеистической праведности» есть свои истоки — какие-то молившиеся бабушки, расстрелянные священники, бывшие чьими-то

дедушками или прадедушками, какие-то праведные монахи, затерявшиеся в шестом или седьмом поколениях, но никуда не исчезнувшие, — ни из памяти Бога, ни из нашей крови.

Кому-то, может быть, попался на жизненном пути прекрасный преподаватель вуза, который из хулигана и оболтуса сделал выдающегося ученого. И только поинтересовавшись историей жизни этого гениального преподавателя, воспитавшего великие кадры для науки, мы узнали бы, что он или сам был христианином, или принадлежал к христианской традиции, своей жизнью транслируя веру в души учеников, совершая тем самым свой незаметный подвиг (таким мирским подвижником был, например, профессор Алексей Фёдорович Лосев).

У каждого такого святого явления есть свой «бэкграунд». Мы не можем представить себе такого праведника, например, в ацтекской культуре — там, где пили кровь и наслаждались зрелищем человеческих жертвоприношений. Таких праведников там бы просто не было, потому что сам культурный фон не допускает такой праведности. Наш культурный фон позволял быть такой праведности, потому что это был христианский фон.

Чехов — тоже хороший пример. Ведь, вспомним, у него был очень верующий отец, создавший в своей семье «идеальный образ» воспитания,

навязывавший детям веру своим родительским авторитетом. И тем самым поломавший всех своих детей.

Это как раз отрицательный пример христианского воспитания: стоит просто проанализировать письма Чехова, его переписку с братьями, чтобы сделать вывод о том, как нельзя детей воспитывать в верующих семьях. Чехов сам писал, что, видя, как они братьями на три голоса пели в церкви «Да исправится молитва моя», узнавая, что они весь Великий пост постятся по строжайшему монашескому уставу, люди думали, что из этих мальчиков вырастут святые. А ничего святого не выросло, ни из одного. Один стал действительно мировым писателем, и был внимательным, чутким, сердечным человеком, но — потерявшим веру. И кстати, скорбевшим от этого: он же и говорил, что человек должен либо верить, либо искать веру, иначе он пустой человек.

Но то доброе сострадание и милосердие к людям, которые у него были, — не из христианства ли он почерпнул? И это нельзя сбрасывать со счетов.

— *Вы хотите сказать, что причина любой «атеистической» праведности так или иначе лежит в религиозных плоскостях, стоит только «копнуть глубже»?*

— Сладость плода на дереве напрямую связана со здоровьем корней и с тем, что происходит

под землей, — то есть там, где мы не видим. Что-то подобное можно сказать и про атеистов, которых мы можем называть праведниками.

Да, я считаю, что там, в истории, в корнях, есть что-то, обеспечивающее и обуславливающее их временную праведность — временную потому, что она с каждым поколением все больше и больше умалется и на каком-то этапе совершенно иссякает. Мы можем это видеть в истории нашей страны после 1917 года: уходят поколения энтузиастов революционной поры, героев Великой Отечественной, строителей БАМа, а вместе с ними меркнут идеи жертвенности, подвига, самоотверженного служения другим. На смену героям приходят сыновья, продающие медали своих отцов...

Без постоянной подпитки и подключения к источнику этот «бэкграунд», этот заряд святости выветривается.

К тому же, человеческое сердце таково, что человек сам о себе всего не знает. Есть те родники, которыми он питается, не понимая, чем он питается, собственно. Сердце и голова ведь могут жить отдельной жизнью. Сердце может питаться практическим добром, искать Бога или чувствовать Его, а голова, воспитанная в атеистической идеологии, может резко отвергать все связанное с Небом. Человек сложен по факту.

О телегах, подвозящих хлеб страждущему человечеству

— Не ставим ли мы верующего выше только потому, что он верующий? Опять же, человек, еще не пришедший к вере, в этом непременно увидит...

— Дискриминацию.

— Да, дискриминацию, граничащую с оскорблением: «Как вы можете меня жалеть, как вы можете меня ставить ниже себя? Вы не имеете на это права!»

— Если мы видим человека, не разделяющего нашу веру, но делающего наши дела, — мы признаем в нем нашего брата, неизвестно по каким мотивам к нам присоединившегося. И мы можем лишь снять шляпу перед тем, что мир сложнее, чем нам кажется. Далеко не все мы можем понять и объяснить. Но мы должны называть белое белым, а черное — черным. У нас есть такая заповедь, и горе нам, если мы поступим наоборот!

Но вспомните слова «гнусного Лебедева» из «Идиота» Достоевского. «Слышите, стук телег, подвозящих хлеб страждущему человечеству?» — говорил там один деятель. А Лебедев отвечал: «Дайте мне нравственные основания для вашей деятельности. Я, гнусный Лебедев, не верю в стук телег, подвозящих хлеб страждущему человечеству!» Почему? Потому, что без твердого

нравственного основания эти благодетели могут прелегчайшим образом исключить из числа питаемых хлебом значительную часть человечества. По собственному произволу.

На эмоциях нельзя долго «ехать», нужно «ехать» на твердом нравственном основании.

Один человек без твердых нравственных оснований, например, идет кормить людей в ночлежку или приносит беженцам горячий борщ, а другой — без твердых нравственных оснований кормит котов и собак и куска хлеба не даст человеку, потому что он разочаровался в людях и считает, что кошки лучше. Если мы представим себе двух этих людей, на одной лишь интуиции из сострадания кормящих кого-то живого, то мы должны понимать, что, как только мы им дадим это твердое нравственное основание, — тот, кто кормил людей, поймет, что он занимался тем, чем надо; тот, кто кормил кошек, начнет задумываться: «Слушай, подожди, кошки — потом, сначала — люди!»

На эмоциях долго не продержишься.

— *А твердое нравственное основание — где оно, откуда его взять?*

— Раз уж нам Бог позволил рассуждать, мы продолжаем рассуждать. Мы ищем, где же можно найти эти твердые нравственные основания для разумной нравственной деятельности. И находим, что на сегодняшний день, при всех

достижениях науки и техники, при сегодняшнем избытке и перепроизводстве, голодных и нуждающихся быть не должно. Уже хватает всего! Уже можно было бы слышать не только стук телег, но рев турбин самолетов, привозящих сухое молоко детям Ганы или ЮАР. Но... ничего не слышно, ничего не летает. Бомбы летают, самолеты с сухим молоком — нет...

Почему? Очевидно, не хватает твердого нравственного основания, но существуют другие основания — безнравственные — для наличия умирающих от СПИДа, пленников наркоманских сетей, торговцев органами и «живым товаром», для локальных и глобальных военных конфликтов, для существования бедных и сверхбедных стран. Значит, не хватает именно нравственности. А она вытекает из религиозного мировоззрения — тут никуда не денешься, это логическая неизбежность, против которой невозможно спорить.

В том-то и дело, что дар рассуждения очень быстро возвращает нас к истине и здравому смыслу. Только бы мы им действительно воспользовались.

Вера бретонской крестьянки

— Мы говорили о ценности дара рассуждения. Но вот Блез Паскаль, о котором мы неоднократно вспоминали и который этим даром пользовался как нельзя лучше, однажды сказал, что его вера

далека от веры простой бретонской крестьянки... Действительно ли простая, нерассуждающая вера имеет преимущество перед верой «ученой»?

— Бретонские рыбаки — это вообще абсолютно не сомневающиеся люди. «Я верю, как верит Церковь, и больше меня ничего не интересует» — это известная средневековая присказка. В ней очень много правды. Когда простой человек стоит перед лицом неверующего философа, который соблазняет его тоже отказаться от веры, то простой человек, как в материнские объятия, бежит к вере Церкви. «Я не могу с Вами спорить, мне не хватает для этого знаний, но я верю в Господа Иисуса Христа и верю во все, что говорит мне моя Церковь», — говорит он и прибегает к Церкви, под ее сень. И это очень правильная реакция. Это то, за что нельзя ругать Средневековье. Потому что в то время иметь большие познания и быть по-настоящему образованными могли только люди, посвятившие себя монашеству и священству. А остальные работали по 20 часов в сутки.

— Будет ли это правильной реакцией сегодня? Если современный образованный человек скажет: «Я не могу в этом разобраться, я верю авторитету Церкви»?

— Мы, конечно, вправе ожидать от него больших знаний, большей воцерковленности, большей способности сопротивляться мысленным

нападениям, но, если он имеет доверие к Матери-Церкви и чувствует подвох в словах собеседника, он может смело заканчивать разговор словами: «Я не могу с Вами спорить, мне не хватает знаний, но я верю так, как меня научила верить моя Церковь». Это будет очень правильно. Но это должно быть произнесено смиренно, твердо. Именно при наличии смирения и твердости здесь нет ни сучка ни задоринки. Я думаю, что в большинстве случаев эти слова, правильно, вовремя произнесенные, будут спасительны для человека.

— *Не будет ли здесь «слепой», бездумной веры?*

— Здесь есть много таких... ложных дилемм. Уже сами слова «слепая вера» содержат ошибку. «Видеть» и «верить» — это антонимы. Апостол Павел пишет о том, что мы верую ходим, а не вѣдением⁹. Слепая вера — это и есть нормальная вера, потому что зрячая вера — это знание: раньше я верил в это, теперь я знаю это. Вера стремится к знанию, стремится разрешиться от слепоты и увидеть то, во что верит.

Кстати говоря, мы знаем то, во что верим, уже потому, что отличаем объект своей веры от любого другого объекта. Допустим, кришнаит верит в Кришну, я верю во Христа. Я знаю, чем

⁹ См. 2 Кор. 5: 7.

отличается Христос от Кришны? Конечно. Я могу путать эти объекты? Ни в коем случае! На основании чего? На основании твердого знания характеристик объектов. Я знаю, в Кого верю и в кого верит он. А раз я знаю, то моя вера со знанием связана. Я не могу верить без знания.

Область веры как раз требует знаний от человека. Например, когда мы поем на литургии молитву «Символ веры», то должны понимать, что в ней говорится, произнося молитву «Отче наш», мы должны знать, о чем она.

В конечном итоге мы стремимся к тому, чтоб вера стала знанием, чтобы надежда оправдалась, а любовь осталась и умножилась. Это наша «генеральная цель».

— Как Вам кажется, отец Андрей, может ли человек надеяться прийти к ответу на вопрос «Есть ли Бог?» одними своими рассуждениями или ему нужно что-то еще?

— Мне кажется, собственных интеллектуальных усилий для таких выводов человеку все-таки не хватит. Ему нужен личный благодатный опыт, и уже с этим опытом он должен совершить труд осмысления прожитой жизни и жизни мира — в тех пределах, в которых позволяет его кругозор. Личный благодатный опыт — это твердый каменный фундамент, который кладется в глубину человеческого сердца.

Но путь к обретению веры может быть неблизким. Обязательно на этом пути у человека будет кризис — например, в подростковом возрасте, когда все подвергается сомнению, или кризис, вызванный потерей близкого, с которой человек не может примириться и бунтует против Бога, говоря: «Зачем Ты забрал у меня того, кто был мне так нужен?!»

У Пастернака есть стихотворение о потере и обретении веры — это его личная исповедь, но вслед за ним ее могли бы повторить миллионы людей:

Ты значил все в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о Тебе
Ни слуху не было, ни духу.
И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я Твой Завет
И как от обморока ожил.

Многие (из советских людей) были воспитаны в детстве в христианстве и имели какой-то светлый детский опыт, связанный с верой: образ молящейся перед иконами матери, звон колоколов на Пасху, первая детская исповедь. Потом «пришла война, разруха» — у каждого человека по-своему. И веру пришлось обретать заново.

Вера как доверие (условно назовем ее «верой бретонской крестьянки») — это очень хорошая стадия, хотя и не первая. За верой-доверием следует вера как уверенность.

Дай Бог до такой веры «добратся» человеку... Мы знаем имена тех, кто дошел до этого: святые — это люди, вера которых уже вошла в область знания.

Что мешает? Гордыня и невежество

— Отец Андрей, как Вам кажется, что в первую очередь мешает человеку на пути к осознанной вере, к вере-доверию?

— Гордыня и невежество. Можно искать истину и не найти ее, будучи слишком гордым для этого, — каким, например, был Лев Толстой. Ведь он, пытаясь во всем подражать мужикам, даже ходил с ними на богомолье, но так и не обрел их веры, прошел мимо Христа.

Если человек не горд или горд не патологически (всякий человек как-то горд, но горд, как правило, не патологически), то второе, что может ему помешать, — это невежество. Невежество может быть разным. Одно дело — отсеченность от информации: какой-нибудь смиренный крестьянин, идущий за плугом где-то в Центральной Африке, с радостью откликнулся бы сейчас на слова о Христе, если бы ему дали возможность их услышать.

Но есть и другое невежество — информированная гордыня, когда человек говорит: «До сих пор я вас слушал, а дальше мне неинтересно. Спасибо, хватит!» Сердце такого человека — тот самый каменистый грунт из притчи о сеятеле, в котором семя истины не может пустить корни¹⁰.

— Стремление «во всем самому разобраться» — тоже своего рода гордыня?

— Нет, стремление «разобраться самому» может быть, напротив, меткой пытливых душ. Есть такие, которым мало услышать, но хочется все проверить. Не знаю, насколько уместно делиться анекдотами на страницах этой книги, но есть, мне кажется, один, достойный внимания. Я расскажу так, как слышал и запомнил.

Был на свете один страшный атеист, разговора с которым боялись все муллы, все раввины, все священники, все ксендзы и все буддийские монахи. И был другой человек, помоложе, который тоже считал себя неверующим. И этот молодой агностик захотел поучиться у старого «мэтра атеизма». Пришел к нему и говорит: «Я, как и Вы, атеист, я ни во что не верю! Я считаю...» — и произнес какой-то такой набор классических

¹⁰ См. Мф. 13: 3–9, 18–23 (истолкование Иисусом притчи о сеятеле).

слов, описывающих атеистическое мировоззрение. А старый атеист ему говорит:

— А ты когда-нибудь слышал, как в кельях плачут отшельники?

— Нет. А зачем? Это мне совершенно чуждо, я это не приемлю, ведь я атеист!

— А ты бывал когда-нибудь в монастырях, смотрел в лица монахов, монахинь, знаешь, как они живут, их распорядок дня? Разговаривал ты с ними, спрашивал ли их, как они пришли в монастырь, с каким грузом, с какими радостями?

— Нет, я никогда этим не занимался! Зачем мне это надо?! Меня это совершенно не интересует!

— А ты знаешь, сколько в среднем часов в год проводит над книгами раввин?

— Да какая мне разница?! Пусть проводит, сколько хочет, мне это неинтересно!

— А ты когда-нибудь видел, как мусульмане совершают хадж в Мекку, как они оттуда возвращаются?

— Да не надо мне тут ничего перечислять!

И тогда наконец этот старый атеист говорит молодому: «В таком случае, молодой человек, Вы вовсе не атеист — Вы просто глупец».

Вывод на поверхности, понимаете?

Самое интересное в жизни мира — это религия. Все самое глубокое, самое пламенное, насыщенное, значительное — это все там, где есть Бог.

Или там, где люди ищут Его, или там, где они нашли Его, или там, где они Его потеряли и опять ищут. И пренебрежительно пройти мимо этого опыта может только человек, у которого не хватает совести или образования (так, один баптистский профессор говорил, что человек, сомневающийся в историчности Иисуса Христа, не имеет проблем с верой, — но у него серьезные проблемы с образованием).

Серьезному атеисту надо будет, может быть, опуститься еще глубже, чем опускается средний верующий человек. Он должен будет, как апостол Павел, отправиться в путь в Дамаск¹¹, чтобы укрепиться в своем отрицании. Ответственному атеисту нужно поставить перед собой честную задачу: «А ну-ка проверю, чем занимаются все эти люди, которые говорят, что Бог есть? Ну-ка почи-таю, послушаю, ну-ка похожу туда, куда они ходят» — например, в какой-нибудь крестный ход, в котором 30 тысяч человек — мужчин, женщин, детей — несколько дней идут под дождем и солнцем, по грязи и по бездорожью.

Честный атеист должен сесть и прочесть Евангелие. Обязательно. Если он осилит, пусть

¹¹ Обращение апостола Павла, до этого момента бывшего гонителем христиан, совершилось по пути в Дамаск, куда он отправился, чтобы, «кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим» (см. Деян. 9: 2).

прочтет и Коран. Если и этого окажется мало, пусть сядет и сопоставит Коран и Евангелие, пусть познакомится с еврейской религиозно-молитвенной практикой, с тем, как верили пять тысяч или три тысячи лет назад... Для таких исследований человеку, конечно, понадобится очень сильный пафос, страсть, в первичном смысле этого слова: «Ну сейчас я разберусь с этим всем! И уж когда я разберусь, вы меня не обманете!» Вот тут-то... Бог его и поймает. Как апостола Павла, собственно. Как митрополита Антония Сурожского¹², и еще многих, многих других.

¹² Митрополит Сурожский Антоний (Блум) (1914–2003) рассказывал, как он пришел к вере. Это случилось, когда после религиозной лекции он, подросток, пришел домой с намерением «покончить, наконец, с христианством», разобраться с ним и раз и навсегда откинуть. Будущий митрополит нашел дома Евангелие: «...и так как я ничего хорошего не ожидал ни от одного из четырех, я решил прочесть самое короткое (Евангелие от Марка. — *Ред.*). И тут я попался... я сел читать; и между началом первой и началом третьей главы Евангелия от Марка я вдруг почувствовал, что по ту сторону стола, тут, стоит Христос. И это чувство было настолько разительное, что мне пришлось остановиться, перестать читать и посмотреть. Я смотрел долго; ничего не видел, не слышал, чувствами ничего не ощущал... но у меня было яркое сознание, что тут несомненно стоит Христос... Помню, я тогда откинулся и подумал: если Христос живой стоит тут... значит, все, что о Нем

Тут-то Господь и ловит этих горячих, неравнодушных людей. Ведь религия, по словам одного немецкого религиозного философа, Пауля Тиллиха, есть состояние крайней степени заинтересованности. Таких — заинтересованных — и ищет Господь.

Авраамова вера

— *Что делать человеку, если он «не чувствует Бога», если Небо для него молчит? Вроде и хорошо было бы поверить, но — не могу!*

— Такому человеку надо, безусловно, просить о вере. И еще, мне кажется, очень важно, когда люди просят Бога о других людях. Тогда, как говорил Паскаль, человеку даруется счастье быть причиной.

Первопричина всего — это Господь, но, когда человек включает волю и начинает активно что-либо делать, он изменяет мир. Как, скажем, тот, кто убирает мусор и разбивает клумбу под окном, привносит красоту туда, где раньше было безобразие... Так и молящийся человек может стать причиной перемены в чьей-то неверующей душе.

говорится, — правда». (См. Биография митрополита Сурожского Антония на сайте Электронная библиотека «Митрополит Антоний Сурожский». URL: <http://www.mitrass.ru/biograf.htm>.)

В Деяниях Апостолов описан эпизод¹³, когда одного из первых диаконов христианской Церкви, Стефана, забивали камнями иудеи, а юноша по имени Савл, одобряющий убийство, сидел и стерег одежды этих убийц. И потом, в ближайшие дни, по дороге в Дамаск этому юноше явился Христос. От видения Савл ослеп и получил откровение идти в Антиохию, где он крестился и стал всем нам известным христианским апостолом Павлом. Так вот, один из отцов Церкви, Блаженный Августин, толкуя этот эпизод, говорит: если бы не было молитвы Стефана, не было бы обращения Савла. Молитва праведника была последней каплей, которая привела будущего апостола ко Христу.

Так что просьба того, кто уже знает Бога, о том, чтобы Он в некую малую, но нужную долю стал явен неверующему человеку, который Бога «не чувствует», очень много может значить.

Но молиться о другом человеке может только тот, кто сам переживает Бога как Высшее Благо, для кого вера в Бога, стремление к Нему и общение с Ним — не просто «что-то хорошее», не просто способ «оградить» себя от неприятностей, а смысл всей жизни. В этом смысле с одинаковой тревогой можно молиться как за успешного и состоявшегося бизнесмена, так и за человека,

¹³ См. Деян. 6: 8 — 7: 60.

не нашедшего себя в жизни: если ни тот ни другой не знает Бога, они равно несчастны, их благосостояние в мире не имеет значения.

Почему это важно понимать? Нередко мы относимся к Господу Богу как к доктору Айболиту, который придет и всех исцелит, или ждем Его, как волшебника в голубом вертолете, который прилетит и сделает всех счастливыми, «всем бесплатно покажет кино». Мы бываем готовы поступать как язычники, которые целовали землю на берегах Нила и благодарили Нил за то, что он разливается, но попробовал бы он не разлиться — они бы его били батогами!

Но Бог — это не утилитарное понятие. Бог нужен не для того, чтобы жить без пьянства, без голода и войны, а Он нужен сам по себе, как Бог, как конечный смысл, как цель пути. «Защитник», «кормитель» и «устроитель чудес» — это второстепенное, это функции, но глубже всех этих функций есть Бог по существу. Бог как Бог.

Вера в такого Бога, память о Нём, размышление о Нём и любовь к Нему — это вера Авраамова. Авраам всю жизнь ходил перед Богом, прошел через ряд испытаний, постепенно накалявшихся до самых серьезных, доказал Ему свою верность, но при жизни ничего особенного не получил: только обетование о будущем, которое исполнилось на его потомках. Сам же Авраам умер бездомным, не имея под ногами собственной земли.

И на самом деле очень тяжело к Богу относиться как к Богу. Но по слову апостола Павла, христиане — дети Авраама по вере¹⁴. И наша вера должна быть именно такой.

— Чтобы как-то подытожить тему веры и неверия — такого разного неверия и такой разной веры, как бы Вы определили веру в Бога? Что значит верить?

— Вера — это личное чувство встречи с Богом, прикосновения Бога к сердцу, чувство, прошедшее через разум, осознанное, удержанное и сохраненное им. Вера — это мой личный опыт, тождественный такому же опыту миллионов людей — живших до меня, живущих рядом со мной и тех, которые будут жить после меня, — так что мы все могли бы сказать: «Мы нашли одного и того же Бога. К тебе и ко мне прикоснулся Тот же».

¹⁴ См. Гал. 3: 6–9.

Беседа вторая

НАДЕЖДА НА БОГА:
безволие
или благоразумие?

Самоуверенность является нашим
наибольшим и наихудшим врагом,
который безжалостно и неожиданно
нас разоряет и оставляет в несчастном
положении под открытым небом¹⁵.

Паисий Святгорец

Коня готовят на день боя, но победа
даруется от Господа.

Притч. 21: 31

¹⁵ Цит. по: Старец Паисий. Простые слова. Ежедневник православный. — Минск, Свято-Елисаветинский монастырь, 2014.

Икона успешного человека XXI века — человек активный, стремящийся изменить себя и мир вокруг, извлечь максимум из своих способностей и обстоятельств. Но вера в Бога на первый взгляд учит человека обратному: отстраниться от мира, который «во зле лежит», уйти в собственные глубины — в молитве, созерцании, познании себя и Бога. Должен ли человек, уверовав, отказаться от деятельной, активной позиции, к которой привык стремиться? Действительно ли идеал успешности XXI века несовместим с верой и добродетелью христианина является уход от суеты и пассивность? Ждет ли Господь от человека отказа от активной деятельности в миру? Как совмещается молитва и действие?

Во второй беседе с протоиереем Андреем Ткачевым попробуем разобраться в этих вопросах.

ЧАСТЬ I

Знание своих границ

— Когда крестился король Хлодвиг¹⁶, то он, перед тем как зайти в купель, спросил епископа, крестившего его: «Что я потом должен буду делать?» — «Ты должен будешь сжечь все, чему поклонялся, и поклониться всему, что сжигал», — ответил королю епископ. Иными словами, потребовал от него полной перемены деятельности.

Потеря интереса к тем вещам, которые тебя раньше очень интересовали, и активный интерес к тому, к чему до того ты был совершенно безразличен, очень часто сопровождают приход к вере. Ведь быть бездеятельным человек не может — мы созданы как существа деятельные. Только верующий уже будет деятелен по-иному.

— *В чем заключается эта инаковость?*

— Вера дает человеку понимание границ своих возможностей.

¹⁶ Хлодвиг I (466–511) — король франков. По преданию, в христианство язычник Хлодвиг обратился после того, как во время одной из битв с алеманнами, призвав на помощь «Христа, которого исповедует Клотильда (жена Хлодвиги, бывшая христианкой)», одержал победу.

На самом деле человеческая активность формируется в зависимости от того, как и о чем человек думает. С возникновением протестантизма появилось два психологических типа западного человека. «Католический» — это тип старого средневекового сознания, когда человек работает, чтобы выжить, в случаях неудач утешается Богом, в случаях успеха Бога благодарит, но никаких сверхзадач, кроме религиозных, перед собой не ставит.

Протестантизм способствовал появлению человека с новой психологией. Человек «протестантского» типа мышления ставит себе вполне земные цели, например достижение максимально для него возможного успеха и благосостояния в этой земной жизни. В случае успеха он благодарит в первую очередь свои энергичность и пронырливость, неудачи заставляют его искать новое поле приложения своих усилий, искать себя в чем-то другом. Люди с таким образом мысли привели мир к промышленному буму, изменившему лицо Земли, к географическим открытиям (впрочем, к географическим — еще католики), к изменению человеческой психологии: если я сильный, то все силой возьму! если умный — всего добьюсь своим умом! если богатый, все деньгами куплю!

Вера, напротив, связывает человека благими помыслами, дает ему понимание ответственности, зависимости от других людей и от

Бога и — понимание границ своих возможностей (ведь умный человек отличается от глупца именно тем, что знает границы своего познания и меру своих сил или, по крайней мере, стремится их узнать). Человек, который верит в Бога, думая о решении земных задач, всегда будет помнить и о том, что есть Вседержитель, Кому принадлежит все: и мировой денежный ресурс, и каждая капля воды, и каждая крошка хлеба, все успехи и неудачи человеческие. «У вас же и волосы на голове все сочтены. Не бойтесь!»¹⁷ — эта возведенная Евангелием истина дает человеку понимание того, что у его возможностей есть край, предел, и понуждает найти этот предел. Найти и не дерзнуть выходить за него, чтобы не повторить ошибку Люцифера.

Ощувив свои границы, осознав, что не все в этой жизни зависит от него, человек уже начинает «сбавлять обороты» и учиться: учиться просить помощи, укрепления и благословения.

Тот же, кто, подобно человеку эпохи Возрождения, считает себя хозяином жизни и готов воскликнуть: «Все могу, все сделаю, всего добьюсь! на край света полечу, в космос заберусь, богатым стану, достигну счастья!» — тот и будет действовать в духе этого мировоззрения. Конечно, по сравнению с таким энтузиастом,

¹⁷ См. Мф. 10: 29–31.

неверующим, но уверенным, что он сумеет свернуть горы, верующий выглядит заметно спокойнее и куда менее активен. Он знает: от него не все зависит.

— *А всегда ли это хорошо — тихо сидеть и надеяться на Бога?*

— Я думаю, что это хорошее спокойствие. Надеяться на Бога — это правильно. Но настоящую цену этой надежды и этого спокойствия может знать только тот, кто ощутил ее плоды, кто понял, что Господь не лишит доверившегося Ему того, что ему по-настоящему необходимо.

Христос, успокаивая нас, говорит: «Вы не можете сделать ни одного волоса белым или черным»¹⁸. «Но как же это? — скажем мы. — Ведь мы можем пойти в парикмахерскую и перекраситься в любой цвет!» Христос говорит: «Вы не можете приложить своему росту локоть»¹⁹, то есть увеличить свой рост даже на локоть. А мы пытаемся — уменьшать, увеличивать, растягивать кости, изменять форму носа, делать другие пластические операции, вплоть до «смены пола», как бы говоря этим: «Да ничего подобного! Все мы можем!» Это логическое продолжение той самой возроденческой установки «я — хозяин жизни!», такое

¹⁸ См. Мф. 5: 36.

¹⁹ См. Мф. 6: 26–27.

«мичуринство» («Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача», — говорил этот ученый), только не над яблоками, а над человеком. А Господь напомнил нам о том, что на самом деле все, что происходит с нами, Ему ведомо и мы — в руках Божиих.

Верующий человек менее активен и более созерцателен. Его мировоззрение, размышления, созерцание и анализ должны составлять серьезный компонент его жизни. Он не должен быть бездумен в действиях, он должен просчитывать возможные риски, должен думать заранее. И ему полезно смотреть на то, как кипит и суетится «активное человечество» и что из этого получается. Тогда «гибель нечестивого» будет праведнику наукой.

Ведь у слабого духом человека может возникнуть соблазн: «Какой прок в угождении Богу? У тех, которые творят все, что хотят, все лучше, чем у меня. И не есть ли это мотив для того, чтобы и мне поступать, как они?» Эту дилемму заметили еще древние пророки: как много сил тратят праведники на то, чтобы угодить Богу, и как незаметны их дела в мире, а дела нечестивых, которые раздражают Господа каждый день, — успешны. Они ежедневно искушают Бога, но до сих пор живут! Это одна из проблем, которая заставляла праведников останавливаться перед жизнью и спрашивать Бога: почему? Почему пути

нечестивых успешны, почему стада их множатся, почему в этих стадах нет ни одной бесплодной овцы или недоящейся коровы? Почему у них так все хорошо? Почему праведник часто смирен обстоятельствами жизни и унижен (в псалмах праведники называются часто «нищие земли»)? «Или Тебе все равно? — спрашивали пророки Господа, — или Ты специально так устроил и только ждешь часа, чтобы поставить все на свои места, испытывая веру и терпение праведных?»

На самом деле человеку лучше понаблюдать за этой активностью неправедных снаружи, «сидя на красивом холме»²⁰ и глядя на это все внимательным оком. Посмотреть, чем она заканчивается.

В псалмах царя Давида есть такие строчки: «Праведник умоет руки в крови грешника»²¹. Это не буквальное выражение, его надо понять в духовном смысле. Руки — это образ деятельности, кровь — образ гибели. И когда праведник увидит нечестивого умирающим, он «умоет свои руки его кровью», то есть он очистит свою деятельность опытом его гибели. Он не будет повторять путей нечестивого, видя, куда они того привели.

²⁰ Слова из одноименной песни Бориса Гребенщикова.

²¹ См. Пс. 57: 11 (в церковнослав. переводе).

В конце концов, человек без веры действует по очень ограниченным векторам движения. Основных вектора три. Во-первых, это самолюбие, желание выделиться и прославиться, иметь повод сказать: «Я — лучше всех!» Затем — сребролюбие: «Хочу иметь все!» (человеку всегда и всего мало). И наконец, сластолюбие, желание удовольствий. Трудно выдумать что-нибудь новое для того, кто действует в жизни без веры.

Кстати, к славолению и некой жадности — впечатлительной, интеллектуальной жадности — может относиться, например, стремление как можно больше увидеть, узнать, когда человек, скажем, ставит себе целью объехать все страны мира и собрать в своем паспорте штампы всех таможен. Есть такие люди, это факт. Что здесь? Безусловно, жажда впечатлений, жажда приобщиться к богатствам и царствам всего мира, и некое тщеславие, повод похвалиться, превознести себя на фоне тех, кто нигде не был, либо был, но не везде. И человек этим может плениться, и тогда начинается гонка — за восточными сладостями, персидскими коврами, чикагскими небоскребами, африканскими саваннами, тайландскими удовольствиями... Это, по сути, и есть та похоть очей, которой лукавый соблазнял Иисуса Христа на горе искушений, показав Ему все царства мира во мгновение ока...

Добрые дела учат смирению

— Отец Андрей, но ведь не всякая активность нечестива и вредна — мы видим вокруг массу добрых начинаний. Неужели и эта активность верующему возбраняется?

— Не думаю. На самом деле миру очень нужны «мирские» подвижники.

Можно с уверенностью сказать, что праведники локализованы не только в пустынях, в горах и пропастях земных, в монастырях. Они могут быть щедрой рукой «рассыпаны» по медучреждениям, по юридическим консультациям, по домам престарелых и детским приютам. Есть ряд священных профессий, которые могут сделать из человека некоего подвижника, в случае самоотдачи и внутренней христианской веры, живущей в нем. Например, если верующий прокурор или верующий адвокат отдает себя работе и пропускает через себя человеческие страдания и жизненные перипетии с желанием не навредить, но помочь, — он совершает очень важную оздоровительную работу в обществе. Так же поступает врач, который трепетно относится к своей работе, не только как к средству зарабатывания денег, а как к средству помощи больным. Так же может поступать и учитель.

И добрая активность есть. Например, «научный эрос» ученого, который влюблен в свою

науку и в сам процесс познания, в чем-то очень близок к христианскому подвижничеству. Верующий художник, живописец, поэт, драматург, который «сжигает» себя в работе, в творчестве, при этом соблюдая некий нравственный код христианских ценностей, тоже в своем роде будет мирским подвижником. В разных местах могут быть праведные люди, которые веруют и реализуют свою веру через дела. И напряженности, с какой они работают, удивится любой «активный гражданин».

Но это будет специфическая активность, сопряженная, опять же, со знанием границы собственных способностей: верующий человек знает, что он не может исцелить и исправить мир. Как бы он этого ни хотел.

Ведь чему учат человека добрые дела? Такой, казалось бы, простой вопрос ставит один святой. И отвечая на него, говорит: «Делание добрых дел научает его смирению». Почему? Потому, что человек, творящий доброе дело, постоянно ощущает свою немощь и недостаточность. Человек чувствует, что он посреди творения добрых дел оскверняет себя действием страстей, например завидует или раздражается. Он видит, что добро, сделанное им, несовершенно, в нем есть червоточины и недоделки. И он смиряется, понимая, что добрые дела делать надо, но гордиться ими нельзя. Не получается ими гордиться!

Болезни мира не исцеляются человеческими руками — это очень важный кирпичик адекватной картины мира. А уверенность в том, что мир может быть радикально и качественно изменен человеческими усилиями, — это глубокое заблуждение, граничащее с отвержением веры в Бога, веры в грехопадение и искупление человека. Мир будет радикально обновлен и переменен только во втором пришествии Христа.

Зная все это, верующий будет активен, но — смиренно, ограниченно активен. Ведь только гордый всегда старается взять на себя больше, чем может понести, и приписывает себе большую значимость, чем имеет на самом деле.

— *Как раз гордого-то деятельность и может смирить, разве нет?*

— Гордого деятельность может скорее поломать, чем смирить. Поломать и оставить лежащим на обочине. А вот отстранение от деятельности может помочь смириться. Как помогает осознать свою недостаточность невероятной красоты пейзаж, на фоне которого ты очень-очень мал.

Представим, например, что голливудский актер, получивший премию «Оскар», ослепленный вспышками фотоаппаратов, уставший от раздачи автографов, опьяненный всеобщим вниманием, вдруг попадает на неделю в какую-нибудь деревянную хижину, одиноко стоящую на горном

плато. И — ни одного репортера, никого, кому он был бы нужен. Телефон сел — не с кем поговорить. И при этом каждое утро и каждый вечер — удивительной красоты восход и закат. В первый день он, вероятно, будет отдыхать от всего и наслаждаться одиночеством, во второй — одиночество станет ему уже в тягость, в третий — он понемногу успокоится, а через неделю — забудет о том, что он голливудский актер, получивший «Оскар», и начнет понимать, что он просто букашка на спине огромного кита, который плывет в Мировом океане.

Влезть в гущу очень часто значит впоследствии — сломаться, а устраниваться — значит спастись. Смиряться лучше от маленьких неудач. Например, от больного зуба. От потекшего крана.

Благословенный труд

— Возвращаясь к вопросу о деятельности и жизненной активности... Христос ставит нам в пример птиц небесных, которые не сеют, не жнут, но которых питает их Небесный Отец²². Но ведь современники Христа, слышавшие эти слова, были не менее наблюдательны, чем режиссеры каналов Discovery или Animal Planet, — они понимали, что птицы вовсе не сидят на месте. Еще солнце не рассвело, а птицы уже начинают чирикать, свистеть, летать

²² См. Мф. 6: 26.

туда-сюда, ища себе пропитание и материал для гнезд. Потом в гнездах появляются птенцы, и их тоже надо кормить и растить...

Птицы небесные находятся в постоянном движении. Они трудятся, и еще как! И Христос указывает на птиц небесных, как на пример для нас. Это вовсе не призыв к бездеятельности. Надо понять, что есть нормативная трудовая активность, понятная любому человеку самой простой профессии — гончару, бочкарю, таксисту, — та активность, которая позволяет кормить себя и свою семью и еще кому-то при этом помогать. А есть активность, имеющая другие цели: например стать финансово успешным — в бизнесе, или стать самым известным — в творческой профессии, или самым влиятельным — в политике. И тут если человек ставит себе цели в превосходной степени — «хочу, чтоб мое имя было на Аллее славы!», или «хочу, чтобы обо мне писал Forbes!», или «хочу войти в историю как второй Уинстон Черчилль!», — то, конечно, такая активность должна настораживать и пугать верующего человека. Он должен по нюху ощущать здесь запах серы.

ЧАСТЬ II

Созерцание и действие

— *Есть в миропонимании верующего человека категория, незнакомая неверующему. Это воля Божия. И часто верующих обвиняют в том, что они, вместо того чтобы «заняться делом», медлят, ища воли Божией на то или другое в своей жизни.*

Так вот как совместить, с одной стороны, такую хорошую активность, а с другой стороны, созерцание, слушание — то есть попытку услышать, что я должен делать?

— Сочетание созерцания и действия — это нормальная практика любого человека. Независимо от веры, люди пытаются оценить результаты своего труда и понять, куда им двигаться дальше. Неверующие летчики проводят разбор полетов. Менеджеры и аналитики рисуют какие-то графики, строят прогнозы. Анализ прошлого, планирование будущего — это тоже своего рода созерцание.

Созерцание — это вовсе не бездействие. Как живет любой организм? Он чередует труд и отдых. Никакой человек не может быть активен 24 часа в сутки, сон необходим ему точно так же, как бодрствование. И ведь во время сна человек

на самом деле не совсем бездействует — его мозг обрабатывает информацию, полученную за день, отбрасывает ненужное. Происходит своеобразная «промывка» душевных окон. Это и есть своего рода созерцательная работа.

И невозможно одновременно и действовать, и созерцать, необходимо менять режимы действия. Скажем, если человек занимается не тем, чем нужно, как он поймет это, находясь в безостановочном беге? Действующий может видеть только то, что находится перед его носом, а созерцающий пытается подняться над ситуацией, посмотреть шире: вдаль, назад, направо, налево.

Другое дело, что неверующим исключено присутствие Божие в жизни. Если верующий, зная свою ограниченность и зная, что Господь — Вседержитель, может обращаться к Нему, спрашивая: «А что Ты ждешь от меня? Что я должен делать, куда благословишь меня двигаться?», то у неверующего этого нет. Он не спрашивает и не ждет ответа, но, где на эмоциях, где на интуиции, пытается двигаться туда, куда, как ему кажется, двигаться правильно.

Как больная собака нюхает траву, пока не найдет нужную, лечебную для нее. Как рыба, идущая на нерест, выбирает речные пути. Человек совершенно точно так же может интуитивно делать правильные вещи. Но в любом случае его

тревожит: правильно ли я делаю? правильно ли то, чем я занимаюсь? Ведь когда человек делает совершенно не то, к чему призван, он разрушается, он чувствует себя выпавшим из правильного потока жизни и лежащим на обочине или идущим куда-то в ложном направлении.

Тонкая грань ложного упования

— Впрочем, для верующего человека есть вторая опасность — он может слишком много полагаться на Бога.

У Лескова описывается такой анекдотический случай: какие-то фуражиры в кавалерийских войсках не обеспечили нормальной пищи коням. И вот начинается поиск виновных: какой-то инспектирующий генерал кричит на полковника, полковник — на подполковника, подполковник сваливает все на капитана, капитан — на интенданта, интендант — на фуражиров, фуражиры — на Господа Бога, а Господь Бог — «не конюх, чтобы ваших лошадей кормить!»

И действительно, тут надо вовремя оборвать эту цепочку, чтобы не сваливать на Бога свои неисправности, не говорить «так Богу угодно!», тогда как исправление ситуации было в наших силах.

Бог не все устраивает без нас. Какие-то вещи Он действительно делает Сам, Своей силой,

а какие-то — с нами, и только после того, как мы начинаем действовать. И халатное, небрежное отношение к жизни может быть следствием такого неправильного упования на милость Божию — преступного упования на самом деле. Например, такого: «Буду грешить, ведь Бог милостив! Что Он, не простит меня, что ли? Простил ведь Христос блудницу, простил мытаря, простил разбойника, и меня простит, ничего страшного!» И так же в деятельности человеческой: «Бог даст. Коль не даст, то не даст!» А грань-то очень тонкая.

Если от неверующего требуется созерцательность, размышление и постепенный приход к мысли о существовании Творца, к Которому надо обращаться за благословением и помощью, то от верующего требуется иногда бóльшая степень активности в принятии решений. Следует сдерживать его в иной раз чрезмерных упованиях на то, что Бог и без него все сделает и устроит.

— *Вы сказали, что между «правильным» и «неправильным» упованием — очень тонкая грань. Как Вам кажется, как понять, где пролегает эта грань? Когда слова «я полагаюсь на волю Божию» будут добродетельны, мужественны и правдивы, а когда они все-таки будут лукавством, попыткой уклониться от деятельности?*

— Мне кажется, это очень тонкий внутренний вопрос, который каждый человек должен решать

внутри своего сердечного святилища. Это вопрос честности и самопознания.

Человек может по видимости бездействовать, говоря: «Я не пойду туда или я не займусь этим (не поступлю работать в этот коллектив, и не подпишу этот контракт, и не буду дружить с этим человеком и т. д.), потому что я знаю, чем все закончится: это бесперспективно, губительно и вредно для всех, и для меня в том числе». Это одно дело, здесь отказ от деятельности основан на предвидении ее губительных плодов. Здесь есть честная нравственная позиция и ответственность.

Но бывают случаи, когда человек не действует, например, из страха или лени. Не устраивается на работу, говоря: «Работы нет, Бог не дал!» (на самом деле он ленится что-либо предпринять, чтобы найти работу). Или мужчина не женился до 45, мотивируя это тем, что не было хорошей девушки и вообще «как-то так получилось», а на самом деле он боялся женщин или страшился ответственности, не хотел себя связывать столь серьезными обязательствами. Или человек мечтает научиться молиться, или избавиться от какой-то страсти, ничего для этого не делая. Понятно, что это неправильный образ мысли.

Страх и лень — это главные мотивы преступной бездеятельности.

Впрочем, готовых ответов здесь быть не может: слишком много людей, разных жизненных

ситуаций, масса условностей. Могут быть только общие рекомендации. Более-менее точный, «аптекарьски» точный ответ на то, с чем мы имеем дело, — или с преступной ленью, или с преступным страхом, или с разумным уклонением от деятельности ввиду ее бесполезности или опасности, — возможен уже только в духовнической беседе, в диалоге духовника и вверившегося ему человека.

Время бежать и время стоять

— Есть времена для всего: есть время строить и время разрушать, время сшивать и время раздирать. Есть время смеяться и время плакать.

И для бездействия в том числе есть свое время. Например, у пророков написано, что бывают злые времена, когда праведник молчит, «ибо это злое время»²³. Пророк Иеремия пишет об этом беспросветном времени: князья развратились, народ обезумел, священники поддерживают говорящих неправду и дающих взятки — всех ожидает конец, но никто никого не обличает, никто ни на кого не показывает пальцем, потому что виноваты все.

Бывает время, когда Бог говорит праведнику: «Сиди тихо, молчи, не высывайся». Так при

²³ «...Разумный безмолвствует в это время, ибо злое это время» (Ам. 5: 13).

пророке Илие было семь тысяч мужей, сохранивших веру, но скрывшихся, — никто не мог их распознать как верных Единому Богу, внешне они никак не проявляли своей веры. Они не ходили на демонстрации с лозунгами: «Хватит кланяться Ваалу! Вернемся все к Богу Истинному!» — Они знали, что это не только бесполезно, но и губительно: они будут тут же убиты, а их семьи оставлены без кормильцев. И эти люди жили незаметно, хранили верность Богу и избегали идолослужений (у Исаии есть такое выражение: «...сила их — сидеть спокойно»²⁴).

Но мы говорим о времени, когда человеку благословляется бездействовать. В том-то и дело, что тут главное — не перепутать. И если Господь вдруг скажет: «Иди!», — надо встать и пойти.

— В таком случае главный вопрос заключается в том, чтобы понять, какое сейчас время...

— Да. Для честного верующего (а верующий должен быть честным, чтобы не оправдывать Божиими словами свои страх и лень) в этом главный вопрос: вовремя услышать, что говорит тебе Бог.

Я сам не прыгал с парашютом, но видел много раз съемки того, как совершаются эти прыжки. Инструктор не просто кричит очередному парашютисту: «Пошел!», он вместе с этой командой

²⁴ См. Ис. 30: 7.

несколько подталкивает его. Так и Господь. Он не просто говорит: «Иди!», а как бы еще мягко подталкивает одновременно со словами. И важно этот толчок ощутить, потому что многие трагедии происходят тогда, когда человек бездействует в то время, когда нужно действовать, или действует тогда, когда уже поздно или нельзя действовать.

Когда евреи подошли к границам Земли обетованной, Господь повелел им: «Заходите и завоевывайте!» Они ответили: «Но там же такие исполины ходят, мы перед ними как саранча!» — «Идите, Я буду с вами!» — «Нет, мы боимся, они же нас всех перебьют!» — «Бойтесь? Тогда возвращайтесь обратно в пустыню. Если вы не решились идти туда, куда Я посылал вас, то будете ходить по пустыне много лет!» Говорят: «Нет, раз так, то мы все-таки пойдем воевать!» — «Нет, теперь уже поздно». Но они все-таки пошли и были жестоко биты — как пчелы гонят человека, залезшего в улей, так и жители филистимской земли били евреев, гнали их обратно в пустыню.

Подобные трагедии нередко случались в человеческой истории. Вспомним две знаменитые ветхозаветные стройки: Ноев ковчег и Вавилонскую башню. Когда Ной строил ковчег, ему нужно было помогать, чтобы потом в этот ковчег войти вместе с ним и спастись, а не просто смотреть на

его труды, приговаривая: «Что это он здесь делает? Вдалеке от воды строит какой-то огромный деревянный ящик!» (ведь Ной, на взгляд своих соплеменников, занимался абсолютно абсурдной деятельностью!). Когда же строили Вавилонскую башню, нужно было, наоборот, смотреть со стороны и не лепить кирпичей...

По сути, нам очень часто бывает нужен Божий совет, Божия помощь, чтобы разобраться: что я должен делать и когда? Когда я должен говорить, а когда молчать? Когда я должен убегать, а когда — оставаться на месте перед лицом опасности? Ведь покорность Богу может проявляться как в действии, так и в бездействии в нужное время. Я «иду на баррикады», потому что я послушен Богу, или я не «иду на баррикады», потому что я послушен Богу. И то и другое возможно.

Ведь там, где Господь говорит «не делай», дьявол говорит «делай». Где Господь говорит: «Ешьте!», дьявол говорит: «Не ешьте!» И наоборот. Говорил Бог в Раю: «Не ешьте от Древа познания добра и зла»²⁵, а дьявол сказал: «Ешьте!» Съели... Господь сегодня на каждой литургии говорит: «Приидите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое!», а лукавый человека отговаривает: «Не надо тебе этого, ты недостойн! Причащайся раз в год, и хватит с тебя!»

²⁵ См. Быт. 2: 16–17.

Там, где нужно действовать, нас останавливает собственное малодушие и лукавые помыслы. Там, где нужно оставаться на месте, нам не дают сидеть на месте наше беспокойное сердце и лукавые помыслы.

— Как же понять, когда нужно действовать, а когда — покориться обстоятельствам? Молиться, просить о помощи и опираться на здравый смысл?

— Как говорится в Писании, «...тяжелый труд дал Господь сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем» — труд понять, что им делать и когда им это делать.

Надо и молиться, и просить о помощи, и прислушиваться к собственному здравому смыслу. Но до этого человеку необходимо осознать, с чем он имеет дело. Ведь труд поиска правильного пути и решения — это не просто мое личное временное затруднение, с этим выбором сталкивается каждый человек. И проблема выбора очень серьезна, ошибки в этих вопросах очень дорого стоят.

О паиньках и о святых

— Отец Андрей, есть такое выражение: «В монашество не прячутся, как в нору, а к нему карабкаются, как на скалу». Мне кажется, это выражение можно применить не только к монашеству,

а гораздо шире. Как человеку понять, когда ему пора «выходить из норы» и «карабкаться в гору», а когда все-таки стоит повременить и дожидаться внутренней ясности, того самого «толчка», о котором Вы сказали?

— Понять, думаю, можно. Вообще это очень правильные слова, их стоит запомнить. Совершенно верно: надо лезть в гору, а не прятаться в нору. Это касается не только монашества, а и всего остального. Дерзай! Христос нередко произносил это слово: «Дерзай, дочь, и будь цела от раны твоей!»²⁶; «дерзайте: Аз есмь, не бойтесь!»²⁷; «Господи! Если это Ты, повели мне прийти к Тебе по водам». — «Иди»²⁸. Это дерзание, дерзновение, конечно, больше соответствует духу христианства.

Может создаться иллюзия, что христианство ставит своей целью воспитать каких-то бесцветных людей — пушистых и приятных во всех отношениях. Но это совсем не так. Человек-паинька, который начальству мил, с родителями покладист, со всех сторон хорош, слова дурного не скажет, мягок, приятен и... никаков — вовсе не идеал верующего человека. Напротив, мне кажется, такие люди с трудом приживаются в христианстве

²⁶ Ср. Мф. 9: 22.

²⁷ См. Мф. 14: 25.

²⁸ См. Мф. 14: 28–29.

и с точки зрения христианского благочестия менее успешны.

— Но при чтении «Житий святых» может сложиться как раз обратное впечатление... Почему?

— Есть стилистические особенности жития как жанра, сложившегося в течение многих столетий. Часто, например, оно представляет святых чуть ли не с детства преподобными, опуская, сглаживая многие драматические моменты их жизни. Но на самом деле истории одной Марии Египетской²⁹ хватит, чтобы понять, насколько это неверно.

В ближайшем приближении мы видим святых очень неординарными людьми. Читая «Жития

²⁹ Преподобная Мария Египетская — христианская святая, жизнь которой является ярким свидетельством того, что покаяние и изменение жизни возможно любому человеку, каким бы грешным он ни был. Бывшая с юных лет блудницей, Мария однажды прибыла в Иерусалим, где пережила обращение к Богу. Раскайвшись в своей прежней жизни, она на следующий же день, причастившись, перешла реку Иордан и ушла в пустыню, где провела в уединении, посте, молитве и в страшной борьбе с собой 47 лет. Напряженность этой борьбы передает ее житие, которое записал встретивший преподобную в конце ее жизни монах, авва Зосима, подвизавшийся в той же пустыне. Память Марии Египетской совершается в Русской Православной Церкви 14 (1) апреля и в пятое воскресенье Великого поста.

святых» постоянно сталкиваешься с неким дерзновением, смелостью, с полным выпадением из привычных шаблонов.

Святые вообще, по-моему, ни в какие шаблоны не вписываются. Они могли смириться перед тем, перед кем никто не смиряется, но при этом противостоять тому, перед кем все трепещут, — как Николай Чудотворец, который мог явиться на место казни невинно осужденных и вырвать меч из рук палача. Или как святитель Лука Крымский — ведь в его жизни нет ничего, что напоминало бы «лакированный» образ святости.

В мирской жизни есть хулиганство, дерзость, в христианстве же есть дерзновение. Дерзновение и дерзость внешне очень схожи, но только внешне: они имеют совершенно разное наполнение. Дерзость — это неоправданное хамство и наглость, а дерзновение — это смелость оправданная. Это купленное право быть смелым. Святые покупали себе право быть смелыми с людьми и даже с Богом. Они покупали себе это право, оплачивая его чем-то очень личным и большим. Дерзновение возникает тогда, когда у человека очень личные отношения с Господом Богом.

— К слову, о дерзновении: это именно религиозное понятие? Дерзновенной может быть только верующая душа?

— Да, дерзновение имеется в виду только по отношению к Богу, и оно касается только верующего человека. И не просто верующего, а еще и приносящего Богу какую-то жертву.

Мученики — дерзновенные ходатаи за нас. Ведь мы недаром поем о святых: «...дерзновение имуще ко Спасу... мир испросите душам нашим»³⁰. Причину этого дерзновения можно понять, например, из богослужебных текстов, посвященных мученикам. Там в их уста вкладываются такие слова: «Ты, Господи, стал человеком ради нас, Ты пролил за нас Свою кровь, Ты позволил Себя растерзать, убить, распять... И мы ради Тебя тоже готовы пролить кровь, готовы к тому, чтоб нас резали на части, изуродовали, раздробили наши кости! Мы не жалеем себя ради Тебя, потому что Ты не пожалел Себя ради нас. Ты нам отдал всего Себя, и мы себя отдаем Тебе всецело!» И дальше они попадают в эти камеры пыток, в костедробильные аппараты и машины, их мучают, терзают, они страдают, терпят и продолжают хвалить Бога, пока, наконец, не совершается триумф веры — они уходят душой в Небесный Иерусалим, к вечной небесной литургии.

Кровью мучеников Церковь одевается, как в царские одежды, как в багряницы и порфиры.

³⁰ «Имея дерзновение к Спасителю, испросите у Него мир нашим душам» (рус.).

Эти страдальцы (а их в Христовой Церкви было очень много во все времена) являются «гвардией» Иисуса Христа, как самые приближенные к Небесному Царю. Почему? Потому, что они отдали Христу все, что только можно было отдать, и отдали с высшей степенью самопожертвования. И потому Христос говорит им: «Просите у меня все, что хотите!» Так мученик за Христа становится открытой дверью милости Божией: ты можешь просить его молитв. Это — купленное дерзновение.

Имея разную степень дерзновения, каждый из нас приближается к Богу, чем-то поступаясь. Кто-то терпеливо несет болезнь или лишение богатства, другой безропотно сносит потерю любви или предательство и взамен потерянного обретает внутреннюю силу и большую любовь к Господу Богу. Молитва такого человека превращается из воздуха в хлеб, то есть становится действенной, живой.

Святые — вовсе не «паиньки», в них есть какой-то смелый, дерзновенный дух... Они же необязательно являются исцеляя и утешая, иногда они приходят и с грозной речью, наказывая или обличая: «До каких пор ты будешь грешить, прогневливая Бога и обижая людей?» Например, Спиридон Тримифунтский мог помолиться, чтобы Бог лишил голоса дьякона, который славился голосовыми данными и тщеславился этим.

Иногда святых просили о заступничестве жители какого-нибудь осажденного города, и они, являясь на помощь, топили целые флотилии вражеских кораблей...

Среди святых нет никого, похожего на Чичикова в молодые годы: мол на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся (хотя само по себе правило это хорошее, кстати), аккуратно причесывайся, следи за платьем...

Смирение и терпение: о смысле слов

— *Тогда такой вопрос: церковная проповедь часто говорит о необходимости кротости, смирения и терпения. И эти слова зачастую воспринимаются как призыв быть как раз тем «паинькой», о котором Вы говорите.*

Почему так происходит и почему мы так редко слышим призыв к дерзновению?

— Помните такую детскую игру, когда мы какое-нибудь словечко много раз повторяем, например «палка-палка-палка»... и через некоторое время становится непонятно, что ты говоришь: «копал» или «палка»?

Повторение одних и тех же слов в течение очень долгого времени может сыграть с человеком злую шутку: он рискует утратить глубинный смысл этих слов и связать их с какой-то сугубо

внешней моделью поведения. Когда ты постоянно говоришь только о смирении и терпении, о смирении и терпении, не стараясь раскрыть их смысл, то, во-первых, привыкает ухо слушающего и его ум перестает различать смыслы, во-вторых, вязнет язык говорящего...

Ведь смирение не имеет точного определения, его суть крайне сложно выразить в словах. Это «риза Божества». Это одно из имен Божиих. Иметь смирение — значит иметь Бога в себе (или рядом с собой хотя бы) — примерно так говорится у Лествичника³¹. Мы же, говоря о смирении, можем путать или смешивать его с массой совершенно иных вещей. Например, с бытовой покорностью. Или еще с чем-то. Мы можем прилагать его ко всем жизненным ситуациям, не очень рассуждая, действительно ли это смирение? Например, если муж бьет жену, можно ли сказать жене: «Смирись»? И как долго бедной женщине «смиряться» — пока муж не переломает ей все ребра? Может, ей пора уже не «смиряться», а реагировать как-то иначе?

Настоящего смирения мы видели очень мало или не видели вовсе, зато слова о нем про-

³¹ Преподобный Иоанн Лествичник (кон. VI — сер. VII в.) — преподобный, игумен Синайского монастыря, автор знаменитого аскетического труда «Лествица». Память преподобного, кроме дня его успения, совершается в 4-е воскресенье Великого поста.

износятся часто и легко. И поэтому здесь существует реальная опасность возможного перекося и потери смыслов.

Поэтому стоит поискать, например, другие словесные выражения для того же самого. Допустим, у человека умер кто-то из родственников. Говорить ему: «Смиряться!», когда у него душа порвана и кричит от боли? Нет, но можно попробовать сказать иначе: «Попробуй примириться с ситуацией. Ты не исправишь ее, но попробуй примириться и молиться Богу, чтобы там было хорошо тому, которого ты любишь. Пусть любовь останется, но действие любви пусть выразится в молитве о любимом человеке, который ушел». Из этого родилась, например, святость блаженной Ксении. Если помните, у нее скоропостижно умер любимый муж и она стала молиться за него одного. И молитва за любимого человека выросла до пламенной молитвы за всю вселенную. А началось все с супружеской любви, с безвременной потери, с наигранного безумия и с молитвы только за него одного: чтобы ему было хорошо там.

За каждым словом должна стоять реальность. Нельзя одно и то же слово «лепить» на все жизненные ситуации: тогда оно перестает действовать и люди не чувствуют за ним реальности. Надо обязательно докопаться до его смысла.

Моисей и Акакий Акакиевич

— Можете ли Вы привести пример по-настоящему кроткого человека?

— В Пятикнижии, например, сказано, что Моисей был самым кротким из всех жителей Земли. Но... если мы посмотрим на жизнь Моисея, то это же настоящий приключенческий детектив, не меньше. Его усыновляет дочь египетского фараона, он вырастает, потом убивает египтянина, зарывает его в песок, бежит из царского дворца, женится на язычнице, живет 40 лет в пустыне простым пастухом... Потом возвращается в Египет, чтобы увести оттуда целый народ — Израиль. Он общается с Богом устами к устам, как тайнозритель, совершает чудеса и предсказывает будущее; берет в руки оружие, проявляет себя как полководец; становится судьей народа, вершит казни. Жизни этого человека хватило бы на миллионы других жизней! И при этом он — кроткий человек...

Хотя бытовое понимание кротости совсем иное. Кроткий человек в нашем понимании — это человек незаметный, такой «Акакий Акакиевич», который говорит: «Зачем вы меня обижаете?» Можно ли представить себе, что Акакий Акакиевич вдруг расправляет плечи, вступает за кого-то (кроткий, скорее всего, за себя не будет вступаться, он перетерпит) и дает

пощечину обидчику со словами: «Не смейте обижать человека, он брат наш!» Этого совершенно невозможно себе представить! У Достоевского в «Кроткой», если помните, главная героиня, прижимая к груди икону, бросается из окна на мостовую и погибает. Можно ли сказать, что это — кротость? Вряд ли, скорее — надломленность, смирение в плохом смысле слова, отказ от борьбы... Так что здесь вопрос словоупотребления очень важен.

Неправильное употребление слов портит разум, а попытка правильно пользоваться словами рождает любовь к слову и потом — к Богу.

— *Значит, призывая христианина быть кротким и смиренным, Церковь имеет в виду что-то принципиально иное, а вовсе не «смирение» Акакия Акакиевича?*

— Чтобы попробовать понять, насколько христианское смирение и кротость не похожи на «смирение» Акакия Акакиевича, можно, например, обратить свой взор к такому издревле существующему институту Церкви, как монашество. Монашество — дерзновенная форма протеста против всех видов мирской несвободы. Живущий в миру человек задавлен жаждой денег, страхом перед начальством, страхом безработицы, страхом одиночества, жаждой удовольствий и многими другими вещами. Он словно

закован в цепи. Монашество — это радикальный бунт против мирского рабства. По идее, монах презрел, оставил позади все эти мирские цепи. И тот, кто, однажды оставив все, сохранил верность этому дерзновенному шагу на всю жизнь — самый свободный человек в мире. Это человек, в котором должен быть пламенеющий дух. Это тот самый Моисей, пренебрегший египетским богатством ради того, чтобы быть свободным.

И, помимо монашества, внутри Церкви всегда было множество людей, которые тяготели к странничеству, юродству и прочим не менее радикальным, но менее заметным и менее понятным формам протеста против мирского диктата.

Но и в миру Церковь не призывает быть «Акакием Акакиевичем». Если православный христианин оказался на какой-то очень важной государственной должности, Церковь вправе сказать ему: «Ты раньше делал карьеру для того, чтобы прославиться и превознестись, теперь, как верующий человек на ответственном посту, ты должен будешь отдавать себя своему делу и быть готовым положить свои кости ради того, чтобы жить в стране стало легче и лучше. Забудь про спокойную жизнь, оставь позади тщеславие, приготовься иметь много врагов и делай то, что нужно». И такой человек вовсе не будет паинькой,

склонным подписывать все приносимые ему бумаги. В любом случае Церковь зовет человека к служению.

Бездерзновенная инерция веков

— *Почему же подлинного дерзновения так мало в сегодняшней церковной жизни?*

— Видимо, психология церковного человека несет в себе следы прежних эпох.

Мы проживаем какую-то серьезную инерцию нескольких прошедших столетий. Синодальный период³² был для Церкви очень специфическим — это было время чиновничьего всесилия и церковного бесправия. Петербургский период был одной из интереснейших и великих эпох в российской истории, но вместе с тем Церковь в этот период была по-настоящему обескровлена и превращена в какой-то обслуживающий чиновничий аппарат, в одно из министерств. А потом уже советская власть прошла каленым железом по церковной жизни, собрав огромную жатву мучеников и исповедников. На долю тех, кто остался в живых, как раз

³² Общепринятый термин в периодизации истории Русской Православной Церкви, когда высшим органом управления Церкви был Священный Синод, т. е. 1700–1917 годы.

и выпала эпоха, когда «праведник молчит, ибо это злое время». И они, верующие советского времени, замолкли, утаились. Они берегли веру, проповедовали ее, где можно было, но чаще это были слова, сказанные на ухо, чем открытая и гласная проповедь.

Эта инерция мышления досталась по наследству нам. Сменились эпохи, и, по идее, время говорит нам: «Теперь идите в институты, в школы, в воинские части, проповедуйте всюду — на стадионах, в больницах, в тюрьмах! Везде благовествуйте имя Господа Иисуса Христа!» Но это так легко сказать, а — попробуй перестроить церковно-общественную психологию, если за спиной несколько веков вынужденного молчания...

И кроме того, идеал церковного человека сегодня у нас не сложился. Каков, например, идеал православного предпринимателя? Каким должен быть современный православный студент или верующий рабочий? Молодая православная семья — как в ней постятся, сколько в ней должно быть детей, живет ли она вместе с родителями или отдельно? Православный человек, работающий кинорежиссером или актером, — кто он?

Над выработкой архетипов «работают» целые столетия, у нас же прошло еще очень мало времени — немногим больше 20 лет.

О молитве на пределе сил

— *Возвращу Вас к началу нашей беседы. Мы говорили о том, что верующий человек сочетает молитву и деятельность. Но вот он столкнулся с труднопредодолимыми препятствиями. До какой поры он обязан пытаться преодолеть это препятствие, а когда он должен отступить и дать место Богу?*

— В книжке о генералиссимусе Суворове, я помню, прочел такие слова: «Суворов внимательнейшим образом занимался своей собственной работой в ставке, в штабе, с картами, на местности, с офицерами, разрабатывая план будущей операции, и, только когда ему было все ясно, он начинал молиться, чтоб Бог благословил его дело. И тогда уже шел, с Богом, вперед!»

Я думаю, это пример правильного отношения. Нужно сделать все необходимое — на предприятии или в семье, при покупке или продаже квартиры, при поиске докторов для больного родственника или учебного заведения для ребенка — до предела собственной компетенции.

Знаете, как в притчах Соломоновых говорится: «Коня готовят на день боя, но победа даруется от Господа»³³. Победа от Господа, но ведь... коня нужно приготовить! Очевидно, такой подход должен быть во всем остальном.

³³ См. Притч. 21: 31.

2. НАДЕЖДА НА БОГА

Исключительные случаи могут быть. Как, например, переход евреев через Чёрное море: когда позади фараон, а впереди — море и спасти может только чудо. Или когда врач в бессилии спасти больного разводит руками, а ты все еще продолжаешь молиться, чтобы он ожил, воскрес и выздоровел, — такая молитва бывает услышана Богом. Но это уже область других вещей, тех, которые не совершаются ежедневно. Было бы ужасно, если бы мы заставляли Бога творить чудеса на каждом шагу, — например, останавливать поезда, на которые мы опаздываем... Или еще что-нибудь в этом роде.

Беседа третья

ХРИСТИАНСТВО И РЕЛИГИИ МИРА

**Ненавидящий Меня ненавидит
и Отца Моего.**

Ин. 15: 23

Бывает так, что в поисках истины человек не испытывает сомнений в том, дверь какого храма открыть. Тем более если это человек, живущий в исстари православной стране. Но ведь бывает иначе.

Кроме того, даже если мы уже не можем назвать себя иначе, чем православными христианами, рано или поздно перед нами встанет вопрос — а как же те, кто верит иначе, чем мы, — в Будду, Аллаха или Кришну? Неужели все они бесповоротно и трагически заблуждаются, а мы имеем право (или даже обязанность) указывать им, в чем именно они неправы? Что сказать о распространенном мнении, гласящем, будто все религии ведут на Небо, только разными путями?

Об этом — наша третья беседа с протоиереем Андреем Ткачевым.

ЧАСТЬ I

Бог есть. Что дальше?

— В первой беседе, говоря о вере и неверии, мы «оставили» ищущего человека на том моменте, когда он так или иначе, но все-таки приходит к убеждению, что Бог есть. И дальше он оказывается перед всем многообразием современного религиозного мира. Что дальше? Как ему в этом многообразии разобраться?

— Дальше человек очень часто становится заложником того, кто поговорит с ним первым. Кто первым уделит ему внимание, тот, по сути, купит его на долгие годы. Если, например, на разговор с человеком у меня, как у священника, не хватило времени, он вышел из храма и тут его встретил протестантский проповедник с вопросом: «А что Вас тревожит?» — «Да вот это...» — «Так я сейчас Вам все расскажу!» И считайте, что мы потеряли человека надолго. Многое зависит от того, кто первым проявит заинтересованность и позовет в свою общину.

Авраамические религии — иудаизм, ислам, христианство — не вверены отдельному человеку, они предполагают наличие общины. Я же не могу верить в Бога один! Я должен быть с единоверцами,

с теми, кто верит так же, как я. Это логичный шаг на пути обретения веры. Поэтому в молитве Господней и говорится: «Отче наш», а не «Отче мой». Если человек один на один с Богом, он должен быть либо Онуфрием Великим³⁴, либо атеистом.

— *Иными словами, здесь два фактора — личное внимание и наличие общины, в которой верят в Бога так же, как ты?*

— Да. Фактор человека, который уделит Вам время, и фактор общины, в которую Вас пригласят. И такие общины надо создавать.

В Российской империи, где все были формально верующими, приходы создавались просто по территориальному принципу: епархия, район, округ, город, улицы. Предполагалось, что все живущие рядом ходят в одну церковь и составляют одну духовную семью. Но ведь по факту это не так. Духовная семья строится совсем на других основаниях.

На чем основан рост сектантства? Он основан на отсутствии приходов. Там, где нет нормальной приходской жизни, естественным образом возникают секты, которые мимикрируют под приход, дают человеку некую замену духовной

³⁴ Онуфрий Великий — христианский святой IV века, подвизавшийся в египетской Фиваидской пустыне, прославленный Церковью в лике преподобных.

семьи, родства по вере. И сейчас, надо сказать, Русская Церковь теряет очень многих людей из-за бессемейности и безобщинности. Мы не уделяем человеку внимание на уровне личного общения, а на уровне приходов — не ставим себе задачу создавать общины, как такие большие многолюдные семьи, где все друг друга знают и помогают друг другу.

И человек, не найдя общины и не получив личного внимания, чувствуя себя никому не нужным, пропадает. Или уходит туда, где есть семья или ее подобие. Этим, например, привлекают к себе мусульмане. Они, в отличие, скажем, от современных иудеев, имеют миссионерскую задачу и зовут к себе людей, невзирая на национальность. Русский конопатый парень из Рязани придет в мечеть с вопросом о Едином Боге, и там его с радостью примут.

Жаль, что православные так редко могут сказать человеку: «Приходи к нам, не только молиться, но и жить вместе, одним сердцем! Как в большой семье: тебе будет плохо — мы тебе поможем. Будет плохо другому — поможешь ты».

**«У вас вера неправильная,
но сильная»**

— Раз уж мы коснулись мусульман — чем привлекает к себе русских людей ислам?

— Мусульмане могут привлекать своей дисциплиной и фанатичностью. Русские — в принципе фанатики. Нам фанатизм по нутру, мы готовы, уверовав во что-то, идти до конца. И в этом смысле русским, конечно, симпатичен ислам. Наша церковная жизнь зачастую лишена этой строгости: хочешь — делай, не хочешь — не делай; будешь поститься — молодец! не будешь поститься — ну, ничего страшного... Эта общая расхлябанность, чисто западная, конечно, русскому человеку не нравится. Поэтому мусульмане здесь имеют много плюсов. «Если Бог есть, то я умру за Бога! Все равно умирать, так умру, только ради Бога!» — это ведь чисто русская идея. Психологически мусульмане оказываются зачастую более «русскими», чем мы: мы же, напротив, потеряли русскость, напивавшись разными западными фантазиями. А современные мусульмане, наоборот, очень много впитали из христианства.

Но вопрос не в том, чтобы только умереть за Бога, а вопрос в том, как для Бога жить. И поэтому люди, которые хотят понять, как им жить, пытаются найти себе твердое правило, каркас. Твердый закон, в послушании которому можно было бы жить: чтобы старики были уважаемыми, чтобы младшие слушались старших, чтобы женщина была покорна мужчине. Внутри этого законного каркаса многим очень хорошо, и в нем, в общем-то, нет ничего плохого — плохо то, что

мы-то стали «теплым маслом», стали «растаявшим мороженым»...

— *Вы говорите, что мусульмане многое впитали из христианства. Что, например?*

— Интуитивно они впитали очень многое. Мусульмане российского пространства психологически очень близки к православному христианству. У них иная догматика, молитва на другом языке и другой молитвенный строй, но по большому счету психологически российские мусульмане Кавказа, Уфы, Поволжья, Казани такие же, как мы. Мы взаимообогатили друг друга и очень многим поделились друг с другом за столетия. И там, где мусульмане и христиане веками проживают вместе — Балканы, Ближний Восток, — все точно так же. Например, на Востоке мусульмане имеют обычаи строить мечети стена к стене с православными храмами. Даже не стена к стене, а с одной общей стеной. И у нас такие случаи есть.

— *Почему так происходит? Есть какая-то причина?*

— На самом деле они хотят напиться от нас благодатью. То, что благодать в христианской Церкви есть, они прекрасно понимают. Почему, например, у мусульман нет обычая носить своих больных — слепых, прокаженных, разбитых

параличом — в мечеть. Они их носят... в православные храмы. Это факт, очень часто так происходит в Палестине, на Балканах. Мусульмане понимают, что у них есть нечто — дисциплина, семейственность, уважение и беспрекословное послушание старшим, — чего не хватает нам (мы можем пить, не слушаться старших и быть малодетными). Но то, что у нас есть благодать, они тоже знают. И поэтому уважают Церковь.

Мусульмане могут спокойно зайти в храм, потому что это Дом Божий, в котором христиане молятся Богу так, как они умеют. Причем из этого Дома горбатый может уйти без горба, хромой — выбежать и пуститься в пляс, слепой — прозреть... На Кавказе масса мусульман приходит на праздники святого Георгия в православный храм, неся с собой, например, больных детей. Они знают, что Георгий — святой и что Георгий помогает.

От одного православного человека я слышал такой афоризм: католики верят в нашу Книгу — Евангелие, но не верят в нашу силу, а мусульмане не верят в нашу Книгу, но верят в нашу силу. Некоторые из них так и говорят: «У вас вера неправильная, но сильная».

— Но это знание не заставляет мусульманина перейти в православие...

— Нет, не заставляет. Им очень важно быть внутри семьи, рода, жить общинно-родовым

бытием. Мусульманин находится в такой структурированной толпе — старейшины, дети, отцы, братья, сестры, — и ему хорошо внутри этой структуры. Для того чтобы мусульмане пришли в христианство, нужно обращать целые города, целые народы. Ведь если, скажем, ребенок из мусульманской семьи уехал в Европу учиться и там принял христианство и крестился, то вернуться ему будет уже практически невозможно — назад его не примут, он будет уже чужим.

И тем не менее мусульмане знают, что христиане — это святые люди, у них есть святая вера, святые помощники на Небе. Вот такая странная вещь...

Православный катехизис от мусульманина

— Мусульмане нам не совсем чужие, это надо понимать. Они смотрят на нас и перенимают наши обычаи, они думают о Боге в изрядной доле под влиянием нашего богословия — как, например, о благом Боге, о Боге, Который есть Любовь.

У меня есть друзья, которые, попав в армию еще не будучи крещеными, видели, что их русские товарищи, крещеные, с крестиками на шее, были абсолютными безбожниками и невежами, а служащие вместе с ними дагестанцы, аварцы или кабардинцы, наоборот, прекрасно знали, что

был Всемирный Потоп, что будет Страшный Суд, что Бог спросит с каждого за его грехи... Они называли белое белым, а черное черным. И некрещенные русские люди получали первичное «катехизическое образование» не от братьев-христиан, а от этих странных парней с Кавказа, которые, не будучи христианами, знали какие-то прописные истины, общие для ислама и христианства.

О чем это говорит? О том, что мы питаемся от общих корней. Мусульмане называют христиан — люди Писания, люди Книги. Люди, которые имеют Книгу, в которой все написано, — Библию, которые любят эту Книгу, читают ее и не расстаются с ней. С точки зрения этого внешнего критерия нас бывает сложно назвать «людьми Писания», потому что Библию, в массе своей, мы не читаем. У нас множество крещеных людей, которые своей верой не интересуются. И в этом смысле мусульмане являются для нас обличением, они как бы говорят нам: «Ну как же вы! У вас святая вера, вы же должны быть святыми людьми!»

— *А разве мусульмане в массе своей знают свою веру, изучают Коран?*

— Нет. Мусульмане — они не люди Книги, они люди послушания. Слово «ислам» и означает — «послушание». Людей, которые хорошо знают ислам, знают источники своей веры, хорошо знают арабский язык и читают Коран на арабском,

довольно мало. А все остальные питаются тем, что им сказали дома.

И то, что им сказали дома, очень похоже на то, что есть у нас: Бог сотворил мир, был Потоп, и Ной спасся в ковчеге, был Авраам, и Авраам принес в жертву Исаака, был Моисей... То есть в устном предании они рассказывают вещи, очень похожие на нашу историю Священного Писания Ветхого Завета.

Их вера в том, чтобы слушаться Бога, бояться Его и знать, что будет Страшный Суд, воздаяние грешникам и праведникам. В принципе, это очень простая вера. Один таксист-мусульманин так мне и сказал: «Библия — очень сложная. Я ничего не понимаю в ней. Евреи читают ее с утра до вечера и тоже ничего не понимают. Христиане читают... А арабы — они не могут с утра до вечера читать Библию. Они — как дети. Им нужно что-то простое, как сказка. Вот Бог им дал такую сказку в виде Корана». Ведь в Коране сказаны простые вещи: «Не обижай человека. Не воруй. Не посягай на чужое достоинство, не клади глаз на чужую жену. Ведь потом будет Страшный Суд, а за ним будет вечность». Все, по большому счету.

Такая вера, может быть, наивная, но многим из нас нужно бы прислушаться к этим простым словам, потому что если простое непонятно, то как может быть понятно сложное?

Так что с мусульманами мы можем спокойно сосуществовать. С ацтеками доколумбовой эпохи

мы бы не помирились — либо они нас принесли бы в жертву, либо мы их уничтожили бы. А жить через забор с мусульманином даже очень приятно, если он человек верующий, честный, который держит слово, не украдет... Он тебя не обманет, его можно не бояться. Он может не быть тебе братом, но он может быть другом и соседом. Враг — это безрелигиозный и беспринципный человек, тот, кто спекулирует на религии или откровенно безбожно живет. И в его глазах мы враги. Об этом нужно знать.

— Нельзя не сказать о том, что в современном мире ислам прочно ассоциируется с радикальной нетерпимостью к иноверцам, с терроризмом. Сколько в этом правды?

— Существует классический ислам, и сегодня он подвергается унижению и уничтожению под давлением радикального ислама. Западные СМИ учат нас видеть во всех мусульманах голодных псов, желающих крови. Только на самом деле — это ложь, ислам — это другая религия, отнюдь не злодейская. И какой-нибудь простой узбек может быть вам близок, как родной брат, не меняя своей веры. Представить всех мусульман как врагов, перевести весь ислам в радикальное русло — это одна из глобальных задач современных западных СМИ.

А христиане должны быть умнее этого. Нам нужно уметь жить в этом мире. Христиан в мире

отнюдь не большинство. И тенденция заключается в том, что нас с каждым десятилетием будет меньше. Атеистов с каждым годом становится все больше. И если нас будут убивать за веру, значит, нужно будет за веру умирать, но пока этого нет, нам нужно учиться жить с людьми по соседству — с людьми другой веры или при отсутствии веры, среди мусульман, или язычников, или каких-то агрессивных гомосексуалистов, как приходилось жить Лоту в Содоме. И нужно будет понимать, как себя вести: когда бежать, когда оставаться, когда говорить, когда молчать, о чем можно говорить, о чем нельзя говорить.

Краеугольный камень

— *Посмотрев на это сходство и добрососедство, не скажет ли человек: «Если вы так похожи, почему же веры у вас все-таки разные? И где истина?»*

— Конечно, надо иметь в виду, что добрососедство и взаимное уважение друг к другу, о котором мы сейчас говорили, — это вещи более низкого порядка, нежели вопрос истины.

Наша вера рождается из отношения к человеческой личности. Эта личность — Иисус Христос. Отношение к Христу — переломный момент в гуще человеческой жизни. Кто для тебя Христос? Ты знаешь, что Он есть? Знаю. Кто Он для

тебя? Бог? Бог. Сын Девы? Сын Девы. Воплотившийся Бог? Да. Если таковы твои ответы, значит ты — православный человек. Если ответы другие: «пророк», «хороший человек», «первый социалист» — ты уходишь в другую сторону.

Возвращаясь к мусульманам: мы с ними расходимся, конечно же, в отношении к Господу Иисусу Христу, потому что для них Он одно, а для нас — другое. И все остальные религии могут быть дальше или ближе к нам, более или менее на нас похожи или не похожи совсем. Но краеугольным камнем всегда останется Христос.

Личность Христа, Сына Божия, Которого Бог послал в мир, Который стал человеком, претерпел страдание крестное, воскрес из мертвых и вознесся и будет нас судить, — это главное в христианстве. Не пост в среду и пятницу, не молитва об усопших родственниках, не освящение куличей и яиц на Пасху. Все это — потом. Сначала нужно говорить о главном.

— Но ведь сегодня каждая религия, вплоть до индуизма и буддизма, готова по-своему объяснить, кто такой Иисус Христос. Как понять, кто прав?

— Я думаю, что человек, который понял, что Бог есть, должен начать молиться Богу, чтобы Бог открыл ему дальнейшие шаги.

Эту рекомендацию можно найти у Иустина Философа, христианского мученика и апологета

II века. Иустин посвятил себя философии и поиску истины. Он прошел все школы — платоников, киников, аристотеликов, — но все-таки чувствовал себя неудовлетворенным тем, что узнал: внутри у него оставалась жажда истины, а истину он так и не познал. И в его житии описывается такой эпизод: Иустин шел как-то по берегу моря и повстречался с неким старцем. Они завели беседу, и этот старец сказал юноше: «Прежде всего, если ты веришь, что Бог есть, начни молиться Ему. Пусть Он поруководит тобою!»

Некоторые сомневаются, спрашивают: а могу ли я молиться, если я некрещеный? Конечно, можешь! Молиться нужно с тех пор, как ты уверовал, что Бог есть. Некрещеные, готовящиеся ко крещению, на христианской литургии имеют право молиться до середины службы, до начала литургии верных и пения Херувимской. Ектении³⁵ звучат — «миром Господу помолимся!» — это твои молитвы. Читаются перед литургией часы³⁶ — это твои молитвы. Апостольские послания и Евангелие читаются — для тебя. И только когда

³⁵ Ряд кратких молитвенных прошений, возглашаемых диаконом или священником за богослужением; после каждого прошения хор отвечает от имени народа «Господи, помилуй» (или «Поддай, Господи», «Тебе, Господи»).

³⁶ Краткие богослужения, состоящие из определенных псалмов и молитв.

слышишь: «Оглашенные, изыдите!», ты уходишь: начинается Евхаристия.

Вопрос о Христе рано или поздно возникнет. Христос вообще заставляет удивляться. Христос — словно камень на перепутье дорог, Он стоит в центре всех вопросов, куда б ты ни ходил... Если Бога нет, тогда кто такой Христос? Если Бог есть, *тогда* кто такой Христос? Что Он делал на земле? За что Его убили и почему Он воскрес? Почему Он ничего не писал, а за ним записывали? Чему Он учил?

Поэтому, если человек дошел до этого перепутья дорог, если в его сознании возник Христос, тогда он может молиться Богу, прося разрешить этот неизбежный вопрос: «Господи Боже мой, скажи мне, Кто такой Христос? Он — от Тебя или не от Тебя? И если я буду любить Его, то я с Тобой или я против Тебя?»

Человек должен быть дерзновенным. К вопросам веры нужно относиться смело и ответственно, под лавкой сидеть уже не получится. Помните, как сошлись в «Братьях Карамазовых» Алеша, Иван и Дмитрий в трактире? До этого они лет 15 друг друга не видели, но никто из них не спрашивает другого: «Где ты был? Что делал?» Нет! Они сразу, только им принесли первый заказ, спрашивают: «Ты мне скажи, есть Бог или нет? Вечная жизнь — есть или нет? В чем смысл жизни человека?» Их больше всего интересовал

вопрос о смысле человеческой жизни и о жизни вечной: мы случайно здесь на земле или нет? после смерти мы будем жить или мы исчезнем? есть ли вообще Бог? если Он есть, то почему Он не вмешивается во все эти дела человеческие? или Он вмешивается, но мы этого не замечаем? И так далее...

Настало время дерзновенных людей, эра максимально заинтересованного отношения к вопросам последней важности. Пусть молится человек. Пусть станет на колени ночью, когда все уснут, когда на небе зажгутся звезды, а дома погаснут все огни и умолкнут все звуки. Пусть приклонит колени и скажет: «Господи, я уже верю, что Ты есть. Что мне делать с тем, что я узнал, что Ты есть? Куда мне дальше идти? Кто такой этот Иисус? Он Твой Сын или не сын? И что мне делать: читать Евангелие? идти в церковь на покаяние? в монастырь уйти или в лес, строить себе келью? Что мне делать вообще?»

Я верю в то, что Бог такого человека, обратившегося к Нему, не обманет. Бог ищет себе таких людей, именно об этом говорил Господь в беседе с самарянкой, сказав: «Женщина, поверь Мне, что Бог есть Дух, и поклоняться Ему нужно в духе истины. Бог таких поклонников ищет себе»³⁷.

³⁷ См. Ин. 4: 23.

Я думаю, что Бог ищет себе людей, которыеотягощены и измучены этим вопросом: что делать, если Ты есть? Это же очень важно — задать такой вопрос Богу.

Когда «включать заднюю скорость»

— *К сожалению, таких людей ищет не только Господь, но и немалочисленные представители различных сект и течений. Как не свернуть на эти ложные тропинки?*

— Думаю, нужно бояться тех, кто насилует твою волю и торопит тебя с принятием самого важного решения. Это, мне кажется, один из важных критериев для сегодняшнего времени.

Человек должен понимать, что правда, скорее всего, у того, кто не зовет тебя к себе, а не у того, кто активно и настойчиво к себе привлекает. Тот, кто зовет тебя, настырно тянет за руку, скорее всего, не имеет правды. Человек верующий, правильно верующий, в Того, в Кого нужно верить, — это человек, знающий свои личные проблемы, проблемы своего прихода и проблемы своей Церкви. Он лишен иллюзий и чужд самохвальства. И он понимает, помня свой опыт, как сложно конкретному человеку прийти к Живому Богу.

Поэтому он никогда не будет тянуть за руку. Там, где тебя торопят: «Постригайся в монашество

быстрее!» или «Иди быстрее в семинарию!», нужно «включать заднюю скорость». Там, где человека тащат за руку, а он упирается, и его все равно тащат, даже когда он говорит: «Я не готов! Я не могу, я боюсь!», — скорее всего, нет правды (причем так могут поступать даже искренно православные люди: дух сектантства может находиться в сознании людей, которые принадлежат к истинной Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви).

Второй повод насторожиться — беззастенчивая похвала себе и огульная критика всех несогласных. Когда какой-то религиозный лидер хвалит себя и критикует других, говоря: «Истина у нас! Мы ее единственные и святые носители, все остальные — глупцы!», — нужно насторожиться и спросить таких ревнителей истины: «А есть ли у вас немощи?» И если услышишь: «Какие немощи! Мы сильны, с нами Бог!», — тут нужно снова «включить заднюю скорость»...

Кто знает истину, тот знает и свои немощи, как апостол Павел, который пишет: «Я похваюсь немощами моими, да вселится в меня сила Христова»³⁸. «Если же мы скажем, что мы греха не имеем, то лжем, и истины нет в нас»³⁹ — это слова другого апостола, Иоанна Богослова.

³⁸ См. 2 Кор. 12: 9.

³⁹ См. 1. Ин. 1: 8.

О священных темах и застольных беседах

— *Если христианин знает истину, должен ли он говорить, свидетельствовать о ней?*

— Думаю, что не везде и не со всеми стоит говорить о вере и о Боге.

Христианин исповедует Христа главным образом на литургии: «Един свят, един Господь, Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь»⁴⁰. При необходимости он должен исповедовать Христа открыто, чтобы Христос не отрекся от него в день Страшного Суда⁴¹, но — не навязывая никому своей веры. Нужно уметь подстраивать свое общение под тех, с кем говоришь: с врагами веры ты должен молчать, с друзьями веры — говорить, с людьми ищущими — тоже говорить, но иначе: исповедовать не навязывая.

Положим, я попадаю в какое-то общество или компанию, где заходит разговор о вере в Бога. Если мне скажут: «А Вы верующий?», я должен сказать, что — да, верующий. «А в кого Вы веруете?» — «Во Христа». — «А почему?» — «Потому, что Он — Господь». — «А... докажите!» А вот на

⁴⁰ На литургии эти слова от лица всех молящихся христиан звучат в ответ на возглас священника «Святая — святым!», предваряющий Причащение священнослужителей, а затем и мирян.

⁴¹ См. Мф. 10: 32–33.

слове «докажите» вернее всего мне будет встать из-за стола и уйти, потому что разговор движется в сторону неконструктивного диалога. Если его продолжать, я, скорее всего, добьюсь только одного: низведения беседы о священных предметах, беседы, требующей благоговения и внимания, до уровня пустого застольного разговора. Это будет не исповеданием Христа, а унижением христианской проповеди неуместными словесными эскападами.

Нужно приобрести некий навык, когда как себя вести. Мы не имеем права отречься от Христа, но мы не обязаны на каждом шагу говорить о Нём.

Человек должен вести себя адекватно в этом мире, в котором есть множество людей неверующих или верующих как-то иначе, и немалое число ненавистников благодати. Есть в нем и те, которые готовы услышать от тебя слово, но для этого нужно, чтобы сложились обстоятельства, чтобы время и место подошли. Проповедовать на автобусной остановке в ожидании автобуса, может быть, и можно... если человек взял на себя подвиг юродства, спит в палатке, ходит в лохмотьях и проповедует везде, где бы он ни оказался: на каждой автобусной остановке, в очереди в магазине, в поликлинике... Это своеобразный подвиг юродства — всюду напоминать людям о Христе. А если ты на себя такой подвиг не взял,

то и будешь стоять на остановке и молчать, независимо от того, кто стоит рядом. И даже если разговор завяжется о Христе, ты не обязан читать «Символ веры»...

Знание того, что Христос есть истина, — это острое знание. О него можно порезаться.

— *Не все — апостолы?*

— Нет, не все апостолы, совсем не все. Апостольство — это совершенно уникальная вещь, которая дается только по Божиему предведению способности этого человека к апостольскому служению — без его на то воли, без какой-то специальной подготовки. И без особых собеседований с человеком. До апостольского призвания он мог быть рыбаком, налоговиком (апостол Матфей был сборщиком налогов), еще кем-то, и вдруг услышать: «Иди за Мной. Я тебя зову»⁴². Ведь посмотрите — ни одного апостола Господь не избрал из священников. Хотя, казалось бы, это люди, которые слепли над книгами, которые очень много знали и должны были быть способны ко всемирной проповеди. Чего легче, казалось бы, избрать на апостольский труд какого-нибудь князя, у которого есть целое войско, челядь, телохранители, который мог бы зайти в любой город и заставить себя слушать.

⁴² См. Мф. 9: 9.

И ничего подобного не делал Христос и его апостолы. Ни знаний, ни власти. Ни князей, ни священников. Рыбаки, мытари, простые люди стали апостолами и донесли веру Христову всему миру.

Но не все апостолы, конечно. Одни «ловят людей»⁴³, а другие ловят рыбу для тех, кто ловит людей...

О христианстве, которое невозможно выдумать

— *Апостольство, конечно, парадоксальная вещь. Но и само христианство — не парадоксально ли?*

— Парадоксально. Христианство неожиданно и загадочно, как упавший с неба кирпич: откуда упал? где летал до сих пор? — непонятно. Христианство невозможно выдумать, оно «не выдумывается». И это одно из ярчайших доказательств того, что оно Божественно.

Иеромонах Серафим Роуз⁴⁴, православный монах, американец, профессиональный религиовед,

⁴³ «...Идите за Мною, и я сделаю вас ловцами человеков» (Мф. 4: 19) — слова Христа, сказанные Им будущим апостолам Петру и Андрею.

⁴⁴ Серафим Роуз (в миру — Юджин Дэннис Роуз; 1934–1982) — иеромонах, духовный писатель, автор многочисленных трудов, оказавших большое влияние на православную жизнь в Америке.

которой до прихода в православие изучил множество религиозных систем мира, — он говорил, что к христианству ближе всего мышление дзен-буддизма: полная алогичность. Скажем, как если бы тебя спросили: «Вы выходите на следующей станции?», а ты ответил: «Хочу, конечно!»

— *В чем именно алогичность, что именно «не выдумывается»?*

— Митрополит Антоний Сурожский пишет о том, что люди издревле, чувствуя, что Бог есть, и описывая Его исходя из своих интуиций, использовали превосходные категории: Высочайший, Величайший, Всесильный и т. д.

А теперь вспомним, как христианский Бог пришел в мир — вспомним историю Рождества. К пастухам на поле приходят Ангелы и говорят: «Мы возвещаем вам великую радость, которая будет всем людям: родился в городе Давидовом Христос Господь! И вот вам знамение: найдете младенца в пеленах, лежащего в яслях!»⁴⁵

Что такое в нашем представлении знамение? Гром, молнии, землетрясение, горящая гора, сонмы ангелов, херувимы и серафимы! А тут знамение — это младенец, лежащий в яслях, спеленутый, беззащитный младенец, абсолютно беспомощное существо, которое нуждается во

⁴⁵ См. Лк. 2: 12.

всем: в материнской груди, в тепле, в защите... Родился Спаситель, Которого тут же нужно Самого спасать, потому что Ирод хочет Его убить. Сам Он спастись от убийц не может, Его надо хватать на руки и с Ним бежать...

Абсолютный абсурд... Боги «должны быть» другими! Бог, по идее, должен Сам за Себя вступаться! Предание о Николае Чудотворце говорит о том, что, когда будущего светильника Православия крестили в младенческом возрасте, он стоял в купели на твердых ногах, к удивлению всех вокруг. Это людям понятно: «О, Николай! Какой ты великий! Ты еще не должен был ходить, а ты стоял в купели на твердых ногах!» А с Христом все наоборот. Никакой силы, на ногах не стоит, абсолютно беспомощный и незащищенный Младенец. Кто такому Богу будет поклоняться?

Исходя из психологии человека, это нонсенс. Как возможно, чтобы Дева была Матерью, чтобы бессильный был Всесильным, чтобы Младенец, Которого нужно спасать, Сам всех спасал? И чем дальше, тем абсурдность не умалается, а вопросов становится только больше: зачем Бог стал ребенком? Почему Он тридцать лет молчал, жил, как обычный плотник? Почему не позволил Себя защищать, когда Его били? Почему Он молчал перед Пилатом? Почему был распят на Кресте? Почему Он никого не наказал? Почему Он до сих пор всех терпит?..

Никакой логики, ничего не понятно! Люди такого не выдумывают, люди идут гораздо более простыми путями.

Об этом же пишет, например, святитель Николай Сербский⁴⁶. Посмотрите, говорит он, чем насыщен пантеон богов всех народов: драконы, змеи, медведи, рыси, барсы, орлы... Посмотрите и на современные государственные символы: американский орел, берлинский медведь, японский дракон, китайские змеи. Нет ни одного хомяка или котенка. Все звери — страшные, беспощадные, с клыками, когтями или смертельным ядом. И вдруг — раз! — и ягненок. Агнец Божий, Который берет на себя грехи мира⁴⁷. У какого народа Бог — ягненок? Ни у какого. У всех боги драконы, змеи, барсы, рыси, орлы, медведи и львы.

И вдруг ягненок всех победил: нет в мире алтарей в честь медведей, а в честь Агнца-Христа — великое множество, по всему миру. С точки зрения формальной логики — полный абсурд,

⁴⁶ Святитель Николай Сербский (Велимирович; 1880–1956) — прославленный в лике святых епископ Сербской Церкви, духовный писатель, «Сербский Златоуст», произведения которого, отличаясь выразительным поэтическим языком, являются настоящими жемчужинами православной книжности и известны далеко за пределами Сербии.

⁴⁷ Такими словами свидетельствовал об Иисусе Христе Иоанн Креститель. См. Ин. 1: 29.

3. ХРИСТИАНСТВО И РЕЛИГИИ МИРА

как если бы человек с рогаткой победил человека с пулеметом.

Было бы естественно приносить на высокой горе Великому Богу жертвенных животных (ведь человек в совести своей чувствует, что он грешен и что грех нуждается в искуплении). Но выдумать, что Великий Бог, Которого нужно умиловать жертвами, Сам стал Жертвой, послал в мир Сына, Который добровольно, как Агнец, отдался в руки Своих врагов и был распят, и воскрес, и оказался сильнее всех, — невозможно.

Христианство — неестественная религия. Его можно только осознать как факт и удивляться его Божественности.

ЧАСТЬ II

Восток — Запад

— Вернемся к другим религиозным системам. Аскетические и молитвенные практики в основе своей очень схожи: почти в каждой религии мы находим пост, молитву или медитацию, минимальную аскезу. Что можно сказать об этом сходстве?

— Действительно, религиозные практики везде типологически схожи, мы должны это понимать. Молитва, пост, милостыня, жертва, внимание, аскеза — это некий набор практик естественно религиозного человека. И надо отдать должное важности этих практик: там, где они есть, сохраняется человек как *homo religiosus* — человек религиозный.

Но мы, опять-таки, исходим из того, что мы исповедуем Христа распятого — «для иудеев соблазн, для елинов безумие»⁴⁸. Посты и молитвы, принесенные не Ему, не имеют цены, а могут иметь даже и отрицательную цену. Всякая аскеза, всякий религиозный подвиг, который приносится не Христу, — опасное занятие. Почему?

⁴⁸ См. 1 Кор. 1: 22–23.

Потому, что еще неизвестно, кто принимает эту жертву. Не исключено, что ее принимает враг.

Поэтому мы не должны быть всеядны. Христианство требует абсолютного отношения к себе. Это не индуизм, в котором можно верить во что угодно или не верить вовсе. Нам важен Христос. В этом смысле нам не по пути как с Западом с его безбожными логическими схемами, так нам не по пути и со всеядностью Востока.

— *Отличается ли религиозный человек Востока от верующего человека Запада?*

— На сегодняшний день, к сожалению, западный мир зарабатывает деньги и ищет удовольствий. Больше ничего на Западе не осталось. Число религиозных людей там критически уменьшается. Западный человек не считает для себя необходимым чем-либо жертвовать ради Бога: давать обеты или нести какие-то труды и подвиги. Пусть бы он хотя бы Кришне молился и ради Кришны молчал по одному дню в неделю или один день месяца ничего не ел и не пил! Это было бы обидно, потому что делалось бы не в честь Господа, а в честь идола, но можно было бы говорить о том, что хотя бы естественная религиозность в западном мире сохранилась.

Но на Западе этого уже нет. Никто не будет этим заниматься: все зарабатывают деньги или ищут удовольствий. Какие жертвы? Какая аскеза?

Какое внимание? Раньше был Запад рыцарей, Запад королей, Запад мореплавателей, Запад торговцев, Запад ученых... Сегодня образ всех западных людей — это образ торговца и бизнесмена.

— *А на Востоке?*

— А на Востоке мы встречаемся с человеком в религиозном измерении гораздо более естественным. Иногда он аскетичен до крайности в своей ложной религиозности, но он знает, что такое пост, аскеза, молитва. И на самом деле нам есть чему у них поучиться: каждый из нас нуждается в том, чтобы молчать, может быть иногда целыми сутками, чтобы иногда закрывать глаза и ни на что не смотреть. Нам бывает нужно соблюдать пост, давать обещания Богу и исполнять эти обещания ради любви к Нему. Это нормальная форма религиозности. Именно дефицит «восточности» в нашей жизни рождает многие западные проблемы.

Это поднимает планку требований к нам. Естественная религиозность Востока — гораздо более серьезный вызов для христианства, потому что одно дело спорить с атеистом, другое дело — спорить с человеком, верящим иначе.

— *Но ведь западная цивилизация сформирована христианством. Как получилось, что европейцы перестали быть религиозными людьми?*

— Да, они давно уже отказались от христианства, добровольно и сознательно. Христос не нужен им — подавляющему большинству из них. Критически подавляющему большинству, 98 человекам из 100. И все, что рождено Христовой верой, для них не имеет цены.

Современный европеец, приходящий, например, в Кёльнский собор или к мощам святого Евстафия в Париже, не может дать себе ответ на вопросы: зачем мои предки в течение столетий строили такие большие соборы? Зачем нужно было вкладывать в это столько труда? Почему они такие громадные, эти творения рук человеческих? Попадая в Венецию, где более 150 соборов и церквей, огромных, как московский Храм Христа Спасителя, он не сумеет взять в толк — кто были люди, эти соборы строившие, и зачем они это делали? А ведь сегодня одного венецианского собора хватило бы, чтобы вместить всех молящихся венецианцев...

Нет ответов у современных европейцев. И поэтому они спокойно могут сделать в соборе отель, или спортзал, или кафе...

Сегодня западный человек не только не верит так, как верили его отцы и деды, он находится уже в совершенно другом цивилизационном измерении. Как так произошло, как страна святых чудес стала местом, где чудеса уже не нужны, как «город правды» сделался «городом убийц и злодеев» (так пишет пророк Исайя о Иерусалиме:

«Почему у вас разбавленное вино и подпиленные весы?»), — это, конечно, тема для отдельного разговора...

Русские: почему мы до сих пор веруем?

— *Россия в религиозном смысле — это Запад или все-таки Восток?*

— Русская цивилизация принадлежит одинаково к Востоку и к Западу, но ни к тому ни к другому до конца. Это отдельная цивилизация.

Русские — они в любой момент способны как в космос полететь, так и в пещеру забраться. Мы, — по крайней мере в большей степени, нежели западный человек, — сохранили свой девственный психотип, ненарушенность души. Скажешь русскому: «Постись!», — он будет поститься. Он чувствует, что это хорошее дело, что поститься надо. Скажешь: «Не постись! Смотри, ведь на Западе никто не постится!», — он не будет поститься... Ему что скажешь, то он и сделает! Он одинаково открыт для всего.

— *Выходит, кто нам первым встретится, тому мы и поверим, за тем и пойдём?*

— Да. К сожалению, да. В русском человеке есть такой... ресурс доверчивости к человеку, который ему что-то говорит.

Вот идет, например, русский человек по широкому полю, а навстречу ему по тому же полю идет другой человек. Они видят друг друга издалека и полчасу шагают навстречу друг другу. Один идет и думает: «Кто же это такой идет мне навстречу? На палку опирается... Шляпа на нем, мешок за плечами... Сейчас мы сойдемся с ним, и что же я ему скажу?» Сходятся, уже он может различить черты встречного человека. И вот издалека, когда он уверен, что его голос будет услышан, говорит: «Здравствуй, мил человек!» — «И ты здравствуй, добрый человек!» — «Как зовут тебя?» — «Иваном нарекли. А тебя?» — «Петром крестили». — «Откуда идешь?» — «Кто его знает! Забыл уже. А ты куда идешь?» — «Да вот туда иду». И вот они познакомились, пожали руки, сели посреди широкого поля под большим небом и один другому говорит, допустим: «А ты в Богато веруешь?» — «Да нет, не учил никто». — «А я вот верую. Послушай, я тебе расскажу!» И начинает ему рассказывать. Рассказывает, рассказывает... И совершенно убеждает. И тот, второй, которого научили, склонен принимать за чистую монету все, что ему ни скажут. Он даже и пойдет вместе с этим первым встречным в другую сторону, обратно, откуда пришел!

Но допустим, что он все-таки пойдет туда, куда шел, и ему по дороге еще кто-то встретится и, после точно такого же знакомства, севши

где-то в поле, где пришлось встретиться, скажет: «Слушай, я вот всю жизнь в Бога верил, а теперь понял, что Бога-то нету!» — «Ух ты! Что, правда нету?» — «Да нету!» — «А я только что поверил, что есть. А Его что, нету, что ли? Точно нету?» — «Да нету». — «Ай-яй-яй!» И... пойдет дальше, уже разуверившись.

Русский человек — он такой. Он лапоть такой. Если ему еще и третий встретится, который скажет: «Да Бог — Он и есть, и нет Его, одновременно!», то уже четвертому этот «лапоть» скажет: «Эй, все! Про Бога со мной не разговаривай! Я сейчас сам разбираться буду! Должен я понять, в конце концов, есть Он или нет Его!»

Для русского человека вопрос веры в Бога — очень бытиен. Ему хочется это все нутром понять.

— *И что же, разберется он в конце концов?*

— По крайней мере попробует.

— *Что же ожидает впереди этого странного, доверчивого русского человека, не обладающего в полной мере ни логикой Запада, ни религиозным талантом Востока?*

— У нас есть возможность, которой уже нет у Запада: знать Бога Истинного, молиться и служить Ему, живя бок о бок с теми, кто верит по-другому — с мусульманами Кавказа и буддистами Калмыкии. Любить соседа-иноверца, не

враждовать с ним, но не принимать его веру. Хранить свое христианство.

Такова цивилизационная задача России. Задача архисложная, самая высшая культурно-религиозная задача, которая вообще существует в мире. И которую Господь Бог, по сути, нам поручил. Хотя мы, в принципе, не самый умный народ. Мы — поздние люди. Нас не сравнишь с французами, у которых первый университет возник в XIII веке, тогда как у нас он появился спустя 500 лет; к этому времени в плане науки, культуры, поэзии, драмы, скульптуры, живописи они нас обогнали на две головы!

— *Перед Западом такой задачи не стоит?*

— Реализовать эту задачу Запад уже не сможет. Раньше, когда мы говорили о «загнивающем Западе», над нами смеялись. Но сегодня смеяться не приходится. На путях безбожия европейской цивилизации конец, это горькая правда. Запад «схлопнется» внутри своих технологических новинок и проблем, там уже не будет религиозного всплеска. А у нас — будет.

— *Почему мы, несмотря ни на что, до сих пор веруем?*

— Почему мы до сих пор веруем? Потому, что мы странные люди. Мы знаем, конечно, что «дважды два равно четыре», но... это ничего не значит

в практической жизни: мы можем поступать так, как будто дважды два равно пяти. Для западного человека в этот момент наступила бы катастрофа, конец: «Как так, дважды два — пять?!» А у нас — нет, не конец.

Западному мышлению... не хватает парадоксальности. Странности. Оно слишком «бетонно» и слишком последовательно: если идет «А», то следом непременно следует «Б». И никак иначе. Они запутались в своей логике и с логикой так и остались, а Господа незаметно потеряли.

Они исчерпали свои возможности. А мы не исчерпали и, по-моему, не исчерпаем никогда.

Почему христиане не крушат идолов

— Вернемся еще раз к вопросу о знании истины и терпимости. В первые века христианства мы не наблюдаем терпимости к другим верам, напротив, очень часто христианские мученики прямым текстом обличали язычников в идолопоклонстве, крушили идолов.

Сегодня сложно представить что-то подобное... Что случилось? Времена изменились? Идолы другими стали?

— Дело в том, что христианство радикализуется ожиданием Страшного Суда. Сегодня наша психология такова: мы хотим, чтобы дни продлились. Мы отнюдь не хотим ускорять

приближение Конца света и вовсе не жаждем, чтобы он наступил сегодня, потому что мы знаем, что не готовы, и не готовы многие из тех, кого мы любим. Мы, наоборот, пытаемся его отдалить, как бы говоря: «Потерпи нас, Господи, подожди!»

А первые христиане жили в ожидании Второго пришествия. «Детское» христианство, апостольского и послеапостольского времени, до Константина Великого, жило с живым ощущение того, что «проходит мир сей и слава его»⁴⁹, а иная жизнь — очень близко, на расстоянии вытянутой руки. Это ежедневное ожидание близкого пришествия Господня, это страстное желание, чтобы уже прошел в конце концов этот мир, чтобы он побыстрее схлопнулся, а небеса свернулись, как свиток, — оно двигало христиан на тот радикализм, о котором мы говорим.

— *Сегодняшние христиане уже не ждут Конца света?*

— Мы ждем Конца света. Мы знаем, что он будет, мы наблюдаем за все более явными признаками его приближения... но мы привыкли думать, что это не случится завтра. Наученные двухтысячелетним опытом христианской истории, мы понимаем, что нам еще жить,

⁴⁹ Ср. «проходит образ мира сего» 1 Кор. 7: 31.

неизвестно сколько, бок о бок с разными людьми. И мы скрываем эту эсхатологическую⁵⁰ напряженность внутри своих сердец. Отсюда у нас такая стариковская, мудрая осторожность, в противовес безудержной, юношеской смелости первых христиан.

В этом состоит радикальное отличие психологии древней Церкви и сегодняшней. Древняя Церковь ждала Конца света, жаждала его. Мученики, которые ломали идолов, знали: сегодня нас убьют, а завтра Христос придет. Или завтра нас убьют, а Он придет послезавтра, или завтра же, когда нас будут казнить! Нынешняя Церковь уже с давних пор молится Богу: «Потерпи нас, Господи! Подожди еще, не спеши. Дай нам покаяться. Дай войти в Церковь всем тем, кто в Церковь не вошел. Дай прийти к познанию Тебя тем, кто не познал Тебя!»

Как нам быть сейчас, как найти грань между мудрой осторожностью и дерзновением?

Безусловно, не нужно сразу звать всех к повторению подвигов древних мучеников. Если мы сейчас начнем заходить в буддистские храмы с молотками и крушить там фарфоровых будд, то я не думаю, что жизнь станет намного лучше и что мы приблизимся к истине. Начудить

⁵⁰ Эсхатология — учение о конечных судьбах мира и человека.

мы начудим, конечно, но не приблизим торжество истины!

Как бы это страшно ни звучало, мы на самом деле давным-давно, много столетий назад, устроились в этом мире. Мы нашли себя в нем и не спешим радикализировать свою жизнь. И в этом есть некий грех отказа от эсхатологизма. Ведь Церковь не от мира сего. «Закончи все это, Господи, и гряди!» — это нормальный голос, потому что Церковь живет ожиданием Второго пришествия, она по природе своей эсхатологична. А голос, мягко говорящий: «Да ладно, поживем еще! А можно я кредит выплачу, а потом будет Страшный Суд?» — это уже голос не очень нормальный...

И мы вошли в эту не очень нормальную стадию. Поэтому здесь нужно, конечно, смириться, покаяться и дать себе отчет в происходящем.

— Первые христиане называли языческих богов не просто идолами — бесами. А сейчас не готовы ли мы сказать индуисту или буддисту: «Ладно уж. Хорошо, что ты хоть как-то веришь!»?

— Нет, нет, нет. Может быть, кто-то так и говорит, но Церковь так говорить не может — иначе она изменит Иисусу Христу.

Боги язычников — бесы. Это так и есть. Поэтому священник имеет право сказать своим духовным чадам: «Отправляешься в Катманду, или

в Лаос, или на Мальдивы — не смей ходить по храмам и воскуривать палочки! Ты тем самым приносишь жертву бесу!»

Церковный радикализм не отменяется, Церковь должна быть радикальной всегда. И нельзя говорить: «Верь во что-нибудь, лишь бы во что-то верить». Это неправильно. Я бы сказал, что лучше верить в ничто или не верить ни во что, чем верить в то, во что не нужно верить. Атеизм, как говорил Достоевский, нуль проповедует, а ложная вера проповедует ложного Христа — лучше уж проповедовать нуль, чем ложь. В конце концов, из нуля в плюс выйти легче, чем из минуса в плюс!

— *Как быть христианину, который по долгу службы оказался, скажем, в Индии на несколько лет и живет среди тех, кто исповедует веру ложную?*

— Ему, скорее всего, надо будет смириться с тем, что он живет среди них и, наверное, полюбить этих людей. Как делала это мать Тереза. Ведь она поначалу не совершала ничего особого, просто хоронила умерших, которые, как собаки, лежали непогребенными на улице, — она погребала их по-человечески, отдавала последнюю честь этим мертвецам. С этого все и началось.

Если придется жить среди язычников — неужели ты будешь каждый день на них плевать и ругаться? Нет.

В житиях святых египетских отцов есть рассказ о встрече Макария Великого с языческим жрецом. Преподобный Макарий шел по пустыне с учеником, ученик шел быстрее его и встретил языческого жреца, который тащил какую-то древесную корягу в свой храм, для того чтобы принести жертву истукану. И ученик начал его поносить: «Ах ты негодяй, идолопоклонник, противник Бога Истинного, идешь, потеешь, тащишь дрова для своих мерзких богослужений!» Язычник не выдержал и в гневе избил до полусмерти этого послушника, и потащил свою корягу дальше. Какое-то время спустя он встретил Макария. И Макарий, завидев жреца, говорит ему: «Мир тебе, Божий человек, трудолюбец!» Тот удивляется: «Почему ты меня так называешь?» — «Потому что ты трудишься, а всякий трудолюбец достоин уважения». — «Но тут только что шел монах, как ты, только молодой, и он назвал меня негодяем и идолопоклонником! Почему же вы такие разные?» Тогда Макарий ответил ему, говоря, что злое слово — оно и доброго злым делает, а доброе слово и злого делает добрым.

Язычников ведь в мире полно. Современные европейцы — чем не язычники? Самые настоящие язычники...

— А есть ли идола, с которыми добрососедства все-таки никак не получится?

— Есть такие идола. Самые страшные идола — это не Венера, не Спарта, не Марс и не Аполлон. Самые страшные идола — это идола комфорта, идола разврата.

Идолопоклонство — это невидимая вещь. Оно совершается не через принесение фруктов к подножию статуи. Оно совершается, например, через просмотр порнофильма или через посещение какого-нибудь закрытого показа спектакля +21. Идолопоклонство в современном мире процветает: люди служат сребролюбию, самолюбию, сластолюбию, славолобию и приносят этим идолам жертвы. И это — сплошь и рядом.

Например, возьмем моду. Если человек выбрасывает прекрасные туфли, в которых еще можно до смерти ходить, и покупает новые, потому что те вышли из моды, а эти только что в моду вошли, то он, в принципе, совершает некое примитивное идолослужение. Он исполняет первую подсказку того, кто им командует. Значит, он не свободный человек.

Если человек надевает какие-то «статусные» вещи — «статусные» часы, пиджаки, носит «статусные» сумочки на плече, то он идолопоклонник. Если ты говоришь: «Я не могу сесть в "жигули"! Я должен ездить только в "вольво" или в "мерседесе"» — разве ты свободен? Нет. Ты свободен, когда хочешь — ходишь пешком, хочешь — едешь в телеге или катаешься на самокате, хочешь — едешь

по Москве на «запорожце» со скоростью 30 км/ч, а хочешь — на «мерседесе» новейшей модификации. А если человек может выбрать только «статусную» машину, потому что иначе его «не поймут», тогда он — раб.

Значит, у него есть хозяин. И ему стоит задуматься: кому он раб? как зовут его хозяина?

Игра в прятки с Богом

— *Есть такое очень распространенное выражение: перегородки между религиями не достигают Небес. Что можно на это сказать? Такое мнение приходится слышать очень часто...*

— Да, конечно, оно популярно. Но это не от большого ума, а скорее от нежелания думать, от нежелания разобраться в вопросе. Это все равно что заявить: «Все лекарства хороши!» Ну и ешь любое лекарство от любой болезни! Организм тебя очень быстро накажет за такую легкомысленность.

Это на самом деле ложная и злая идея. Она рождена нежеланием думать, анализировать, делать выводы. Говорящий так боится размышлять. Он интуитивно чувствует, что, «начавши думать, я до чего-нибудь додумаюсь, а додумавшись до чего-нибудь, я не смогу жить по-прежнему. Так зачем оно мне надо!» А поскольку не думать вообще нельзя, человек, как мухобойками от мух, может отмахиваться от серьезных вопросов

фразами вроде: «Все религии хороши! Не о чем беспокоиться, все одинаково, и все прекрасно!»

Это примитивное и печальное явление. Очень много людей, к сожалению, принципиально не желают как следует подумать, чтобы не менять свою жизнь. Ведь как только я понял что-нибудь, жить по-старому я больше не смогу. И люди нередко, не сознавая этого, пытаются «скрыться» от Господа Бога в какой-нибудь маленький подвалчик. Но это лукавство.

Беседа четвертая

**ПРАВОСЛАВИЕ
И ДРУГИЕ
ХРИСТИАНСКИЕ
КОНФЕССИИ**

Просите, и дано будет вам; ищите,
и найдете; стучите, и отворят вам.

Мф. 7: 7

Тема расколов в Христианской Церкви у противников Христа вызывает злорадство и повод для многих обвинений, а у искренних христиан — боль и вопросы. Почему мы перестали быть одной Церковью? Ведь Христос заповедал своим ученикам единство и просил за них в молитве Отцу Своему: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе»⁵¹. Что же мы видим в истории? Разделения и расколы, начиная еще с апостольских времен.

Причины бывают вероучительными, но слишком часто они «слишком человеческие»: политическая борьба и интриги, властолюбие епископов и их неумение договориться друг с другом, невежество народа. Заповедь единства на Тайной вечере и, на этом фоне, — Церковь, раздираемая на части по самым незначительным поводам. Как это понять? Насколько существенна разница между современными христианскими конфессиями? И как человеку, нашедшему Христа, найти Его Церковь?

В четвертой беседе с протоиереем Андреем Ткачевым попытаемся подступиться к этим вопросам.

⁵¹ Ин. 17: 21.

ЧАСТЬ I

Поздравлять ли с Пасхой католика?

— *Тема, о которой мы сегодня будем говорить, довольно тяжелая. Может быть, начнем подступаться к ней с практического, жизненного момента?*

— Да, давайте попробуем.

— *Как вести себя с теми, кто исповедует Христа, но принадлежит другой конфессии? Могу ли я с ними вместе молиться? Могу ли, будучи православной и путешествуя по Европе, зайти на службу в католический храм?*

— Да, такие затруднения очень часто возникают. Например, у человека соседи протестанты или католики (человек, пока не столкнется с людьми, принадлежащими другим традициям и исповедующими Христа иначе, чем он, как правило, думает, что он один на свете). Православные и католики живут по разным литургическим календарям, и заметнее всего это расхождение, конечно, на Пасху. Бывает, у православных еще идет Великий пост, а у католиков уже Пасха настала. Вот эти соседи встречают нашего человека и говорят ему: «Христос воскрес!», а наш... теряется и не знает:

как им ответить? Неужели: «У нас — еще нет»?! Или вернее будет просто молча пройти мимо (так часто и поступают)? Как быть?

На самом деле на такие простые вещи надо реагировать просто. Если человек, живущий в другой христианской традиции, по другому календарю празднующий Пасху, или хотя бы даже некрещеный человек, приветствует тебя пасхальным приветствием, то, очевидно, надо отвечать ему: «Христос воистину воскрес!» Ничто не мешает этого сделать. О том, что Христос воскрес, можно говорить каждый день — это константа, постоянно присутствующая правда. Весть о воскресении Христа — это то самое главное, что есть в христианстве.

Твой ответ на приветствие католика или протестанта вовсе не означает, что разделение отсутствует или преодолено и завтра ты запросто пойдешь к нему в общину, а он придет молиться в твой храм. Совсем нет.

Просто, когда речь идет о самом главном, нужно преодолевать свою конфессиональную закрытость.

— Но подчас бывает непросто понять, где главное, а где второстепенное? Где допустимо «преодолевать закрытость», а где уже нет.

— По сути, нашей задачей является отделить плевелы от пшеницы. Понять для себя, где

в поведении человека иного исповедания присутствует собственно христианское зерно, общее для меня и для него, а где уже проявляются его или мои конфессиональные особенности. И, поняв это, вести себя соответственным образом. Ведь мы сталкиваемся именно на конфессиональных вещах: у нас так хоронят, а у них по-другому, мы так служим вечерню, а они — иначе, мы постимся, а они едят все без ограничений.

Полемика, как правило, и бывает спором о частностях — например, католики с православными, вполне в старообрядческом духе, могут спорить о том, пресный или квасный хлеб годен для Святых Даров, справа налево или слева направо налагать на себя крестное знамение... Но надо стараться смотреть на то, что является сущностным, а не возводить мелочь в догмат.

Мы не можем осуждать протестанта, который усиленно читает Новый Завет и во имя воскресшего Христа пытается выстроить свою жизнь, чтобы своими делами соответствовать прочитанному слову. Мы должны со смирением признать, что это — хорошо и что, кроме того, нам этого часто не хватает: далеко не все православные любят читать Евангелие, изучать его, в него вдумываться. Отказывать протестанту в наличии веры и любви ко Христу лишь на том основании, что он не молится с нами рядом, мы не должны. Если же он по недоумию или по злой науке своих духовных

учителей подвергает осмеянию то, что для нас свято, — Пресвятую Богородицу, или почитание святых икон, или молитву за усопших, — тут уже надо спорить и защищать святыню. Не умеешь спорить и защищать — проходи мимо. Мы в данном случае стоим на разных берегах.

Не стоит считать, что у инославного все неверно и плохо, так не бывает. Но и принятия не все достойно. Это тяжелый труд — научиться принимать правильное и отвергать неправильное. Бытовая задача православных христиан, живущих в окружении инославных, иноверных и совсем неверных, в этом, собственно, и состоит: понять, что соответствует глубине христианского исповедания, а что — наслоено. И это посильный труд.

Как пример верного отношения к «плохому» и «хорошему» в инославии, можно привести преподобного Силуана Афонского. Он говорил с одним миссионером, и тот рассказывал преподобному о своей «миссии», как он ходил к протестантам и критиковал их заблуждения: «У вас то не так и это не эдак, того нет, этого нет!» (перечисляя стандартные отличия наших конфессий). А Силуан сказал ему: «Ты неправильно говоришь. Ведь, когда они читают Божие слово, душа их знает, что это хорошо. И ты ничего не достигаешь, критикуя их добрые обычаи. А вот если бы ты сказал им: «Хорошо, что вы любите Господа и знаете,

как сладко слово Его! Но вот этого и этого у вас не хватает», то было бы лучше — больше было бы шансов на успех.

Мне кажется, так и надо подходить к этому вопросу.

Молитва в католическом храме

— *Приходилось ли Вам как-то решать этот вопрос для себя, скажем, при общении с католиками или протестантами?*

— Я неоднократно общался с протестантами, бывал несколько раз в протестантских общинах на их служениях, куда меня приглашали в качестве гостя. И я понимал: в том, что они, например, читают и пытаются понять и объяснить друг другу Евангелие, нет ничего дурного. Конечно, протестантское «прославление» — пение на сцене под гитары или под синтезаторы: «О, Иисус, я так люблю Тебя!» — это совсем не то, чем можно восхититься и перенять. Или, скажем, слепое копирование чужих традиций при отсутствии своих: когда русские пятидесятники или баптисты празднуют американский праздник урожая — день Благодарения. С какой стати люди, живущие на просторах России или Украины, празднуют американский праздник переселенцев? Это, конечно, вызывает естественное недоумение.

Но все-таки то, что хорошо, должно быть названо хорошим.

— Как Вы, будучи на молитвенном собрании протестантов или у католиков, для себя определяли границы: «вот это я могу делать, а этого не могу»? Например, в отношении молитвы — ведь с христианами других конфессий православному нельзя молиться.

— Да, нельзя участвовать в их молитвах.

— Даже если они читают «Отче наш»?

— Да, если даже они собираются вместе и читают «Отче наш», ты должен, присутствуя среди них, творить свою молитву, не подключая свой голос к общему хору.

— Чем вызвана такая строгость этого требования?

— Нельзя вступать в единение с теми, кто отлучен от Церкви, вернее, кто сам себя от Неё отлучил. Нельзя, например, участвовать в протестантском обряде преломления хлеба, принимать у них причастие (вернее, квазипричастие, поскольку протестанты в большинстве своем не верят, что хлеб Евхаристии есть Тело Христово, а вино — Кровь Его). Это губительно. Входя в резонанс с молитвенной жизнью этих чужеродных Церкви частей, ты рискуешь, совершенно этого

не ожидая, много из этой жизни усвоить и унести с собой.

Но это не значит, что надо смотреть на них как на врагов.

Есть, кроме того, экстремальные ситуации, в которых правилами, годными для повседневной жизни, можно поступаться. Представим, что в окопе окажутся под обстрелом баптисты и православные и они в состоянии большого страха и ужаса захотят помолиться вместе — я думаю, в такой молитве не будет ничего предосудительного или греховного. Слишком экстраординарно событие.

Но именно вхождение в общину и участие в их молитве, конечно, православному запрещено.

— *Что же, нельзя молиться и в католических соборах, где лежат мощи святых?*

— На самом деле... нам не запрещено нигде молиться.

Можно привести такой пример. В некоторых странах Европы главные католические праздники являются одновременно и государственными, например евхаристический праздник Тела Христова, Рождество, Пасха или Пятидесятница (хотя европейцы все больше и больше становятся безбожниками, но рудиментарно христианские праздники у них в календаре остаются). И наших православных архиереев, живущих на Западе

и вынужденных общаться с западным миром, конечно же, на эти праздники приглашают как почетных гостей. Живя там, они не имеют возможности отказаться, потому что они не хозяева, а гости. На празднике бывает весь цвет и знать общества — может присутствовать, например, президент или мэр города, обязательно будет представитель Церкви, какой-нибудь кардинал или пресвитер. И русский епископ должен показать лояльность к власти и уважение к народу, среди которого живет. В некотором смысле он «посол» своей Церкви: его внешний вид, благожелательность или, наоборот, нерасположенность обязательно будут замечать. Он не может «воротить нос», мол не пойду на вашу инославную службу!

И вот один из православных епископов Русской Церкви, служивший в Западной Европе, — архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин), — который также был вынужден ходить на подобные праздники, когда его спрашивали: «Будучи на торжественной службе в католическом храме, Вы молитесь или не молитесь вместе с католиками?», отвечал: «У нас есть заповедь апостола Павла: непрестанно молитесь⁵². Я не понимаю, почему я должен прекращать непрестанную молитву, находясь в католическом храме?»

⁵² См. 1 Фес. 5: 17.

4. ПРАВОСЛАВИЕ И ДРУГИЕ КОНФЕССИИ

Это вовсе не значит, что он молился с ними или за них, просто он не прекращал молитву, где бы он ни был. Он молился везде, и в католическом храме тоже.

Действительно, по заповеди апостола молитва должна сопровождать христианина везде и всегда, как дыхание. И конечно, прекращать ее, находясь в собрании инославных, не стоит — надо продолжать молиться. Может быть, надо даже усиливать молитву, только — не вслух, со всеми, а про себя, внутри.

Общение христиан разных конфессий нужно, это однозначно. То, что оно тяжелое, тоже однозначно: оно ставит перед человеком такие вопросы, на которые он не готов сразу ответить. Это... творческая ситуация.

— И ведь с этой ситуацией можно столкнуться не только где-то в Западной Европе, но и в собственном доме.

— Да. Возьмем семью. В одной семье могут жить люди, которые верят в Бога по-разному или не веруют вовсе. Под одной крышей могут жить христиане и атеисты. Или бывает и так, что один в семье — протестант, а другой — православный или неверующий. И это бывает очень мучительно: у меня Пасха, а у моих родственников — никакая не Пасха. Я, радостный, возвращаюсь домой с пасхальной заутрени в шесть утра и хочу

сказать им: «Христос воскрес!», а они еще спят, и некому ответить мне: «Воистину воскрес!»

И надо научиться каким-то образом жить со всем этим и правильно вести себя. Иногда нужно спорить: доказывать, не соглашаться, рвать сердце на части. А иногда необходимо, наоборот, быть тихим, кротким и спокойным, чтобы родные, глядя на тебя, видели, что твоя вера делает тебя другим. Помните из Евангелия историю с исцеленным Гадаринским бесноватым⁵³, которого Христос оставил на месте, запретил ему ходить за Собою? Тот попросил Христа: «Можно ли мне пойти за Тобой?» — «Нет, ты должен остаться здесь. Там, где тебя знали как бесноватого, пусть теперь увидят тебя умытого, одетого и ясно смыслающего».

Такое свидетельство очень ценно. У меня был товарищ, который был чрезвычайным хулиганом, и его иначе, как чрезвычайного хулигана, никто из друзей не знал. От него можно было ждать чего хочешь, он был словно «отрезанный ломоть», тюрьма по нему плакала. В тюрьму он не сел, слава Богу, — он пришел к вере. И после этого все чрезвычайно удивлялись его поведению: человек, который не имел никаких моральных правил и авторитетов, стал трезв, перестал ругаться при дамах и темы разговоров «ниже пояса» стал

⁵³ См. Лк. 8: 26–39.

переводить «выше пояса»: говорить об искусстве и о книгах... Для тех, кто его знал, это было шоком. Его друзья очень долго находились в недоумении, думая: это спектакль или не спектакль? он притворяется? надолго его хватит или ненадолго? Его хватило надолго: он таким и остался. Это было очень интересно и удивительно — увидеть, как меняет человека вера.

О Церкви

— Проблема инославного заключается в том, что он, узнав Христа и полюбив Его, не сумел узнать в Православной Церкви ту самую наследницу Соборной Апостольской Церкви, о которой он прочел в Новом Завете.

Я все-таки думаю, что нужно смотреть на этот вопрос так, как говорит апостол Павел: «Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым»⁵⁴. Если человек назвал Иисуса Господом, поклонился Иисусу как Господу, то, очевидно, так или иначе его сердца коснулась благодать.

А теперь ему нужно найти общину, потому что никто не может верить в одиночку. Это может

⁵⁴ «Потому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор. 12: 3).

быть неочевидным для современного человека, живущего в атомизированном мире, где каждый делает что хочет и верит как хочет. Но ведь верить «в одиночку» действительно ненормально, рано или поздно человек почувствует это. Когда-то он все-таки захочет вылезти из своей ненадежной шлюпки и купить билет на корабль, чтобы переплыть через море и достигнуть заданной цели. И проблема в том, чтобы он увидел, что вот этот корабль и есть та самая Церковь, которую основал Христос. И чтобы он «купил билет» на этот корабль.

Христос и Церковь неотделимы. Ведь мы исповедуем и утверждаем, что Господь пришел не только спасти людей Крестом и Воскресением, Он пришел, чтобы основать Церковь. Ту Церковь, которую не одолеют врата ада⁵⁵. Вопрос в том, где она? Нужно найти Церковь.

Великая беда, если верующий во Христа человек не узнает в нашей Церкви Церковь Христову.

— *Почему так зачастую случается?*

— Очевидно, здесь есть и наша беда. Мы мало пропускаем сквозь себя Иисуса Христа. Как грязное стекло плохо пропускает свет, так и мы, видимо, заслоняем собой Иисуса Христа, и свет Его не светит сквозь нас с той степенью яркости, чтобы

⁵⁵ См. Мф. 16: 18.

это было заметно и очевидно. Мы должны были быть прозрачными для Его света, а это часто не так. Это, собственно, и есть единственная нравственная проблема христианства.

Между прочим, об этом знают все христиане, в том числе и баптисты, и адвентисты. Просто они, может быть, в силу западной привычки к мерчендайзингу и рекламным акциям, продолжают улыбаться и говорить: «Мы — церковь святых!» На самом деле стоит человеку 3–5 лет походить в какую-то конкретную христианскую общину, побыть в ней активным прихожанином, как он прекрасно поймет: никто не безгрешен.

У нас нет проблем с Христом, у нас есть проблемы с христианами. Мы не святые почему-то. Мы даем возможность прежним грехам реанимироваться в нас, мы можем приукрашать христианской риторикой свои человеческие страсти. Не нужно в этом обвинять только лишь патриархов, спорящих о том, кто важнее — епископ Рима, епископ Константинополя или епископ Иерусалима. Это касается всех. Грех — это ржавчина, разъедающая человечество.

На самом деле, если мы захотим найти единство в других религиях, мы его там не увидим. Например, ислам совершенно не един, он разбит на два мощных крыла — шииты и сунниты, и те и другие, в свою очередь, разбиты на десятки разных религиозных течений, представители

которых часто друг с другом и разговаривать не хотят, отказывая противоположной стороне в том, что те — мусульмане. И у каждой стороны есть свои аргументы. У иудеев есть ортодоксы, ультраортодоксы, либералы, консерваторы и даже модернисты. И ведь любой еврей знает, в какую синагогу ему можно ходить, а в какую нельзя ни в коем случае, и кто из них настоящий еврей, а кто только по фамилии Рабинович. Они это знают прекрасно!

И на фоне всей этой разноголосицы Православная Церковь на самом деле представляет собой нечто монолитное и единое, как это ни странно. У нас есть 9 патриархов и 15 Поместных Церквей, в которых, конечно, не все благополучно, но которые все равно поминают друг друга на молитве, имеют общее вероучение, общую Пасхалию, совместные праздники и богослужения, общаются между собой, совершают дружественные визиты и ни в чем в принципе не отличаются. На фоне полного дробления Церковь представляет собой потрясающий пример единства. Просто мы не кричим об этом. Мы смиренно молчим о себе, зная, что мы — грешники и что нам Господь доверил хранение Слова Божиего, но мы плохо это делаем. Храним, распространяем, но не очень успешно.

И это единство абсолютно лишено монархической вертикали, подобной той, что есть у Католической Церкви. У католиков есть один земной

глава и строгая средневековая структура, сохранившаяся до сегодняшнего дня. В Православной Церкви такого нет. И это очень удивительно. Православная Церковь на самом деле очень свободна.

— *Свободна?*

— Да. У Православной Церкви нет единой вертикали власти: не может Московский патриарх командовать патриархом Болгарским! И если, скажем, Константинопольский патриарх пытается, в силу первенства чести, все-таки командовать всеми, то ему напоминают: «Ты вовсе не «православный Папа». Ты — просто один из патриархов, первый среди равных, причем «первый» не потому, что самый лучший, а просто в силу исторических причин. И ты не имеешь права командовать православными японцами, православными грузинами и православными греками» (хотя это не значит, что мы не чтим первенства чести — чтим!).

Православная Церковь — очень сложно взвешенная и по большому счету, выражаясь в духе современных терминов, демократическая, равноправная структура, где нет подавления, диктата и властной вертикали.

ЧАСТЬ II

Замок, фабрика и деревня (о западном христианстве и Православии)

— *Раз уж мы заговорили о католичестве: какие еще существенные и важные отличия есть между нами?*

— Стоит отдельно сказать о том, что в Православной Церкви существует белое духовенство (то есть священники и диаконы, состоящие в браке, в отличие от черного духовенства — монашествующих, дающих обет безбрачия. — *Ред.*), чего нет в католичестве, в силу их канонического права, куда более сурового, чем наше. По большому счету это — великое чудо и величайший подарок, одно из грандиозных преимуществ Православия перед Католицизмом, за которое стоит поблагодарить Бога.

— *В чем заключается преимущество?*

— Существование белого духовенства формирует целую психологию священства. Психология среднего православного священника в принципе оказывается тождественной психологии среднего человека. Что такое католический священник? Это почти монах, человек, совершенно отделенный от мирских людей. Отличие католического

священника от монаха очень невелико, потому что безбрачие — это уже половина монашества. Он может, конечно, иметь имущество, чего монах иметь не должен, но это — мелочи. Главное, что католический священник — бессемейный, он оторван от корней и не принадлежит никому, кроме своего прихода. Это солдатик, который по приказу командира снимается с места и уезжает туда, куда его отправят: в Новую Зеландию или в Австралию, потом — в Африку, через три года — в Латинскую Америку, а из Латинской Америки, например, на Камчатку, и под конец жизни куда-нибудь во Францию, умирать. Он ни к чему не прикреплен и никому ничем не обязан. Все, что у него есть, вмещается в чемодан.

А попробуйте снимите с места православного сельского батюшку, у которого — дети, матушка, старый «запорожец» во дворе, свиньи, куры, требующая постоянного ремонта церковь, 25 бабушек на приходе и полное кладбище прихожан, за упокоевание которых нужно молиться.

Он «врастает» в своей приход... И благодаря этому проблемы простого человека очень понятны православному священнику. Что значит семейному человеку приходить на исповедь к безбрачному батюшке? Это часто бывает разговор глухого со слепым! Ведь половина наших грехов связана с семьей, с теми сложностями, которые с семьей или с ее отсутствием связаны. Вот

я поругался с женой... Что он мне может посоветовать? Или, например, мы уже живем с женой десять лет, а она не может забеременеть... Что он может мне сказать? Конечно, он скажет что-то, но до конца он не может меня понять. Между мною и им дистанция огромного размера.

И в Католической Церкви так и получается: священник, человек очень образованный, очень много учившийся, но не имеющий семьи, вынужден заботиться о пастве, которая ведет совершенно другой образ жизни.

И совершенно иначе дело обстоит у нас. Наши батюшки — плоть от плоти народа, они такие же, как миряне: разница в образовании невелика или по крайней мере некритична, а образ жизни примерно одинаковый. И поэтому каждый приход становится, в идеале, самой настоящей, реальной семьей.

Наше преимущество в том, что у нас священство всю жизнь было единым с народом. Мы ходили по тем же улицам, что и наши прихожане, мы всегда были на виду, и наши грехи все знали. Знали, что священник может быть толстым, глупым, злым... Мало ли глупых, злых и толстых губернаторов, врачей или владельцев местных лавок? Но народ всегда знал и другое: среди священников обязательно есть какой-нибудь святой человек и, если выстроить шеренгу из ста батюшек, в этой шеренге обязательно будет стоять

хотя бы один великий праведник, на которого все Небо смотрит с удовольствием.

Людям это всегда было известно, не умом, а сердечным знанием.

Потом: ведь православный священник к старости превращается... в настоящего дедушку, седоволосого, старенького и доброго, прослужившего у алтаря всю жизнь, окруженного детьми и внуками. К нему люди приходят и, как Айболиту, открывают свое бедное сердце. Кому удобнее исповедоваться: celibату или тому, кто вырастил пять-шесть детей и кто поймет все твои житейские беды, погладит по голове и скажет: «Да не переживай ты! У меня тоже так было. Все будет хорошо!»?

А католический священник к старости не становится дедушкой. В лучшем случае он становится старым профессором, окруженным книгами, покуривающим под вечер трубочку на балконе...

— *Как отразилась на Католической Церкви эта длительная традиция celibата духовенства?*

— Она изменила психотип христианина и расколола, разделила Церковь на две отделенные друг от друга части: духовенство и мирян. То, чем потом Запад и нас заразил.

Celibат для духовенства изначально исходил из добрых побуждений, из желания святости,

желания, чтобы Церковь была свята и ее священники были святы. Но здесь сыграл злую шутку неправильный расчет, превышающий человеческие силы. Западная Церковь перегнула палку и сломала ее. Когда на Первом Вселенском соборе решался вопрос о необходимости обязательного celibата для священников, то некто из уважаемых старых людей, подвижник, состарившийся в монашестве, сказал: «Не возлагайте на людей бремени неудобноносимого! Для большинства это станет непосильной ношей. Так вы нарушите мир и породите множество проблем».

Люди не выдерживают завышенных требований к своей природе. Да, есть монашество, есть те, кто не прикасается к женам, и слава Богу, что есть! Но эта мера не всем дана, а только тем, кто вместит⁵⁶. Опасно возводить ее в норму, потому что не все это выдержат, и те, кто вначале горел, начнут сначала потухать, потом унывать, впадать в грехи или отказываться от сана.

Католицизм не сразу принял целибатное священство. Эта идея вызревала долго, ей сопротивлялись, но она победила, и сегодня это уже не обсуждается. Ватикан не изменит своего отношения, для него это смерти подобно.

— Почему?

⁵⁶ Ср. Мф. 19: 11–12.

— Он слишком монументально сложен во всех своих частях, и, вынимая один из камней, мы грозим обрушением всей системе. Католичество похоже на древний замок, который все еще крепок, хотя изрядно обветшал и во многих его комнатах уже никто не живет. Но он все еще стоит. И — католики это понимают — этот замок нельзя перестраивать, поскольку, как только начнешь перестраивать, он просто рассыплется. Так он и стоит со времен позднего Средневековья, как огромное готическое здание, как некое воплощение истины, к которому ни в коем случае нельзя прикасаться, иначе оно рухнет. Ведь раньше католики догматизировали все: и наука, и медицина, и представления об окружающем мире были догматизированы и встроены в структуру католического вероучения, как камни в стену. Сейчас несколько камней из этой стены уже извлечены: например они признали, что теория Дарвина не противоречит библейской версии сотворения мира. Мир «покусал» католицизм и каждый день «откусывает» от него по кусочку.

Однако, если католицизм упадет, то вместе с ним падет и весь западный мир, потому что последнее, что в западном мире еще сохраняет традиционную связь с ушедшими веками, — это Католическая Церковь.

О наших сильных и слабых сторонах

— *Если Католическая Церковь похожа на замок, то с чем можно сравнить Православную Церковь?*

— Православная Церковь похожа на... на деревню, посреди которой стоит барское поместье. Это такая дворянская усадьба с крестьянскими дворами и барским домом, с аллеями, лужайками, с флигелями, фонтанчиками, с прудом с карасями. Эта усадьба не выбивается из окружающего пейзажа, наоборот, сливается с ним в одно целое. Барский дом посередине может быть и из камня — как символ тех больших, помпезных вещей, которые у нас есть: древние храмы и огромные соборы, мощные издательства, семинарии и академии. Словом, то, что делает нас похожими на «цивилизованный мир», в его понимании. А все остальное похоже на деревянные домики, хозяйства с курами, с собаками в будке, с детьми, играющими на дворе...

Православная Церковь — такая. И поэтому ее трудно уничтожить: можно разрушить эту «деревню», а жителей выгнать, но они перейдут на другое место и возродят то, что было. Это не замок, который разрушишь и уже не построишь.

Православная Церковь всегда возродится. Ей для этого нужно будет немного: небольшая хата с крестом на крыше, вместо колокола — пустой, разрезанный пополам баллон из-под газа,

в который можно бить молотком, пять прихожанок, батюшка. И все. Есть церковь, значит, есть и литургия, и Евхаристия. Есть, где крестить ребенка, отпеть умершего, повенчать новобрачную пару, встретить Пасху. И Церковь существует.

В этой устойчивости — еще одно наше великое преимущество.

— *А в чем наш недостаток? Каковы самые уязвимые стороны жизни Православной Церкви?*

— Самые уязвимые в Церкви структуры — это те структуры, которые встроены в государственную жизнь, связаны с гражданской жизнью и со всеми делами мира сего. Там, где есть банковские счета, бюрократия, много бумаг, много вертикально-горизонтальных связей, какие-то офисные здания и так далее и тому подобное.

А все остальное... Ну как ты будешь влиять, например, на священника, который служит где-нибудь в далеком селе Алтайского края? Что ты с него возьмешь и что ты ему дашь? Или на монастырь, который имеет свою пасеку, ловит рыбу в соседней речке, возделывает кусок земли, держит церковную школу, имеет много прихожан и молящуюся братию. Он вообще ни от кого не зависит на самом деле. Чем скромнее монастырь и чем более он богат духовной жизнью, тем менее уязвим.

Почему Церковь так сильно пострадала при революции? Потому, что она была полностью встроена в государственную структуру, сведена до уровня министерства — одного из министерств обреченного государства. И потом, когда это государство разрушилось, вместе с ним рухнули все церковные структуры, до того казавшиеся нерушимыми и утвержденными на веки. И священников гнали и убивали иногда прямо за Христа, в силу той ненависти к благодати, которая была присуща многим революционерам, а иногда — как чиновников несуществующего государства. Под каток репрессий духовенство попало как бывшие служащие бывшего государственного департамента, как потенциальные контрреволюционеры.

Так что встроенность Церкви в госструктуры в начале XX века сыграла свою трагическую роль.

— *К слову о монастырях: у католиков, в соответствии, наверное, с их любовью к строгой иерархичности и порядку, есть монашеские ордена. У нас, кажется, ничего подобного нет. Почему?*

— Да, на Западе у католиков есть ордена, и каждый со своей специализацией. Например, бенедиктинцы, чье кредо — *ore et labora* (лат.), «молись и работай». Переписка книг, аптекарское искусство, возделывание земли, молитва, строгий устав — удел этого монашеского ордена.

Доминиканцы занимаются миссией, проповедью Евангелия, противодействием сектантству. Францисканцы исповедуют добровольную святую бедность. Какие-то другие ордена занимаются, например, только тем, что учат детей, другие — помощью женщинам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, и так далее. У каждого ордена есть свое «направление».

Это естественно и логично, ведь каждый человек имеет склонность к чему-то. Один может воспитывать и учить детей, а другой — помогать больным алкоголизмом, третий — ходить в тюрьмы, а четвертый — редактировать книжки или делать переводы. Зачем бросать интеллектуала, который знает четыре языка, на детский садик? Пусть переводит трактаты, свежую богословскую литературу с испанского, с греческого, с сербского на русский!

Трудно сказать, почему в Православной Церкви не сложилось орденов. Видимо, нас не вынуждала к этому жизнь, или вынуждала, но мы не заметили.

У нас были ярко выражены два типа монашеских подвижников, одинаково необходимых Церкви, — отшельники и социально-ориентированные люди, «нестяжатели» и «иосифляне». Одни были ориентированы на чистое монашество, а другие — на открытость миру с его нуждами. Но больше дифференциации

не происходило, а сегодня в этом есть нужда. Нужны образованные монахи, которые могли бы войти в студенческую аудиторию, и терпеливые монахини, занимающиеся одинокими стариками в домах престарелых или брошенными детьми в доме малютки, — особенно детьми с врожденными пороками, такими, от которых в страхе отшатаются даже родители. Ведь мирскому человеку, который, чтобы содержать семью, работает с раннего утра до позднего вечера, невозможно брать на себя еще и благотворительную нагрузку. А те, кто посвятил себя Богу, могут.

Как-то давно передавали, что один из наших русских монастырей, стоящий в окружении деревянных сел, купил пожарную машину и обучил монахов пожарному делу в МЧС. И теперь монахи этой обители выезжают тушить пожары в окрестностях. Поскольку ближайшая пожарная машина находится километрах в 80 от села, а монастырь — под носом, это весьма кстати.

Монастырь, у которого есть своя картошка, своя капуста, морковка, свое зерно и свой мед, своя сельскохозяйственная техника, может жить своей жизнью и помогать людям: учить детей из окрестных сел, принимать к себе труднителей вышедших из тюрем зэков, которым некуда деться, устроить бесплатный врачебный кабинет для сельских жителей... У нас есть такие обители,

и их довольно много, просто они не кричат о себе и формально ни к какому ордену не относятся.

Монахи таких монастырей подобны Луне: одной стороной они постоянно обращены к Богу, а другой стороной смотрят на мир и помогают миру. И мирянам вовсе не нужно знать, что там, на «другой стороне Луны».

О вере «по-американски»

— У меня рождается такой вопрос: что мешает человеку сказать: «Выберу церковь по сердцу — деревню, замок или...»? С чем бы можно протестантов сравнить?

— Протестантов можно сравнить... с очень хорошей фабрикой. С каким-то машинным производством, заводом «Мерседес Бенц» или «Форд», стоящим посреди города, куда стекаются вереницы рабочих. Фабрика.

— Допустим, фабрика. Может быть, человеку ближе фабрика?

— Может быть и такое. Православие не похоже на фабрику, а человеку хочется на фабрику: он наслаждается стуком машин и запахом машинного масла, ему нравится, когда все жужжит, скрипит, вертится. Были же такие поэты, которые считали, что звук пропеллера слаще, чем голос любимой девушки!

Что ж, в духе свободы, о которой сегодня так много говорят, человек может идти, куда хочет. Мы не можем хватать его за рукав: «Стой! Не иди на фабрику, иди в деревню!» Мы никого не удерживаем. Хочется на фабрику — пожалуйста.

— Но, казалось бы, русскому человеку должно быть ближе свое, родное? Почему же он ищет зачастую другое?

— Отчасти потому, что, как это ни странно прозвучит, но мы в изрядной степени американизированы. Многие из нас. Как прекрасно пел Вячеслав Бутусов в свое время: «Гуд-бай, Америка, о, где я не буду никогда! Нас так долго учили любить твои запретные плоды».

Предвоенное и послевоенное поколение советских людей по приказу генералиссимуса было воспитано на шедевральном кино, взявшем за образец голливудский кинематограф: Сталин любил Голливуд 1930-х годов и требовал, чтобы наши снимали так же, как американцы. Затем целые поколения русских людей были влюблены в американские субкультуры — подражали хиппи, слушали музыку кантри, рок-музыку. Мы все как один смотрели фильмы про Джеймса Бонда и про техасских рейнджеров, мы помним, как вываривали свои первые джинсы... Многие из нас выросли на любви к внешним атрибутам американской культуры: Coca-Cola,

Malboro, джинсы Levis. И эта любовь не так быстро выветривается...

Наш человек знает, что написано на долларе: In God we trust. Очевидно, что создатели доллара заявляют о своей вере в Бога, но, очевидно и то, что они верят иначе, чем мы, — по-американски.

— *А что значит «верят по-американски»?*

— Есть свой набор характеристик... Начнем с того, что изначально американцы верили, что осуществляют самую масштабную в истории попытку создания «земли святых». «Мы — свободные люди, мы верим в Бога! Там, за океаном, мы оставили дразги и свары умирающей европейской цивилизации, чтобы здесь построить все заново. Мы умеем и хотим работать, и сможем сделать это!»

Построить, насколько это в человеческих силах, воплощенное Царство Божие на земле — таким был пафос американских колонистов.

Во что это превратилось сегодня? Как говорит герой одного из фильмов: «Эта страна была построена на великих идеалах, но все испортила банковская система». Это страна, которая очень долго использовала рабский труд и теперь будет за это расплачиваться. Это страна, которая поняла свободу как свободу от Бога, а не свободу в Боге, и теперь она будет вести войну с Божиими заповедями. Это страна, в которой не осталось

и следа от первоначальных дерзновенных религиозных замыслов, где люди поработаны идеей зарабатывания денег. Это большая империя, которая хочет командовать всеми, но умирает от собственных проблем...

И все-таки христианский, протестантский заряд там очень сильный, он быстро не исчезнет. Библейские идеи защиты в американское общество. Начиная с Авраама Линкольна, все президенты Штатов обязательно цитируют в своих программных речах Священное Писание: псалмы Давида, книгу Притч Соломоновых, книгу Бытие и непременно — Евангелие Господа Иисуса Христа. Америка читает Библию, хотя и очень специфически, по-своему.

— *Что это за прочтение?*

— Библия «по-американски» — это в первую очередь наглое обращение с текстом. Американский проповедник может смело сказать: «Бог хочет, чтобы ты был богатым! Перестань беспокоиться! Бог хочет, чтобы твоя банковская карточка была полна денег!» Таким может быть американское прочтение Священного Писания.

Ведь создал же один из отцов — основателей Штатов, Томас Джефферсон, «свой» вариант Библии. Убежденный в том, что учение об Иисусе Христе «испортили» апостолы, он выдергивал из Библии то, что считал нужным, оставляя «за

бортом» все остальное — в точности, как действовал потом наш Лев Толстой. Так, согласно «Библии Джефферсона» Иисус не воскресает: это был просто прекрасный человек, который учил людей хорошо поступать и всех любить, которого распяли и который умер. Все. И отец — основатель Соединённых Штатов считал, что его понимание Библии — самое правильное. И в том, что личное понимание Евангелия — самое верное, уверены многие протестанты.

Американский протестантизм — это разнообразное, пестрое и мощное культурное явление, к которому наш человек может быть склонен, будучи в тайне сердца американопоклонником...

Повторить путь апостола Павла

— Отец Андрей, вернемся к нашему основному вопросу: как человеку узнать Церковь Христову среди многих, которые претендуют на это имя?

— В Церковь Христову можно прийти несколькими путями: от большого ума и тревожного сердца, от большой боли или от непосредственного прикосновения Божией Руки.

От большого ума приходят те, кто ввергает себя в пучину «умных страданий»: кто думает, читает, спрашивает, мучается, боясь ошибиться. От большой боли приходят люди или потеряв близких, или тяжело болея, или теряя Родину

и оставшись без работы и средств к существованию. Или же от больших грехов, когда человек так страшно нагрешит, что жить дальше ему становится не вмоготу. Ну и, конечно же, люди приходят в Церковь тогда, когда Господь Бог прикасается к ним и говорит: «Вот здесь твое место».

Мы сейчас живем в странные времена. Парадокс нашего времени в том, что все разрешено и доступно, только ищи! Но искать — не получается... Человек ослабел, и интеллектуально, и нравственно, его познавательные и интеллектуальные способности очень сильно ухудшились. Ему, например, трудно надолго сконцентрировать внимание на каком-то трудовом процессе, он быстро устает. И это является преградой для серьезного поиска и познания.

Сейчас, как никогда, очень ценны люди, которые бы жадно искали Истину. Такие «Савлы» современности⁵⁷, которые приходят к Богу часто после различных и тяжелейших метаний, перебрав все возможные философии и к чему только не обращавшиеся. Таким человеком был, например, иеромонах Серафим (Роуз). Он погружался в поиски Истины с головой: учил хинди, чтобы изучать индийскую философию, выучил

⁵⁷ Имеется в виду апостол Павел, которого до обращения звали Савлом.

китайский, чтобы читать Дао де цзин⁵⁸ в оригинале. Он ходил по всем протестантским и католическим церквям, пока однажды подруга не сказала ему: «В этой церкви ты еще не был». И Юджин (так его звали до монашеского пострига) зашел в православную церковь. И почувствовал, как двери закрылись за его спиной.

И это не путь избранного одиночки, подобный опыт имело множество людей. Например, ныне живущий и здравствующий архиепископ Берлинский и Германский Марк (Арндт) — человек очень достойный, подвижник и интеллект, один из достойнейших наших иерархов — в прошлом был лютеранином. У него своя история поиска и обращения в Православие. Или нынешний митрополит Каллист (Уэр). Он родился в англиканской семье, и, как он говорил, ему было достаточно протестантского христианства, пока однажды он не зашел в церковь, где служил архиепископ Иоанн Шанхайский. В церкви было очень мало молящихся. Служил сам владыка, и, хотя, как вспоминает митрополит Каллист, из того, что говорилось на службе, было практически ничего не понятно (у владыки Иоанна был дефект речи), но у юноши-англиканина возникло чувство, что церковь полна молящимися людьми.

⁵⁸ Дао дэ цзин — памятник древнекитайской философской мысли, главный канонический текст даосизма.

Отчасти этот эффект могли создавать православные иконы, висевшие по стенам: изображенные на них святые словно молились вместе с прихожанами. Но только отчасти — у юноши было ясное чувство, что в церкви молящихся больше, чем можно было увидеть глазами. «И я почувствовал, — говорил митрополит Каллист, — что эта Церковь в полном смысле жива. Жива и полна молящихся людей».

— *Но годен ли такой путь «полного погружения» для каждого человека?*

— Мне кажется, что это путь современности, путь, который сегодня вменен в обязанность многим.

Владимир Соловьёв говорил, что христиане последних времен должны будут быть очень умными. Они должны будут, как через тернии к звездам, прорываться к Истине. Но, найдя Истину, они уже будут крепко ее держаться, их не обманешь.

У нас на самом деле есть все, чтобы повторить путь Серафима (Роуза) или Каллиста (Уэра) (или апостола Павла, в конце концов). Миллионы молодых людей включены в систему высшего образования и имеют возможность читать хорошие книжки, приходить в амфитеатры студийных аудиторий и слушать лекции выдающихся людей. Но немногие из этих миллионов нашли Господа.

Нынешнее поколение, конечно, приходит молиться Богу: молодые медики, музыканты, переводчики, журналисты, физики склоняются перед Крестом и Евангелием. Мы можем печалиться только о пропорциях: нам хотелось бы, чтобы хотя бы половина студенческой аудитории уверовала, а к вере приходит двое из трехсот. Многие не пришли, заблудились. Умные, молодые, энергичные, но беспутные и распутные, они прожигают свою жизнь, и знают об этом. И — тоскуют от этого.

Только Христос и Евангелие?

— Что сказать о человеке, который, смутившись проявлениями греха в Церкви — распрями, несовершенством священников и мирян, сложностями церковной истории, — решит остаться в стороне от любых конфессий и церквей, веруя, тем не менее, во Христа и с любовью читая Евангелие?

— Это хороший выбор. Только... в одиночку долго не повоюешь: твое христианство либо выдохнется, либо превратится во что-то, уже очень отдаленно напоминающее христианство.

Ты все равно к кому-то прильнешься, только это будет, скорее всего, какая-то радикальная секта, адепты которой будут считать себя лучше всех и говорить: «Все остальные погибнут, а мы, самые чистые, спасемся!» Но и там долго не

придется задержаться, потому что и там от «человеческого фактора» никуда не скроешься.

Так уж лучше быть во Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, чем в секте.

Что касается «человеческого фактор» — дразг, ссор, грехов... Попробуем провести аналогию. Человек стал врачом. Врач не может быть врачом сидя у себя дома, он, как правило, попадает в коллектив: в частную клинику, поликлинику или больницу, где есть главврач, замглавврача, санитарки, медсестры, коллеги по работе, больные. Будут ли в этом коллективе конфликты? Конечно же будут! Будут и «любовные треугольники», и зависть, и ропот, и недовольство зарплатой. Та же картина будет везде — за кулисами театра, в воинской части или в коллективе школьных преподавателей. Всюду! Но вряд ли человек имеет право на основании этого сказать: «Да не буду я людей лечить, потому что мне надоели эти вздорные санитарки, а у главврача дурной характер!»

Почему? Потому, что он будет понимать: есть нечто большее и этому большему я служу. И будет дальше служить в армии, работать в театре или в поликлинике несмотря на то, что не все вокруг оказались святыми.

Такую модель отношений нужно наложить и на Церковь. Да, у нас очень много плохого. Мы больны эгоизмом, злобой, завистью, жадностью, суетностью, мы позволяем себе вещи, которые

позволять не стоит. Но есть Христос, которому мы служим, и Он достоин того, чтобы служить Ему, дистанцируясь от грехов человеческих, не разделяя и не осуждая их. Это возможно, если понимать, Кому ты служишь.

Ведь в Ноевом ковчеге плыли совершенно разнородные животные, несовместимо разнородные: какие-нибудь тушканчик и гиена, слон и мышка. Им невозможно было никуда деться друг от друга из Ковчега. И они не грызли друг друга: хищники не терзали травоядных, травоядные не убегали от хищников, потому что некуда было бежать. И в церковной общине можно пребывать, понуждая себя потерпеть, например, гордого регента или вредного дьякона. Нужно ведь друг друга терпеть!

Находясь в любом приходе Православной Церкви — Русской ли, Греческой ли, или Сербской, — мы находимся в одной из кают такого ковчега. Корабль один, кают много.

**«Скажи мне, Господи,
путь, которым мне идти»**

— *Что же с остальными христианскими церквями и конфессиями? На Корабле ли они?*

— Здесь есть тайна, и лучше будет, если мы не станем пытаться «вычерпывать ее ложкой». Мое отношение к инославным христианам хорошее.

Я вижу в них людей, а не зверей и не демонов, и часто это люди в лучших проявлениях своей веры. Но где находится он, человек другой конфессии, я не знаю. Может быть, мы еще не отплыли и он стоит на берегу, но, когда корабль отчалит и двинется в путь, он на берегу и останется. Хорошие люди тоже ведь могут не попасть на палубу. В том-то и драма, что на корабле могут оказаться самые разные люди, даже не очень хорошие, но и вне корабля могут остаться люди самые разные, в том числе и очень хорошие. Это море ложкой не вычерпаешь. Мы замолчим здесь.

Но сесть на корабль нужно — для того чтобы спастись, потому что на земле оставаться нельзя. Троя — мир сей — сожжена, нужно идти на поиски новой земли, нельзя оставаться на этом пепелище, на котором уже больше не будет жизни. Нужно сесть на корабль.

— Если человек уже нашел Христа, но ищет корабль Церкви, какой совет можно ему дать?

— Человек обязательно должен молиться, сказать Богу: «Я знаю, что Ты есть. Я знаю, что Сын Твой воскрес. Я знаю, что Он основал Церковь. Где эта Церковь? Покажи мне, Господи! Скажи мне, Господи, путь вонже пойду, яко к Тебе взях душу мою»⁵⁹. Это очень важные слова для веру-

⁵⁹ Пс. 142: 8.

ющего человека: «Укажи мне, Господи, путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою. Научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты Бог мой».

Можно вспомнить и тот вопрос, который задал Богу обратившийся апостол Павел. Когда он ослеп по дороге в Дамаск и услышал голос: «Савл, Савл, что Ты гонишь меня?» — «Кто ты, Господи?» — «Я Иисус, которого ты гонишь». После этих слов будущий апостол спрашивает только одно: «Что Ты повелишь мне делать?»⁶⁰

Человек, услышавший голос Христа, но не нашедший Его Церкви, может считать себя подобным ослепшему Савлу. Он познал, что Иисус есть, но он ослеп и не знает, куда идти, и просит Бога указать путь: «Что повелишь мне делать?»

Это молитвенный вопрос каждого верующего, который оказался на перепутье. Хотя в молитве люди чаще просят о другом: о помощи, о прощении, об исцелении себя или близкого человека, а вот «что повелишь мне делать?» — это вопрос редкий.

Надо спрашивать у Господа Бога.

И я знаю много историй, связанных с такими вопрошаниями и с ответами на них. Господь отвечает. Я помню, давно еще одна женщина рассказывала свою историю. Она находилась

⁶⁰ См. Деян. 9: 1–6.

в серьезном сомнении, в какую Церковь ей ходить? Тут католики, тут греко-католики, там раскольники, здесь православные Московского патриархата, которых никто не любит в тех местах (это было в Западной Украине). И эта женщина однажды была на кладбище и проходила мимо какой-то одинокой, заброшенной могилы. Эта могила как-то привлекла ее внимание, тронула своей заброшенностью: она задержалась возле нее, прибрала, вырвала сорняки, подправила землю, зажгла какую-то свечечку, помолилась, постояла на этой могиле. И в эту ночь ей был сон: к ней пришел Спаситель. И она Его спрашивала: «Куда мне ходить?» Он молчит. Она говорит: «Туда?» Он молчит. «Туда?» Снова молчание. — «Туда, что ли?» Он кивнул ей: «Да». И эта женщина проснулась с такой радостью, с таким подъемом! Она оказала простое человеческое милосердие к месту захоронения неизвестного ей человека, и как раз в этот день вопрос, давно мучивший ее, получил разрешение.

Так что Бог отвечает, безусловно. Отвечает.

— *Без этого ответа человек бессилен разобратся?*

— Человек обычно каков? Он, как самоуверенный ребенок, который говорит: «Я сам!», берет ложку и ест «сам», не попадая ложкой в рот, обливая все вокруг себя супом или кашей и превращая

4. ПРАВОСЛАВИЕ И ДРУГИЕ КОНФЕССИИ

обед в подобие кошмара. Попробуй, заставь его покоряться! Он должен сам сначала все узнать да испробовать.

Поэтому путь к вере бывает так непрост, и так много на нем бывает сделано ошибок. Человек уверен: «Сам разберусь!» Ну хорошо, разбирайся. Разобрался — ерунда какая-то получилась... А когда человек смиряется, поднимает глаза к небу и просит помощи свыше? Когда он отчаялся в своих силах и понимает, что — не всемогущий человек и далеко не все он может постигнуть.

Но нужно дать ему возможность ошибаться. Иначе не получится, ведь редко кто может сразу проявить покорность. Сначала человек покажет строптивость, уверенность в своих силах. Ему бывает нужно набить себе шишку, обломать свои рога, чтобы потом вернуться с покаянной молитвой к тому же месту, откуда он вышел. И тогда уже он скажет: «Нет, я понял, что я сам не разберусь. Господи, помоги мне!»

Беседа пятая

О ТАЙНАХ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

До познания Бога человек доходит
собственными слезами.

Сергей Фудель. Церковь верных

Пятая беседа — завершающая. В ней мы решили продолжить разговор о том, что в предыдущих беседах было затронуто, но не было раскрыто.

Первая часть расскажет о тайне человеческой души и о милости Бога к этой душе, о том, есть ли талант веры и кому он дается; почему мужчинам сложнее прийти в Церковь, чем женщинам, и чем отличаются жизнь и вера IV и XXI веков? Во второй части речь пойдет о подлинной святости, которая не бывает шаблонной, об удивительных и удивляющих святителях — Луке Войно-Ясенецком и Иоанне Шанхайском, о святых, которые могут стать «молитвенниками за неверующих», и — о том, что человеку нужно знать обязательно, а без каких знаний он может обойтись.

ЧАСТЬ I

Бог и личность: разговор на глубине

— Нам удалось затронуть многие темы: причины отрицания Бога и то, как люди обычно находят веру, соотношение веры и разума, вопрос разницы между религиями и конфессиями. Но мне бы хотелось вернуться к самой, как мне кажется, интересной из них — продолжить разговор о вере.

Господь говорит в Евангелии, что никто не может прийти к Нему, если его не привлечет Отец Небесный⁶¹. И в жизни мы действительно видим, что есть люди, которые не замечают и явные чудеса в своей жизни, а есть те, которым, наоборот, вера дается легко, как дыхание. Получается, одним дан талант веры, а другим — нет? Или все-таки все зависит от самого человека?

— Евангелие прозвучало в еврейской среде. Евреи — это народ, имеющий кровное происхождение от святых прародителей: Авраама и его потомков, праведников Исаака, Иакова и двенадцати патриархов. Это народ, живущий на Святой земле, специально данной им Богом. Евреи были

⁶¹ См. Ин. 6: 44.

ограждены заповедями закона Моисеева, освящены образом жизни, они хранили предписание о субботе и молились Единому Богу. Человек, живущий в таком обществе и старающийся исполнять его предписания, мог бы считать себя на этом основании святым. На самом же деле этого недостаточно. Иначе незачем было Христу, Который говорит о Себе как о пришедшем «не праведников, а грешников призвать на покаяние»⁶², приходить к этому избранному народу.

Оказывается, что даже внутри святого сообщества люди очень сильно различаются по своему внутреннему состоянию. Очевидно, что одни — внимательны, а другие — невнимательны, одни склонны прощать себе свои грехи и отмахиваться от голоса совести, а другие склонны казнить себя за них; одни чувствительны к мелочам нравственной жизни, а других приводят в чувство только жестокие удары жизни.

Здесь мы уже входим в область, которая избегает точных дефиниций, — мы касаемся тайны. Тайны личности.

Вера в Бога — это то, что отличает личность. Образ жизни может объединять более-менее широкий круг людей, происхождение дается каждому независимо от его личного участия: мы не выбираем, кем нам родиться, — европейцами или

⁶² См. Мф. 9: 13.

арабами, евреями или славянами. А Евангелие прикасается к тайне личности. Оно проникает глубже этих внешних вещей, говорит с человеком не на уровне народов, рас или культур, а на уровне личности. В нем человек слышит вопросы, требующие его собственного ответа: «Чувствуешь ли ты — именно ты — в своей душе боль от греха, страдаешь ли от него? Или ты ее не чувствуешь и грех тебе по сердцу? Извиняешь ли ты себе раз за разом свои ошибки или же хочешь от них избавиться и готов беспощадно с ними бороться?»

Конечно, можно говорить о некоем таланте веры, но нужно понимать, что этот талант не навязывается человеку свыше без его воли, он всегда опирается на личный выбор. Талант веры дается в ответ на некую отзывчивость и чувствительность души, на нежность и смелость человеческого сердца (ведь для того, чтобы быть святым, нужно быть одновременно нежным и смелым: нежным к любому прикосновению Божию и смелым в борьбе с собой).

Господь ищет личностей. Он не ищет народы, Он ищет личностей. Христос ищет Своих овечек и зовет их по имени⁶³.

И пожалуй, здесь мы подходим к некому пределу откровения тайны, за которым Бог нам уже

⁶³ Ср. Ин. 10: 14: «Я есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня».

ничего не говорит. Мы никогда не узнаем, почему апостол Пётр такой горячий, а апостол Иоанн — созерцательный, или почему апостол Павел был призван на служение после евангельских событий — Распятия и Воскресения, а не был изначально в числе учеников Христа. Это необъяснимые вещи. Мы уже не можем ничего объяснить, просто говорим: «Есть так, как есть».

Безусловно, у каждого человека есть талант. Впрочем, у каждого действительно своя мера: и поэтому одному рано дается узнать Христа и потрудиться для Него всю жизнь, с молодых лет до старости, а кто-то узнает Его только перед смертью. Мера и талант такого человека — покаяние в последние отпущенные ему дни.

У людей разная «вместимость». Почему и проблематично требовать от всех одинакового образа поведения: один уже сейчас «горит» верой, а второй вообще не понимает, зачем все это нужно, — храм, Таинства, молитвы? Все по-разному «горят» и по-разному глубоки. Общие принципы необходимы, но строго выстроить по ним жизнь христианского общества не получается.

— Но ведь, когда человек приходит в Церковь, он все равно начинает придерживаться каких-то действующих в ней правил, общих для всех. Все начинают с молитвослова, с хождения в храм, с чтения определенных книг для новоначальных...

5. О ТАЙНАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

— Да, конечно. Обращение ко Христу происходит лично, но, обретая Бога, человек входит в некую общину и подчиняется тем правилам, которые в ней находит, смиряется, учится. Это его согревает и оберегает, и ему этого до поры до времени достаточно. Но в какой-то момент он все равно приходит к ощущению, что ему, как личности, нужно что-то свое, — что-то такое, что нужно именно ему. Что-то меня греет, а что-то оставляет равнодушным, к чему-то стремится моя душа — именно моя! Так человек начинает искать чего-то большего, того, что просит именно его сердце. Это когда-нибудь обязательно происходит.

О том, есть ли «мужское» и «женское» христианство

— *К вопросу об общине: не секрет, что в православных храмах женщин гораздо больше, чем мужчин, — в несколько раз. Почему это так?*

— Есть несколько причин этого явления.

С одной стороны, женщине действительно легче быть в Церкви. В Священном Писании Церковь сравнивается именно с женщиной, с Невестой, а Господь назван ее Женихом. Апостол Павел заповедает мужьям любить своих жен, «якоже Господь возлюбил Церковь», а женам — быть послушными своим мужьям, как Церковь

послушна Господу⁶⁴. Женщине вменена послушность, и женская натура изначально расположена к тому, чтобы слушаться, склониться, покориться, внимать. Это антропологическое объяснение, безусловно, имеет место.

Но сегодняшнее преобладание женщин в храмах вызвано и психо-историческими причинами, которые могут быть отнесены скорее к недостаткам, чем к закономерностям.

Дело в том, что мужчина — умен, а женщина — сентиментальна. Мужчине нужны знания, а женщине — чувства. И наша современная церковная жизнь построена в большей степени на чувствах, чем на уме. Либералы ошибаются, когда ругают нас за то, что Церковь унизила женщину. Наша Церковь женщину непомерно возвысила, даже несколько перегнув в этом палку. В Церкви все построено для женщины, для мужчины очень мало всего.

Зачастую мы приходим в храм, ища в нем именно эстетических и душевных вещей. В наших храмах красиво, умирительно, тепло, мягко, мистично, таинственно, уютно; свой приход в Церковь и пребывание в ней мы часто описываем, пользуясь именно такими характеристиками, которые более отвечают потребностям женской души и женскому восприятию.

⁶⁴ Ср. Еф. 5: 22–32.

5. О ТАЙНАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

А мужчине, по идее, нужно, чтобы было иначе, — ясно, сильно, умно, энергично! Его привлекают не столько эстетические, сколько умные вещи: проповедь, разъяснение, поучение, наставление, молитвенный труд, долгое богослужение, молитвенное бдение всю ночь. От таких вещей, обращенных к уму, женщина, как правило, очень быстро устанет, скажет: «Что вы меня мучаете?», а мужчине это, наоборот, понравится.

И вот этих вещей, умных и сильных, не хватает.

Безусловно, это не сегодня началось, церковная жизнь менялась постепенно, в течение столетий. Но на сегодняшний день есть то, что есть... Душевность заслоняет мысли. Поэтому мужчина и чувствует, что ему в церкви как бы «делать нечего», и часто туда и не ходит. Он не хочет становиться сентиментальным, ему нужно слышать умное слово, воспринимать смыслы, связанные с трудом и борьбой.

Мужчины чувствуют, что в храме им придется покорить свою душу, свой ум, свою волю «женскому мнению», начиная от какой-нибудь Митрофановны за свечным ящиком, и им не хочется встраиваться в эту женскую систему... Поэтому мужчины часто интуитивно сторонятся церкви и остаются за бортом, отправляясь на поиски «умной пищи» в другие места, занимая свой ум научной фантастикой или политическими теориями.

— *Что можно предложить мужчине, чтобы он все-таки за бортом не остался, чтобы он увидел в Церкви нечто большее, чем красоту и душевность?*

— Книгу. Нужно предлагать ему книгу, через которую он сможет понять бытие Церкви, обозреть образ Церкви в ее красоте. И через книгу он уже сможет искать свое место в приходе.

Женщинам, в большинстве своем, не нужна книга. Ясно, что женщины есть разные, каким-то из них книга очень даже нужна, но, в принципе, женщине-христианке нужен храм, колокольный звон, какие-то красивые, приятные, милые вещи и обряды, и только после этого — богослужение, проповедь, покаяние, Причастие — все-все, что есть в Церкви. А мужчине нужна книга, нужна информация, нужна умная пища.

— *Но так ведь было не всегда, верно? На заре христианства женщины играли очень скромную роль (за исключением единственной Женщины, о Которой так нельзя сказать: Божией Матери)...*

— Конечно, так было не всегда. Эпоха святых отцов — это эпоха мужчин. Были тогда и святые жены, но и те имели сильный, стальной характер, были мужественными душой. Но в основном все дело шло за мужами.

Например, Иоанн Златоуст переживал о тех мужчинах, которые были вынуждены постоянно

работать, например о рыбаках, которые уходили надолго в море. Эти люди не могли посещать воскресные службы или всенощные бдения в субботу и были тем самым лишены Причастия на долгое время. И константинопольский архиепископ поступил следующим образом: завел в столице специальные всенощные бдения по будним дням для мужчин, которые работают в воскресные и субботние дни. Работающие мужчины специально посвящали будний день и ночь длинным молитвенным собраниям, чтобы не лишать себя Причастия, службы, слушания слова Божия, проповеди. Отговориться своей занятостью они уже не могли, и если действительно хотели молиться, то приходили.

Такие службы, между прочим, до сегодняшнего дня существуют. Например, в туристических городах Египта в субботу и воскресенье большой наплыв туристов, и местные жители — верующие мужчины-христиане, работающие в сувенирных или других лавках или в барах и ресторанах официантами и поварами, для того чтобы не лишаться богослужения, в среду или в четверг идут на всенощное бдение с Причащением под утро. Для этого они специально выделяют день, более или менее свободный от туристов, а в субботу и воскресенье уже без зазрения совести занимаются работой.

У нас такой заботы о работающих мужчинах пока нет. И жаль, что нет.

О том, что духу человека несвойственен покой

— Отец Андрей, в одной из бесед мы говорили о том, как часто люди недоумевают, почему Господь не вмешивается в какие-то трагические моменты жизни и «позволяет» происходить злу. Но в то же время в аналогичных ситуациях другие, наоборот, видят Промысл Божий и способны без ропота принять происходящее. Одному надо долго доказывать, что Бог рядом, а другому ничего доказывать не нужно. Что стоит за такой разностью взглядов на жизнь?

— Думаю, что благодарные и неблагодарные отличаются так же, как верующие и неверующие. В конце концов, это внимательные и невнимательные. Вера, внимательность и благодарность — это очень важная триада, эти вещи связаны между собой.

Когда случается нечто серьезное, что заставляет человека сказать: «А где же Господь?», то в это время с ним трудно говорить, потому что он находится в состоянии некоего нравственного аффекта. Но хорошо бы спросить его, конечно: «А ты спрашивал, где Господь, все те дни, когда все было более-менее нормально?» Спрашивать, где Господь, нужно с утра до вечера. Верующий человек должен постоянно помнить о Боге и, начиная с утра, заканчивая отходом ко сну,

5. О ТАЙНАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

спрашивать: «А где Господь?» Если ты это делаешь, то Бог проявляет Свое присутствие, потому что Бог являет Свою близость человеку, ищущему Его. Тогда вопроса потом, в сложное время, не возникает.

Бесполезно спрашивать посреди беды, где Господь, потому что Он там же, где всегда, — Он везде. И посреди беды в том числе. Спрашивали ты, где Он, когда тебе было хорошо? Если нет, тогда бесполезно спрашивать, где Он, когда тебе плохо.

Бедая может заставить человека начинать переосмысливать свою жизнь. В подсознании любого человека мысль о Боге теплится, и тот, кто до беды или болезни никогда не помышлял о Нём, может сказать сам себе: «Стоп! Так что, это Бог меня наказывает? А за что? И что я должен сделать, чтобы избежать беды?» Это нормальный ход мысли человека, пока еще неверующего или, скажем, человека с совестью спящей, которая вдруг просыпается.

Верующий ведет себя иначе. Он же знает, что он несовершенен и двоедушен, и вообще не таков, каким призван быть. Беду он принимает как строгое взыскание, которого он достоин.

— В бедственном положении человек просит Бога о помощи. А каким должен быть правильный вопрос во дни благоденствия?

— Дух человеческий должен искать Бога всегда и всегда спрашивать: «Где ты, Господи?»

Человеку мало благоденствия. Благоденствие не насыщает до конца, и, окруженный комфортом, внешним спокойствием и защищенностью, ты не перестанешь мучиться поиском чего-то большего.

Духу человеческому никогда не бывает спокойно, потому что он имеет прикосновение к бесконечному. А бесконечное насыщается только бесконечным. Тело вполне конечно, когда ему не жарко, не холодно и не больно, когда нет угрозы для жизни и есть определенная сытость, защита, «уверенность в завтрашнем дне» — ему может быть хорошо. Тело не сигнализирует ни о каком недостатке в том, что жизненно необходимо. Казалось бы, беспокоиться не о чем, все нормально. Когда тебе хорошо физически, вся психическая жизнь должна бы замереть: например ты лег в джакузи и все забыл. Казалось бы, лежи себе и лежи!

Но ведь на самом деле так не бывает. Душа все равно о чем-то думает, размышляет, беспокоится, вспоминает прошлое, думает о будущем...

— *Это беспокойство присутствует в каждом из нас?*

— Должно присутствовать, по идее.

Помните притчу о богаче, который собрал свое богатство в житницы и сказал сам себе:

«Душа моя, ешь, пей и веселись! Много добра у тебя собрано на многое время!»⁶⁵ Святитель Василий Великий в толковании на эту притчу говорит о богаче: «Ты бы имел право на такие слова, если бы у тебя была душа свиньи».

Но у человека не душа свиньи. Человеческая душа не такова, она не может есть, пить и веселиться и успокоиться от того, что у нее «много собрано добра». Все равно есть некая тревога. Все равно есть некие вопросы. Дух — беспокоен, он не находит покоя, пока не утвердился в Боге и в Нём не упокоился. До этого времени ему заказан покой.

Человек, у которого душа свиньи, может быть благодушен, сидя в джакузи. А человек, у которого душа человека, не будет благодушен ни при нахождении в сауне, ни на вручении ему Нобелевской премии.

О том, что рабство — дело добровольное

— *Не научились ли мы глушить это беспокойство в XXI веке? Не отнято ли оно?*

— Отнято. С одной стороны, суета отнимает у человека мысли о бóльшем, а с другой стороны — сама суета придумана для того, чтобы мысли о бóльшем не мешали тому, чтобы жизнь текла привычной чередой.

⁶⁵ См. Лк. 12: 16–21.

Человек на самом деле любит суету и с удовольствием в нее погружается: с беспокойством он решает, куда бы пойти сегодня или завтра и что бы еще такое сделать, чтобы ни о чем не думать? «Покажите мне что-нибудь, займите меня чем-нибудь, устройте мою жизнь так, чтобы я менял удовольствия одно за другим и имел возможность ни о чем больше не думать!» — есть такой тайный запрос в человеческом сердце.

И спрос рождает предложение: возникают много разных фабрикантов удовольствий, которые дают тебе первое, пятое, десятое, чтобы твое внимание всегда было занято. И такой человек, как в сказке, прыгает из одного чана в другой: из чана с кипящей водой в чан с молоком, из молока в кисель, из киселя — в холодную воду...

Нельзя думать, что мир виноват в том, что у нас нет времени подумать о главном, здесь есть взаимное движение навстречу. Не только мир навязывает нам такую модель жизни, но и наше сердце втайне взывает к миру: «Дай мне такую жизнь, чтобы я ни о чем не думал!» И это еще большой вопрос, кто здесь первый: «заказчик» или «продавец».

Это надо понимать. Самолюбивой ложью было бы говорить: «Какой я несчастный! Моя душа хочет единого на потребу, а вместо этого я вижу миллионы соблазнов и не могу удержаться!» Скорее всего, твое сердце втайне хочет того, что

тебе предлагают, и поэтому ты находишься там, где находишься. Конечно, и мир на тебя влияет. Ты родился в мире аттракционов, кинотеатров, парков, фонтанов, развлечений, родительских пожеланий того, чтобы тебе всегда было «вкусно, мягко и удобно». Это понятно. Ты отчасти жертва, но только отчасти. С тех пор как ты созреваешь как личность и отдаешь отчет в том, что тебе нужно, — выбор за тобой: либо единое на потребу, либо подчинение диктату суеты.

Так что здесь надо снимать пленку за пленкой того покровы лжи, который мешает дать ясный ответ на вопрос, как я живу. Рабство цивилизации — это добровольное рабство. Есть тысячи вариантов, как все это бросить и получить свободу.

О дарах и анафемах XXI века

— В первой беседе мы говорили о том, что каждому времени свойственно свое мышление: Средним векам, Новому времени... Каково, как Вам кажется, мышление нынешнего времени? Что мешает человеку сегодня верить в Бога, — именно сегодня, — и что ему помогает?

— В кратких молитвах Иоанна Златоуста (7-я молитва вечернего молитвенного правила. — Ред.) изображаются разные цепочки грехов, от которых мы просим Бога нас избавить, и цепочки добродетелей, которым мы просим нас научить.

Одна из этих цепочек очень отвечает нашему времени — это неведение, забвение, малодушие и окамененное нечувствие.

Первое — это неведение, или иначе, незнание важнейших вещей, касающихся жизни человека. У каждого человека есть интуитивное чувство того, что жизнь конечна, что в конце ее надо будет дать ответ. Совесть смутно чувствует, что это правда. А вот если человеку сказать о том, что так оно и есть, что действительно будет Страшный Суд, на смутное чувство его сердца ляжет рациональное слово и то, что угадывалось интуитивно, станет мировоззрением.

Множество людей являются в этом смысле абсолютными невеждами! Они не знают, что мир сотворен Богом и имеет свою цель, что человечество ожидает Судный день, когда все тайное станет явным и каждый из нас обнажится от всех покровов и предстанет перед Богом и людьми как на ладони — будет видно все, что в нем и что с ним. Не знают, что за Судом последует воздаяние и вечная жизнь; что существуют некие правила жизни, которые Бог благословляет, и нечто, что Бог не хочет терпеть. И так далее.

Словосочетание «Страшный Суд» каждый человек, скорее всего, слышал, но часто оно для него остается не более, чем словом, вербальным звуком. И оно очень быстро исчезает, как пар, оставляя человека с тем, что и было у него

раньше: Control Strike, кроссворды, футбол или еще что-нибудь...

Мы живем во времена массового неведения. И это неведение не всегда невольное.

— *Разве можно говорить о неведении в эпоху всеобщей грамотности и Интернета, когда о любом явлении можно узнать не выходя из дома?*

— В эпоху грамотности можно смелее всего говорить о неведении. Почему?

Эпоха грамотности выбрасывает в сферу потребления такое количество знаний, бесполезных и не касающихся прямо человека, что доля полезных знаний оказывается критически малой в общей массе информации. Минимальной. Эпоха общей грамотности угрожает человеку именно незнанием главного. Можно разбираться во всех марках машин, в тонкостях и нюансах архитектуры или дизайна, быть сведущим в вопросах географии и геополитики, но ничего не знать о том, почему сказано: «Да оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей»⁶⁶. Или еще о каких-то элементарных вещах в этом роде.

Великое неведение — это характерная черта эпохи великой грамотности. Как говорил святитель Николай Сербский, древние люди очень немного знали, но очень много понимали,

⁶⁶ См. Быт. 2: 24; Еф. 5: 31.

а современные люди стали очень много знать, но куда меньше понимать. А в конце времен люди будут очень много знать и — не понимать ничего.

Современный человек — он таков. Он знает много, а много ли понимает?

Возьмем, к примеру, современные технические достижения. Компьютер, интернет-пространство, социальные сети были изобретены для того, чтобы людям было легче коммуницировать между собой, преодолевать расстояния и больше общаться друг с другом. Сегодня они превратились в способы полной изоляции людей. Люди редко выбираются из интернет-пространства наружу, в живую жизнь — в тактильную жизнь, в жизнь «глаза в глаза».

Крики с требованием свободы привели к полному концлагерю. Технологии, придуманные для того, чтобы сделать человека более общительным и живым, в итоге закупили его в консервную банку. Современный человек не выпускает из рук телефон или айпад, но боится личного контакта, потому что он привык общаться только через СМС или в скайпе.

Точно так же и здесь: на обратной стороне всеобщей грамотности и информированности воцарилось полное невежество.

Представьте себе человека, который управляет каким-то сложным механизмом, летает на самолете или в космическом корабле и не знает

элементарных вещей: что такое ромашка, клевер или роза, как выглядят закат и рассвет, как пахнет теплое молоко... Он живет в параллельной реальности. Современный человек рискует стать таким.

Но вернемся к цепочке Иоанна Златоуста. Следующим в ней идет *забвение*: ты знаешь, но забываешь. Информационный напор, наваливающийся на тебя, вытесняет из твоего сознания важнейшие и естественные вещи, вроде бы хорошо тебе известные. Например, ты прекрасно знаешь, что есть Бог и что надо ходить перед лицом Божиим, но это знание вытесняется из сознания. Ведь большинство грехов мы совершаем потому, что забываем, что нельзя гневаться, нельзя осуждать или злорадствовать...

Вслед за неведением и забвением идет *мало-душие*. Малодушному не хватает духа сопротивляться соблазнам. Человек вроде бы и знает, как правильно, и помнит об этом, но ему теперь нужно подключить волю, а духа — мало.

Наконец, Иоанн Златоуст говорит об *окаменном нечужестве*. Это такое состояние души человека, когда он не боится грешить, потому что греховный навык победил в нем боль и стыд. Такой человек как бы говорит: «Да ладно! Уже ничего не сделаешь!» Духовно он подобен мертвецу — ведь мертвому не может быть стыдно, совестно или страшно.

Эти четыре состояния очень логично связаны и собраны в одну молитву святым Иоанном Златоустом (которого вообще можно назвать христианским гением). Очевидно, раз он сказал эти слова в IV веке, то и тогда это имело свою актуальность. Но и на сегодняшнее время нельзя лучше описать состояние человека: он не знает ничего, потом узнает, но забывает, а если знает и не забывает, то не имеет мужества бороться и, наконец, может дойти до того, чтобы грешить по привычке, и его душа, как мертвая, уже не болит от этого.

Вот картина жизни и портрет современного человека.

О том, почему легок Великий пост

— *Неужели с IV века ничего не поменялось?*

— Принципиально человек с IV века не поменялся. Но исполнение того, что правильно, стало затруднительным.

Почему? Представим, что мы имели бы возможность сделать следующее: зная, сколько праведников проживает в том или ином населенном пункте, проверить в нем статистику преступности, разводов, аборт, немотивированных убийств и грабежей, динамику роста психических заболеваний и, напротив, количество усыновленных детей, волонтерских социальных проектов и тому подобного. И — сравнить получившиеся цифры

с теми, которые дают города, имеющие в себе не одного, а три, пять или пятнадцать святых.

Я уверен, на выходе мы будем иметь совершенно разные показатели. Можно было бы, глядя на цифры и графики, воочию увидеть, насколько по-разному проходит жизнь людей в городе, если рядом с ними есть праведники. И как само присутствие этих праведников благотворно влияет на окружающую жизнь: смягчает нравы и сердца, просвещает умы, понижая уровень преступности и беззакония.

Такой эксперимент невозможен, ведь святые потому и святые, что они прячутся от мира и не позволяют себя идентифицировать. Но очевидно, что во времена Златоуста некоторые вещи делались легче и понимались четче, а в наши времена те же вещи понимаются и реализуются куда труднее.

— Наличие рядом или хотя бы в одном городе с тобой святого способно так сильно влиять на человека?

— Очень сильно. Как чувствуется в городе наличие реки. Одним будет город, в котором нет ни реки, ни водоема, и совсем другим — город, через который протекает мощная речная артерия: воздух иной, больше зелени, отовсюду пахнет свежестью, все улицы сводятся к набережной: можно выйти на простор и увидеть перед собой речную гладь. И чем ближе подходишь к реке, тем легче дышится.

Наличие святых людей в социуме оказывает удивительно благотворное воздействие на жизнь окружающих, независимо от того, понимают они это или не понимают. Скорее всего, не понимают. Ведь не понимали жители Содома, что среди них живет Лот и ради этого праведника их город стоит, — до тех пор, пока Лот не вышел за ворота и город не был уничтожен.

Почему в одной местности, например, люди не боятся воров и не закрывают двери на ночь, а в другой, в пяти километрах оттуда, — закрывают? Очевидно, это не связано ни с географией, ни с климатом, ни с этносом — этнос и климат одни и те же. Дело совершенно в другом: в накопленном опыте греха и святости. Там, где был святой человек или где сохранились какие-то святые обряды и обычаи, которые держатся нерушимо, жизнь будет течь иначе.

Заповеди легче исполнять там, где они исполняются еще кем-то, кроме тебя. Человеку, окруженному людьми, которые попирают заповеди, будет очень тяжело: он будет мучиться от осознания необходимости праведной жизни и от отсутствия в себе силы ее вести. Это одно из страданий современности, страданий человека последних времен: вокруг нет примеров святости, которые бы поддерживали его решимость. Если бы рядом с ним, в одном пространстве жизни, появились еще люди, которые бы делали то

же самое, человеку вдруг стало бы легче преодолевать свое малодушие, зная, что кто-то где-то тоже совершает невидимое усилие борьбы с грехом.

Например, замечено, что Великий пост дается многим христианам очень легко и радостно. Почему? Потому, что в это время в подвиг поста вступает вся полнота Церкви. Худо-бедно, но вступает: кто-то впервые отказывается от мяса, кто-то начинает класть поклоны, читать Псалтирь, посещать все службы, кто-то вообще не ест ничего. И в это время массового порыва людям легче совершить собственное усилие. И насколько тяжело держать пост, когда не постится никто вокруг. Это несомненный факт.

Когда вокруг человека нет ни учителей, ни наставников, ни праведников, ни помощников, ни хотя бы даже единомысленных друзей, с которыми можно голосом перекликнуться, он подобен тому, кто переплывает океан на надувном матрасе. Все, что у него остается, — его вера и страх Божий и память какого-то личного опыта прикосновения благодати.

О том, кому на пользу легкость бытия

— Не может же быть, чтобы люди последних времен были совсем оставлены Господом на произвол судьбы. Какие преимущества несет наше

время? Что имеют верующие сегодня, чего не имели люди предыдущих веков?

— Да, конечно. В нашем веке немало хорошего.

Есть две вещи, которые очень сильно облегчены для нас, — коммуникации с людьми и перемещения в пространстве. У нас появилась возможность не тратить свою жизнь на добычу тысячи вещей, забота о которых в прежние века занимала практически все время человека, с утра до вечера: хлеб, тепло, элементарные бытовые удобства. Мы живем в хороших бытовых условиях — даже самые бедные люди имеют стиральную машину. Большинству из наших сограждан не грозит голод, у нас есть определенные социальные права, более или менее соблюдаемые в том мире, который называет себя цивилизованным. Техническая цивилизация освободила нас от множества вещей. Вопрос в том, как этой неожиданной свободой распорядиться.

Современная цивилизация как бы говорит: «Вот тебе хлеб, вот тебе время, вот тебе лекарства от болезней, вот тебе транспорт, чтобы ты везде мог успеть... Чем ты теперь займешься? Поедешь ли в библиотеку, или начнешь усердно молиться об очищении твоего сердца, или с неукротимой энергией совершать дела милосердия? Что ты станешь делать со своим свободным временем?»

5. О ТАЙНАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

Опыт показывает, что человек начинает заниматься чем угодно, кроме того, чем заниматься надо... Нам дано время, а мы не знаем, куда его деть, или же занимаем его совсем не тем, чем стоило бы. Как говорится, солдат без лопаты — это потенциальный преступник. Его мечта — это двойная порция обеда и никаких обязанностей, и, как только он это получит, жди от него всего, что угодно...

Тяжесть жизни имеет свое благо. Цивилизация облегчает внешний круг жизни, который давит на праведника, тянет его к земле и заставляет страдать. А грешника внешняя легкость жизни губит, а тяжесть жизни — спасает.

Тому, кто занят разумно, все послужит на благо: телефон, компьютер, лифт, метро, транспортное средство. Но когда люди не используют эти короткие периоды комфортного жития, данного им, Господь возвращает их в период ручного плуга и тягловой силы. Мы к этому вполне можем вернуться.

В каких бы условиях человек ни жил, он должен всю жизнь спрашивать, где Господь, быть нравственным существом, исходя из памяти о Боге. Не может быть автономной нравственности. «Пусть Бог меня не трогает, я буду доброй без него!» — это нравственность, придуманная дьяволом. Если же ты помнишь Бога и хочешь выстроить свою жизнь исходя из

ЧАСТЬ I. Бог и личность: разговор на глубине

Божиих законов, тогда тебе будет полезно быть и царем, и вельможей, и военачальником, и хлебопашцем, и офисным сотрудником, и работником культуры, — кем угодно. Ты найдешь свою нишу.

А если человек не думает о Боге, любое благо обращается для него во зло.

ЧАСТЬ II

Радость тихая — дышать и жить

— Отец Андрей, Вы упомянули о внимательности, как о важной черте человека на его пути к вере. Казалось бы, тут должно было прозвучать другое слово: смирение, любовь, доверие... Могли бы Вы пояснить, почему именно внимательность и невнимательность имеет такое значение?

— Сразу после освящения Святых Даров священник молится, чтобы эти Святые Тайны были причащающимся людям *«во трезвение души, во оставление грехов, в приобщение Святого Твоего Духа, во исполнение Царства Небесного, в дерзновение еже к Тебе»*, то есть в дерзновение к Богу. Трезвение, трезвость души — это трезвая самооценка себя по отношению к Богу и к людям в каждой конкретной ситуации. Человек трезвящийся — тот, кто внимателен к себе и кто бодрствует над собой, чтобы не впасть в искушение (об этом Христос просил Своих учеников в Гефсиманском саду: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение»⁶⁷). Вот это и есть внимание.

⁶⁷ См. Мф. 26: 41.

А что такое, соответственно, невнимание? Мы невнимательны, когда тысячи тех случаев, в которых мы были спасены, находясь уже на краю бездны, относим на долю счастливого стечения обстоятельств и продолжаем жить дальше, как жили. По сути, это пренебрежение Промыслом Божиим. В каждой из этих точек, когда ты нежданно-негаданно вышел из беды, был спасен и помилован, ты должен был изменить свою жизнь, благодарить и изменяться, а ты продолжил жить по-старому, назвав то, что сделала Божия рука, слепым случаем: «Ну, повезло!» или «Пронесло!»

И невнимательная жизнь — не что иное, как отказ поклониться Богу Живому и многократное отвержение Божией помощи или приписывание Божией силы чему-то другому, безликому — случаю, фатуму, везению. Это попытка, не сказав даже «спасибо», сразу убежать от Бога, в следующую секунду после того, как Он тебе помог.

У одного современного певца, шоумена — Псоя Короленко есть песня, самая лучшая, на мой взгляд, из всех, которые он поет: «Держи ум во аде» (в ней рефреном звучат слова из жизнеописания преподобного Силуана Афонского: «Держи ум свой во аде и не отчаивайся»). В этой песне описывается состояние души за гробом, которая, попав в другой мир, вдруг понимает, что в той, прошедшей, жизни она была очень нехороша, и слышит от Бога такие слова: «Ты помнишь,

человече, как тебя Я стерег? Что ж ты свою душу для Меня не приберег? Слабенькую душу, маленькую, слушай, для кого сберег?»

Оказывается, что Бог очень бережет человека. Усиленно, кропотливо. А человек не дает себе труда понять, откуда это все: тонкое стечение обстоятельств, сложная смесь реализованных возможностей, вся та длинная цепь закономерностей, бывших с ним в жизни. Разве это имеет право называться случайностью? Страшно, если человек приучил себя так считать.

У Осипа Мандельштама есть такие строки: «За радость тихую дышать и жить, кого, скажите, мне благодарить?» У поэта возникает желание благодарить всего-навсего за радость дышать и жить. А здесь уже речь идет о большем. Размышляя, копаясь в глубинах своего «я», человек должен понять, что это абсолютно верно — просто за «радость тихую дышать и жить» нужно Кого-то благодарить.

Это можно отнести, конечно, к свойствам душ восприимчивых и чувствительных, поэтических или пророческих. Может быть, какой-нибудь сталевар не склонен благодарить никого за то, что он живет и дышит. Но у каждого человека есть целый набор событий, когда он погибал и ожил, пропадал и нашелся⁶⁸, когда он был на

⁶⁸ Слова отца из притчи о блудном сыне. См. Лк. 15: 11–32.

границы и сохранился, был у пропасти и его от нее отодвинул Кто-то. Вот уж за это — можно благодарить? Задаться вопросом: кого благодарить мне за мое спасение? Случай? Фарт? Счастье?

Поэтому тем быстрее Бог превратится в живой вопрос — есть Он или нет Его? — чем ты более чуток к событиям своей жизни. Невнимательному нужны война, катастрофа, кораблекрушение, обрушение собственного дома. Более внимательному нужно что-нибудь поменьше, например удар молнии рядом с ним или авария, когда машина — всмятку, а на тебе — ни царапинки. А еще более внимательному нужно что-нибудь совсем маленькое. Иному вообще ничего не нужно, просто размышление о том, что «я есть, и раз я есть, неужели я мог быть случайностью? Раз есть я и есть вот этот букет ромашек, значит, очевидно, и у ромашек, и у меня есть некий Творец, и скорее всего, общий Творец, потому что и то и то хорошо. А Кто это?»

Вопрос о том, кто такой Тот, Кто меня создал, рождается в душе именно по мере внимания. А невнимательность бесконечно отодвигает этот вопрос на задний план. Но время-то идет...

Бывает так, что сердце часто чувствует верно, а ум может подсунуть человеку «свинью»: «Да ладно, перестань, какой Бог!» Как в известном анекдоте (анекдот — это же откровение о человеке, некая фиксированная правда, рассказанная в очень

доступной и краткой форме) про человека, который сорвался с высокого этажа и, пока летел до земли, успел дать Богу множество обещаний: «Да я больше никогда!... да я больше ни за что!..» В итоге он падает в какой-то ворох сена и, отряхиваясь, говорит: «Пару секунд летел, а сколько ерунды надумал!» Это тоже правда о человеке, о лукавстве и неблагодарности человеческих.

Представляете, сколько в мире есть и было людей, какие они все разные, и все потенциально хорошие, и как Бог смотрит на каждого из них в отдельности и каждого в отдельности любит. В ответ на эту любовь, на это ожидание человек должен был бы совершить ответное движение к Богу, а вместо этого — какое-то многомиллионное, многомиллиардное лукавство...

О том, какими могут быть святые

— *Есть ли святые, которых можно назвать «святыми покровителями атеистов», то есть те, кому самому пришлось пройти трудный путь от неверия к вере?*

— Первый, кто приходит на ум, это блаженный Августин, прошедший очень длинный путь к Церкви. Это помощник тем, в ком есть некий избыток дарований и жажда истины, у кого беспокойная, ищущая душа; кто тщеславен, умен и ненасытен; кто мечется между

юриспруденцией, театральным искусством, философией, военным делом, отшельничеством и кому всего мира мало. Блаженный Августин был именно таким — тщеславным, энергичным, талантливым, ненасытным, нашедшим Бога очень поздно, успевшим пройти все возможные «синусоиды» на этом пути. Для подобных ему людей этот святой может быть незаменимым помощником и молитвенником.

Много людей, не искавших Бога, но нашедших Его, есть среди мучеников, которые зажглись огнем веры, видя страдания христиан, казнимых за Христа, и их твердость. Когда истязали великомученика Георгия или великомученицу Варвару, немало из наблюдавших их страдания загорались верой, исповедовали Христа Богом и умирали вслед за ними. Великомученики совершали апостольский труд — фактом своего беспримерного терпения и благодати, которая была с ними рядом и помогала им, они обратили к Богу множество людей.

Например, есть такая супружеская пара мучеников: Адриан и Наталья. Адриан был нотариусом: он записывал протоколы допросов христиан. Перед его глазами проходили люди разных возрастов, доходов, состояний, мужчины и женщины, которых ожидали ссылки, гонения, лишение имущества, смерть. Изо дня в день он видел этих людей, смотрел на них, записывал их

показания — где ты родился? как тебя зовут? христианин ли ты? готов ли ты страдать за свою веру? Его поражала их твердость в своей вере. И Адриан заинтересовался, стал специально приходить к христианам в темницу, разговаривать с ними, спрашивать: «Вы же не преступники, не убийцы. Вас ожидают страшные мучения, в лучшем случае — изгнание. Зачем вы решаетесь на это? Что вы ожидаете взамен? Что дает вам ваша вера?» И они отвечали: «Мы не можем тебе этого объяснить. Но то, что Бог обещал нам, несравнимо ни с чем. Он вознаградит нас за верность Ему!»

И эти христиане зажгли Адриана своим исповеданием, так что на очередном допросе он сказал: «Я — тоже христианин!» И — встал вместе с ними.

Такие мученики и великомученики, и те, кто зажегся верой от них, могут быть молитвенниками за людей, ничего специально не ищущих, но которым нужен пример чужой веры, — такой веры, удивившись которой они смогли бы найти свой путь к Богу.

— Отец Андрей, в предыдущих беседах Вы несколько раз упомянули святителя Луку Войно-Ясенецкого, как человека, выбивающегося из привычных представлений о том, каким должен быть святой. Не могли бы Вы рассказать о нем? Что делает его особенным?

— Здесь, пожалуй, вопрос не только в святителе Луке, — вопрос шире, он касается святости как таковой.

Святитель Лука в первую очередь сочетал в себе вещи, которые до него не сочетались ни в ком: хирургию и епископство. Святые врачи-бесребреники, которых мы чтим, во-первых, не были хирургами в современном представлении. На иконах великомученик Пантелеймон изображен держащим в руках ложечку и коробочку с разными мазями, притираниями и порошками, но у него нет в руках скальпеля. У святителя Луки скальпель был. Он оперировал, резал, трепанировал — делал все то, что предполагала его врачебная профессия. И во-вторых, целители Косьма, Дамиан, Пантелеймон не имели сана, они не были служителями Церкви. А святитель Лука был епископом.

Сам факт такого сочетания противоположностей очень характерен для нашего сумасшедшего века, в котором схлестнулось много несочетаемого и несовместимого. Это было время, когда стало трудно осуществить привычные «модели святости», нужны были новые, и жизнь святителя Луки — один из примеров того, какой может быть жизнь праведника в страшную и сложную новую эпоху.

Потом, святитель Лука сочетал в себе строгость и любовь. Эти черты представляются нам противоположными, но у святых строгость

и любовь вполне сочетаются. Например, Николай Чудотворец — любвеобильный помощник и вместе с тем очень строгий обличитель, наказывающий тех, кто должен быть наказан. В акафисте Святителю Николаю поется: «Радуйся, согревание сущих во мразех! Радуйся, быстрое нищих услышание!», и вдруг — «Радуйся, страшный наказателю обидящих!»...⁶⁹

Таким же был и святитель Спиридон Тримифунтский. Он мог быть милосердным, кормить голодных, но в то же время мог, например, лишить всего имения скупого богача. Сила Божия в святых действует разнообразно: одного она смиряет, другого возносит, из праха поднимает нищего, а гордящегося низвергает в ад. Любовь не всегда проявляется так, как нам приятно и удобно.

Так же и святитель Лука. Он был очень строг и строжайше взыскивал со священников за то, что они крестили обливанием, а не погружением⁷⁰,

⁶⁹ «Радуйся, согревающий страждущих от морозов... радуйся, быстро нищих слышащий... радуйся, страшный отмститель обидчикам!» (перевод на русский иеромонаха Амвросия (Тимрота)).

⁷⁰ В Православной Церкви Таинство Крещения совершается троекратным погружением крещаемого с головой в купель со святой водой со словами «во имя Отца и Сына и Святого Духа». Крещение обливанием допускается лишь в крайнем случае.

что ходили по улице без ряс, в мирской одежде; за то, что не знали будничной службы (очевидно, служили только праздничные), что храмы были закрыты в будние дни.

Можно вспомнить и такого парадоксального святого XX века, как Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский. Этот святой русского зарубежья, родной нам по крови, заслугой которого является полноценная жизнь многих русских православных приходов за рубежом, был настолько же любим одними, насколько ненавидим другими. Многих святитель Иоанн страшно раздражал тем, что, например, служил литургию каждый день, стоял в алтаре босиком, не спал по ночам, не давал себе покоя, с утра до вечера ездил причащать разных больных по больницам и вообще был пренебрежителен ко всякого рода формальностям. Он не был похож на епископа, каким мы его привыкли себе представлять. Это был юродивый, преподобный и святитель в одном лице. И насколько это радовало одних, настолько это ужасало и раздражало других. К концу жизни его отстранили от управления епархией, как неспособного к этому служению в силу... сумасшествия. И когда одни отпевали его и плакали о том, что он ушел, другие едва ли не благодарили Бога, что Сан-Францисский архиепископ наконец умер...

Таким же был и Иоанн Златоуст. Одни из числа православных считали его лучшим архиереем

в истории Церкви, а другие (и в их числе прославленный в лике святых святитель Кирилл Александрийский) говорили, что, если Иоанн — хороший епископ, тогда Иуда — апостол...

В этом смысле жизнь любого святого очень драматичная, она возбуждает к себе как любовь, так и ненависть. Но проходит время, меркнут и забываются те, которые враждовали против праведников, а их святость остается и сияет, и мы уже греемся светом этого малого солнца.

Ведь если человека любят все, то, как сказано в Евангелии, горе такому человеку! «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!»⁷¹ И если кого-то не любят, то святого в первую очередь.

Поводы для вражды всегда найдутся. Враги святости могут, например, сказать, что Златоуст нарушал чин хиротонии, рукоположив дьякона не на литургии, а у себя в келье; что он вмешивался в дела неподвластных ему епархий, запрещая там в служении поставленных за деньги священников. Да, он так делал. Формально он виноват.

А святитель Лука, например, имел у себя в кабинете портрет Ленина и собрание его сочинений. «Да он коммунистом был!» — скажет кто-нибудь. И ошибется. Крымский епископ не был коммунистом. Он просто был человеком той

⁷¹ См. Лк. 6: 26.

эпохи и читал все, что нужно было читать для того, чтобы уметь разговаривать с уполномоченными и с другими партийными работниками. Святитель Иоанн Шанхайский мог, например, вместо омофора надеть на шею махровое полотенце, так что вокруг говорили: «Да что он творит! Пренебрегает священными предметами, нивелирует епископство до шутовства!»

Святого легче всего обвинить в формальном нарушении правил потому, что он выше их.

Святость на самом деле выше правил. Святые могут действовать противоположно в одинаковых ситуациях. Например, страстотерпцы Борис и Глеб не сопротивлялись тем, кто пришел их убить, а первые христианские мученики на Руси, Феодор и Иоанн, погибли с оружием в руках, защищаясь от своих убийц. «По правилам» либо одни должны быть неправы, либо другие. Но и те и другие во святых.

Святость такова. Можно проиграть и стать святым, а можно выиграть и тоже стать святым.

Господа Иисуса Христа осуждали именно за несоответствие формальным правилам. «Ведь Он сказал человеку в субботний день, когда правоверные иудеи должны находиться в покое, чтобы тот взял свою постель и пошел?»⁷² Значит, не от Бога этот Человек, потому что Он не хранит

⁷² См. Ин. 5: 1–8.

субботу! А где Он родился? В Назарете? Стало быть, Он не может быть Мессией, ведь Мессия должен родиться в Вифлееме!»

Этот религиозный формализм, конечно, страшен. А святые преодолевают формализм. Они в этом смысле похожи на Христа, Который для одних — соблазн, а для других — безумие⁷³.

Кто любит Бога, тому дано знание

— *Что должно быть такого в человеке, чтобы он, поверх всех правил, различил истину?*

— Это вопрос ухода от формальных признаков в глубину. Сложный вопрос... Мне кажется, он ускользает от точного ответа. Здесь уместно вспомнить слова Христа о том, что Бога узрят чистые сердцем⁷⁴.

Если сердце человеческое гнило, зло, корыстно, то человек не узнает истины. Или узнает, но пойдет за ней с таким раздвоением, с которым пошел за Христом Иуда. Ведь Иуду никто насильно не тянул в апостолы, он сам пошел, но пошел с раздвоенной душой. Если остальные апостолы шли за Учителем с открытыми глазами и открытыми сердцами ловили каждое Его слово и жест, находясь в состоянии постоянного

⁷³ См. 1 Кор. 1: 22–23.

⁷⁴ См. Мф. 5: 8.

обучения, то Иуда находился в состоянии постоянного анализа и борьбы: тот ли это Человек или не тот? Можно предположить, что эта аналитика его и сгубила.

Сердце должно схватить суть явления, помимо формальных признаков, если же ты вздумаешь математически «рассчитывать критерии» истины и ставить напротив каждого галочку, то, конечно, ошибешься. Это тайна соприкосновения духа человеческого с явлением.

— И снова мы приходим к тайне, с которой начали...

— Так оно и должно происходить. Мы выходим из области тайн, где-то кружимся, а потом опять погружаемся в тайны. Все, что можно рационально осмыслить, находится на этом пути — из тайны в тайну.

— Почему же человек так отчаянно не любит тайн и хочет, чтобы ему все было объяснено?

— Это может быть унаследованная дьявольская болезнь. Грех дьявола заключался и в том, что он хотел знать все и в этом, может быть, равняться Богу. Незнание было для него оскорбительным.

Ум человека заражен той же самой болезнью: желанием все понимать самому, быть хозяином ситуации, считая себя достойным всезнания

и оскорбленным неведением чего бы то ни было. Это и есть, в самых общих чертах, дьявольская болезнь.

— *Куда от нее бежать?*

— К Иисусу Христу. Он — источник знаний. Бог обещает нам подлинное знание, обо всем, если мы последуем Иисусу Христу, Слову Божию, взяв свой крест. Но вере и следованию предшествует смирение.

Гордый жаждет знаний, но знание уходит от него, потому что он недостоин знаний подлинных. Откровения даются смиренным. «Кто любит Бога, тому дается знание от Него»⁷⁵.

Первоначально смирение может быть покорностью через силу. «Смирение» содержит в себе слово «мир»: смирившись, ты примиряешься с тем, что происходит. А бывает, что мира в душе нет, но ты волевым усилием заставляешь себя принять неприятное и нежелательное, то есть смиряешься через силу. Такое смирение предшествует вере, и Бог потом воздаст тебе благодатью за него — за то, что ты употребил силу и покорился воле Божией.

Если ты искал веру, и нашел, и теперь стоишь перед закрытой дверью — надо стучать. Чтобы отворили, нужно стучать: «Просите, и дастся

⁷⁵ См. 1 Кор. 1: 8–3.

вам, ищите и обрящете»⁷⁶. Надо просить: «Открой мне. Пусти меня. Явись мне. Помоги мне!» Просьба — это личные отношения. Богопознание — это путь личного познания Бога.

— *Не пойдем дальше. Хочется остановиться перед этой тайной.*

— Остановимся.

⁷⁶ См. Мф. 7: 7.

Об авторе

Протоиерей Андрей Ткачев — священник храма Воскресения Словущего на Успенском Вражке в Москве, преподаватель Сретенской духовной семинарии и Православной гимназии святителя Василия Великого. Один из самых читаемых современных авторов православной литературы, известный миссионер и проповедник.

Двенадцать лет был клириком Георгиевского храма во Львове. На это время пришлось начало его миссионерской деятельности. С 2006 года — настоятель Киевского храма преподобного Агапита Печерского, а с 2007 года — еще и храма святителя Луки Крымского. В 2013 году возглавил миссионерский отдел Киевской епархии. Ведущий телепередач «На сон грядущим», «Сад божественных песен».

С 2014 года проживает с семьей в Москве. Ведет передачи на радио «Радонеж» и православном телеканале «Союз». Автор более 20 книг — сборников проповедей, эссе, рассказов.

Женат, отец четверых детей.

Об издательстве

Живи и верь

Для нас православное христианство — это жизнь во всем ее многообразии. Это уникальная возможность не пропустить себя, сделав маленький шаг навстречу своей душе, стать ближе к Богу. Именно для этого мы издаем книги.

В мире суеты, беготни и вечной погони за счастьем человек бредет в поисках чуда. А самое прекрасное, светлое чудо — это изменение человеческой души. От зла — к добру! От бессмысленности — к Смыслу и Истине! Это и есть настоящее счастье!

Мы работаем для того, чтобы помочь вам жить по вере в многосложном современном мире, ощущая достоинство и глубину собственной жизни.

Надеемся, что наши книги принесут вам пользу и радость, помогут найти главное в своей жизни!

Мы рекомендуем

Образовательно-просветительский проект «СТУПЕНИ ВЕРЫ»

Цель проекта — помочь человеку, пришедшему к вере, сориентироваться в новом для него мире Православия.

Шаг за шагом книги проекта вводят читателя в православное Предание, которым уже более двух тысячелетий живет Церковь, помогают разобраться в ее истории, понять смысл богослужений и познакомиться со Священным Писанием.

Отличительными особенностями книг курса является их полное соответствие учению Церкви, сосредоточенность на ключевых понятиях, лаконичность и доступность изложения.

Авторы курса — наши современники, профессионалы в своих областях: священники, преподаватели и писатели, не только имеющие глубокие знания в области изучения Библии, богословия и истории Церкви, но и умеющие ярко и доступно передать их читателю.

Этот курс станет незаменимым помощником как для людей, делающих первые шаги в Церкви, так и для всех, кто хочет расширить и систематизировать свои знания о православной вере.

Содержание курса «СТУПЕНИ ВЕРЫ»:

1 СТУПЕНЬ. ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

«Вхождение в Церковь»

«Духовная жизнь»

2 СТУПЕНЬ. ИСТОРИЯ

«История Церкви»

3 СТУПЕНЬ. БОГОСЛУЖЕНИЕ

«Как устроено богослужение Церкви»

«Церковнославянский словарь»

4 СТУПЕНЬ. СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

«Знакомство с Библией»

Где купить наши книги

В розницу наши книги можно купить
в магазинах Москвы и других городов России:

Москва

Сеть магазинов «Московский Дом Книги»

Тел.: 8 (495) 789-35-91

Сеть магазинов «Новый книжный»

Тел.: 8 (800) 444-8-444

ТДК «Москва»

ул. Тверская, д. 8, стр. 1

Тел.: 8 (495) 629-64-83

«Библио-Глобус»

ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1

Тел.: 8 (495) 781-19-00

«Молодая гвардия»

ул. Большая Полянка, д. 28

Тел.: 8 (499) 238-50-01

«Сретение»

ул. Большая Лубянка, д. 19

Тел.: 8 (495) 623-80-46

«Православное слово на Пятницкой»

ул. Пятницкая, д. 51/14, стр. 1

Тел.: 8 (495) 951-51-84

Primus versus

ул. Покровка, д. 27, стр. 1

Тел.: 8 (495) 223-58-20

Книжная лавка журнала «Фома»

м. «Краснопресненская», ул. Дружинниковская,

д. 15, здание киноцентра «Соловей»,

2-й этаж, офис 223.

Тел.: 8 (495) 775-73-61.

Санкт-Петербург

Сеть книжных магазинов «Буквоед»

Тел.: 8 (812) 601-0-601

Санкт-Петербургский Дом Книги

Невский пр., д. 28

Тел.: 8 (812) 448-23-55

«Слово»

ул. Малая Конюшенная, д. 9

Тел.: 8 (812) 571-20-75

Воронеж

Сеть книжных магазинов «Амиталь»

Тел.: 8 (473) 223-00-02

Сибирский федеральный округ

Сеть книжных магазинов «Аристотель»

Тел.: 8 (383) 330-09-22

Самара, Тольятти

Сеть книжных магазинов «Чакона»

Тел.: 8 (846) 331-22-33

Нижний Новгород

Сеть книжных магазинов «Дирижабль»

Тел.: 8 (831) 434-03-05

Ростов-на-Дону

Сеть книжных магазинов «Магистр»

Тел.: 8 (863) 279-39-11

Магазин «Покров+»

ул. Петровская, д. 9

Тел.: 8 (863) 263-85-07

Екатеринбург

Сеть книжных магазинов «Дом Книги»

Тел.: 8 (343) 253-50-10

Церковный магазин Екатеринбургской епархии
«Сибирская благозвонница»

ул. Белинского, д. 86

Тел.: 8 (343) 286-26-41

Белгород

Центр православной книги

Белгородский проспект, д. 75 а

Тел/факс: 8 (472) 233-36-80

Интернет-магазины:

Россия

«Лабиринт»	www.labirint.ru
«Озон»	www.ozon.ru
«Сретение»	www.sretenie.com
«Зерна»	www.zyorna.ru
«Библия.ру»	www.biblya.ru
«Риза»	www.zlatoriza.ru
«Воскресение»	www.pmv.ru

Украина

«Книжкин дом»	www.knigkindom.com.ua
«Интернет-магазин православной книги»	www.pravnet.in.ua

Наши электронные книги:

www.litres.ru
www.ozon.ru
www.wexler.ru

Для покупки книг оптом необходимо
обратиться в отдел продаж издательства
«Никея»: тел.: 8 (495) 600-35-10, доб. 109;
sales@nikeabooks.ru

МИЛОСЕРДИЕ

ПРАВОСЛАВНАЯ СЛУЖБА ПОМОЩИ

Помочь может каждый!

Служба помощи «Милосердие» действует по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и объединяет 23 социальных проекта и 3 благотворительные программы.

Служба «Милосердие» помогает детям, инвалидам, одиноким старикам, людям, оказавшимся в кризисной жизненной ситуации. Количество наших подопечных постоянно растет, за год служба помогает более чем 42 000 нуждающихся.

Деятельность службы «Милосердие» более чем на 70 % осуществляется на пожертвования частных лиц.

Вы тоже можете помочь нашим подопечным, став Другом милосердия.

Узнайте подробности на сайте
www.друзьямилосердия.рф

Понемногу от многих — это спасает жизни!

С друзьями не пропадешь!

УДК 242
ББК 86.372
Т 48

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 15-516-0768*

Ткачев Андрей, протоиерей

Т 48 Почему я верю. Простые ответы на сложные вопросы. — М.: Никея, 2016. — 240 с.
ISBN 978-5-91761-492-2

В своей новой книге известный миссионер и писатель протоиерей Андрей Ткачев предлагает нам совершить путь от начала поиска жизненного смысла до обретения этого смысла в христианстве. Автор раскрывает свой личный опыт веры и знакомит читателя с убеждениями великих ученых и отцов Церкви. Преодолевая вопросы и сомнения, он буквально «за руку» вводит нас туда, где вера и знания реализуются в осмысленную и наполненную жизнь — отец Андрей вводит нас в Православную Церковь.

**УДК 242
ББК 86.372**

© Издательский дом
«Никея», 2016

ISBN 978-5-91761-492-2 © Ткачев Андрей, прот., 2016

*Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р15-516-0768*

Духовно-просветительское издание

Ткачев Андрей, протоиерей

ПОЧЕМУ Я ВЕРЮ

Простые ответы на сложные вопросы

Беседы вела *Юлия Посашко*

Редакторы *Юлия Посашко, Яна Грецова*

Дизайнер *Антон Героев*

Корректор *Галина Репникова*

Верстальщик *Денис Гуськов*

В оформлении обложки использована фотография
Ивана Джабира

Издательский дом «Никея»

121471, Москва, ул. Рябиновая, стр.19

www.nikeabooks.ru

Издательский отдел:

тел.: 8 (495) 600-35-10; info@nikeabooks.ru

Оптовый отдел продаж:

тел.: 8 (495) 600-35-10; sales@nikeabooks.ru

Адреса розничных магазинов см. на с. 232–235.

Подписано в печать 13.10.2015. Формат 70×90 1/32

Бумага офсетная. Печ. л. 7,5. Тираж 6000 экз.

Заказ № 37633.

ISBN 978-5-91761-492-2

Отпечатано в соответствии с качеством

предоставленных издательством

электронных носителей

в АО «Саратовский полиграфкомбинат».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

www.sarpk.ru

- Разум и вера — где искать Истину?
- Надежда на Бога: безволие или благоразумие?
- Если верить, то почему именно в Христа?
- Христианство — религия свободных людей?
- В чем радость Православия?

Эти и многие другие вопросы возникают у человека, вставшего на путь поиска веры. Раскрывая перед читателем свой личный опыт, знакомя с убеждениями великих ученых и отцов Церкви, автор книги буквально «за руку» вводит нас туда, где вера и знания реализуются в осмысленную и наполненную жизнь — в Православную Церковь.

Протоиерей Андрей Ткачев — известный миссионер и писатель, блестящий публицист, ведущий передач на радио «Радонеж» и православном телеканале «Союз». Автор более 20 книг — сборников проповедей, эссе, рассказов, номинант Патриаршей литературной премии 2014 года. Священник храма Воскресения Словущего на Успенском Вражке в Москве.

никея о вере
открывая мир Православия

www.nikeabooks.ru

ISBN 978-5-91761-492-2

9 785917 614922